

С. Р. Минцловъ

Петербургъ

Издательство

КНИГА ДЛЯ ВСѢХЪ РИГА

Ottmar

С. Р. МИНЦЛОВЪ

ПЕТЕРБУРГЪ

въ 1903 — 1910 годахъ.

Всѣ права укрѣплены за автором.

Печатано в типографії
Д. АПТА,
Рига, Парковая ул. 1-а

ПРЕДИСЛОВИЕ

За всю свою жизнь я никогда не состоял ни в какой политической партии и не принимал участия в политических кружках и д'ялах. Я всегда оставался свободным человеком и мои записи не подсказаны мною партийной дисциплиной, а являются точным отражением того, что совершалось перед моими глазами и тых настроений, которые с каждым днем все глубже и шире захватывали весь слой общества и революционировали его. Мы жили на вулкане и постепенно отравлялись его газами: вот точка зрения, с которой должен будет смотреть на события этих лет историк патолог нашего времени. Поэтому да простит меня читатель та, быть может излишней, резкости, которые он найдет в моих записях и, которые свидетельствуют не о моих убеждениях, а о степени нервного возбуждения, какое мы переживали четверть века назад во дни первой революции.

С. Р. Минцов.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Царь Берендей. Таёжная побывальщина.
За мертвыми душами. Очерки.

Сны земли. Роман-хроника.

Закат. Роман.

Святые озера. Недавнее прошлое.

Мерцанье дали. Роман.

Чернокнижник. Рассказы.

Свистопуп. Юмористические рассказы.

Огненный путь. Роман.

Секретное поручение. Путешествие в Урянхай.

Под шум дубов. Исторический роман.

Волки. Исторический роман.

В грозу. Исторический роман.

Лесная быль. Исторический роман.

Приключения студентов. Истор. роман.

То, чего мы не знаем. Рассказы.

Далекие дни. Воспоминания.

Петербург в 1903—10 годах.

Дебри жизни. Дневник.

Трапезондская эпопея. Дневник.

Прошлое. Из воспоминаний.

Клад. Повесть.

Мистические вечера. Рассказы.

Быглецы. Роман.

Синодик книгохранилищ.

Обзор записок, дневников и воспоминаний, относящихся к истории России. 3 тома.

1903 год.

4 мая. Угрюмые всегда петербуржцы повеселились: сегодня разрешено женщинам ездить на верхах конок. Невольно улыбаешься, видя, как неумело, подобрав юбки, и сконфуженно, подымаются по крутым лесенкам барышни и дамы; глаз не привык встречать на империалах среди чуек и смазных сапогов нарядные жакетки и шляпы с цветами. Нынче обще-петербургское представление и первый женский дебют.

7 мая. Телеграф принес весть об убийстве уфимского губернатора Богдановича.

Весть эта принята обществом довольно равнодушно: смерть Боголюбова и Сипягина привыкла уже к подобным событиям, да Богданович и не пользовался расположением.

В газетах, конечно, помянуты трогательные некрологи, где он выставлялся в некоторого рода ореоле, но... чего не печатают в наших газетах!

8 мая. Дожди и дожди. Будет прискорбно, если празднование 200-летия Петербурга пройдет при такой погоде!

Городской голова Лелянов возил к министру внутренних дел церемониалы торжеств для утверждения; Плеве, увидав их, замахал руками и произнес: «короче, как можно короче!»

Есть слухи, что в юбилейные дни произойдут беспорядки; солдатам приказано выдать по 35 патронов на человека.

9 мая. П. П. Шенк, завѣдывающій библіотекой Императорских Театров рассказал мнѣ любопытный случай с покойным Д. Григоровичем. Он был предсѣдателем Литературно-театрального комитета и однажды явился в библіотеку, передал Шенку протокол засѣданія и ушел. Шенк пробѣжал протокол. Трактовалось о какой-то пьесѣ: раздѣлывали ее, что называется, под орѣх: и не сценична, и дѣланна, и характеров нѣт, и т. д., и т. д.

Проходит нѣсколько дней — в библіотеку ураганом врывается Григорович.

— Гдѣ протокол? гдѣ протокол? возбужденно спрашивает он у Шенка. Тот отдал ему бумагу, и старик Григорович стремглав бросился вон, как оказалось потом, опять в комитет.

На другой день является он в библіотеку и отдает Шенку протокол о той же пьесѣ. Читает он его и глазам не вѣрит. Пьеса хвалится до небес — и сценична она и характеры выдержаны, и мастерски написана. Что за метаморфоза?. Загадка скоро разъяснилась.

Передав в библіотеку первый протокол, Григорович поскакал к М. Г. Савиной: пьесу неизвѣстного автора представила она для своего бенефиса. У Савиной сидѣл А. С. Суворин.

— Помилуйте, матушка Марья Гавrilovna, заговорил войдя Григорович. Я сейчас из засѣданія, читали представленную вами пьесу: это простите, черт знает что — никуда негодная вещь!.. и пошел честить ее.

Марья Гавrilovna молчала и улыбалась. Наконец, Григорович кончил.

— А вот позвольте вам представить автора этой пьесы, сказала Савина, указывая на Суворина. Григорович словно ужалило; он забормотал, залепетал, растерялся.

— Да вы про что, Марья Гавrilовна? Про какую пьесу? Вы вѣдь представили их двѣ... (пьеса была представлена ею только одна, и М. Г. усмѣхнулась). Так это я вот про ту... а эта, Алексѣя Сергѣевича, она нѣт, она великолѣпна, она одобрена!..

Схватил шапку и убѣжал как мальчик, передѣлывать протокол*).

Сегодня опубликовано Высочайшее повелѣніе об увольненіи бессарабскаго губернатора фон Раабена за допущеніе им Кишиневскаго погрома евреев. Говорят, что истинный виновник погрома — Плеве, задумавшій, якобы, его с цѣлью отвлеченія вниманія общества от броженія и беспорядков, происходящих повсемѣстно на Руси.

10 мая. Петербург готовится к юбилею: не все их праздновать литераторам да чиновникам! На Невском и Литейном врывают в землю высокіе шесты с орлами, сооружают арки и т. д. Погода прояснилась, тепло. По городу во множествѣ разсылаются и раскидываются прокламаціи, призывающія всѣх примкнуть к безпорядкам, предложенным во дни празднеств. Думаю, что именно вслѣдствіе этих прокламацій ничего не произойдет, и листки эти предназначены лишь для отравленія спокойствія Плеве и градоначальника Клейгельса.

*) Эта исторія разсказана П. Гиѣдичем в январской книжкѣ (1911 г.) Историческаго Вѣстника, но въсколько другой редакціи. Думаю, что рассказ Шенка вѣрнѣ: слишком уж он точный и положительный человѣк

14 мая. Усиленно говорят, что рабочих на петербургскія празднества не допустят и заставят работать под угрозой немедленной высылки. Сперва предполагалось торжествовать всѣ три дня, теперь «юбилей», продлится всего один — шестнадцатого. В ночь на 17-е всѣ украшениія, флаги и пр. приказано убрать.

Стоило возводить и устраивать всю эту миллионную мишуру на один день! Лучше было бы не затѣвать совсѣм ничего и не приглашать заморских гостей за сто верст киселя хлебать!

15 мая. По фабрикам и заводам объявлено, что 16-го работы должны производиться; неявившиеся будут уволены и высланы немедленно.

Украшениій мало. На Невском разставлены какие-то нелѣпые, плохо окрашенные красные шесты с гербами; часть их окружена как бы круглой рѣшеткой, опирающейся на оставы кораблей; постаменты под этими кораблями зеленые. Недурна арка на Англійской набережной; в основаніях ея два корабля со снастями и пушками типов Петровской эпохи. Прочія части города, кромѣ Невского, Морской и Сенатской площади, в смыслѣ украшений пусты. Неизвѣстно зачѣм и для кого — для провинціи что ли — газеты врут об этих украшениях. Прочитаешь их — кажется, сейчас выйдешь из дома — увидишь какую-нибудь сказку из 1001 ночи, а выйдешь — полное разочарованіе! С нетерпѣніем ждут всѣ вечера: 16-го предполагается феерическая иллюминація.

Настроеніе в городѣ тревожное, мало кто интересуется Петром Великим и юбилеем — до них почти никому дѣла вѣт, интересуются и говорят об ожидающих скандалах. Кромѣ прокламаций раз-

сылаются и подметные письма: один сенатор получил предупреждение, чтобы женщины и дети не выходили 16-го на улицу, так как помимо беспорядков будут производиться обливания сърной кислотой*).

16 мая. Утро чудесное! Пошел по Невскому пр. пѣшком к собору Исаакія. Пестрѣют флаги и драпировки, магазины закрыты. Против Невского и Николаевского вокзала, стоит арка с тремя картинами: средняя изображает бурю на морѣ и Петра, спасающаго тонущих; лѣвая — вид Петербурга, правая — вид Невы до основанія города. Народ лился по обѣим сторонам густой и спокойной волной; много было простонародья, всѣ пріодѣты, чистенькие, трезвые: винные лавки были закрыты еще наканунѣ.

Нѣкоторые дома украсились художественно. Всероссійски извѣстный прохода — Генрих Блок весь футляр, закрывающій новостроющійся дом его, завѣсил гигантским полотном с цифрою 200 среди нарисованных цвѣтных гирлянд. Дурацкіе шесты обвили ельником; на панели против Гостиная дворца устроен сквозной зеленый трельяж, тоже перевитый ельником. Это мѣсто — лучшее в Петербургѣ. Против средних ворот устроен дикий уголок первобытной Невы: скалы, ели, и среди них с топором в рукѣ стоит Петр, как бы озирая простор перед собой. Задумана декорація и выполнена художественно. Нѣсколько на искоcок, со стѣн Пассажа выдвигается нос оснащенного бѣлага корабля с надписью «Россія»; на нем опять Петр. Дума украшена безвкусно: перед какой-то разма-

*) В виду тяжкаго времени, когда никто не гарантирован от обысков и арестов, никаких фамилій называть не буду.

занной по полотну яичницѣ, долженствующей изображать лучи восходящаго солнца, вычурно и насыщено стоит Петр, опираясь на трость; боковыя картины тоже аховыя, не выше работ домовых маляров; одна, представляет иллюстрацію к стихотворенію, о починкѣ Петром разбитой ядрами лодки рыбака; Петру сдѣлали такую физіономію точно он не лодку чинил, а стрѣльцов рубил!

На углу Михайловской ул. устроен деревянный фонтан — скверно выкрашенный; вездѣ елки, елки без конца, словно на похоронах по первому разряду.

К Исаакію с Морской не пускали; на Неву доступа без билетов не было. Мосты были разведены, а через Николаевскій и Литейный публику пускали по разсмотрѣніи физіономій полиціей. Многотрудныя обязанности возложены на нее бѣдную; и «тапши» и «не пушшай» и физіономистом будь! Послѣднее слово, впрочем, трактуется по особому: бить по физіям.

По окончаніи церемоніи освященія Нового Троицкаго моста — долгоночно строили его, сердешнаго! — через Машков переулок я пробрался к Невѣ, как раз в момент открытия пальбы. Вся рѣка вдоль лѣваго берега была покрыта разнокалиберными судами, увѣшанными гирляндами флагов; ясный день, многочисленныя суда, флаги на домах — все давало красивую картину. Бѣлые дымки, то и дѣло валетавшіе над крѣпостью и с бортов судов, дѣлали ее еще болѣе величественной; громы орудій не смолкали.

Народа вездѣ море. Вдоль Невы, мимо трибун против Троицкаго моста, мимо памятника дикарю без штанов с надписью «Суворов», через Царицын

луг прошел я на Литейный пр. и направился домой.

Всюду было удивительно чинно и спокойно — ни свистка, ни шума, ни обычной на улицах семиэтажной браны нигдѣ не слышалось. Зато не видѣл и веселых лиц; казалось, что был не народный праздник, а просто приказали сотням тысяч людей вырядиться получше и явиться в центр города; они это исполнили и пришли въ сколько удивленные, недоумѣвающіе. Письма не подѣйствовали; барынь и барышень на улицах пестрѣло видимо невидимо. Однако, нашлись и такія, что этим писаньям повѣрили и просидѣли дома, все время, ожидая чего-то ужаснаго.

Вечер. В девять с половиной час. вечера поѣхал проѣтиться по Невскому и полюбоваться иллюминацией. Народа — гибель. Частные общественные экипажи не ходили; конки набиты битком. По обѣ стороны улиц — тѣсная, едвадвигающаяся, поразительно чинная лава людей. Ни шуток, ни смѣха — точно громадная процессія медленно движется за гробом, или крестным ходом.

Я проѣхал к памятнику Петра на Сенатскую площадь и обошел ее. Болѣе безвкусно-нелѣпых украшений, чѣм какія стоят там, выдумать трудно.

Отступя от памятника, полукругом разставлены, начиная от царской палатки, увитые ельником мавзолеи со щитами на них. На каждом щитѣ — года смерти царей: 1725 — год смерти Петра, 1727 — Екатерины I, и т. д., и т. д... Не забыт и несчастный Ioann Antonovich: год его царствованія красовался тоже. На послѣднем мавзолеѣ видѣлся на щитѣ только вензель. Н. П. Впечатлѣніе было такое, словно мы попали на Александро-Невское кладбище. Чья фантазія родила эти мавзолеи — не знаю!

Зато площадь — еще недавно угрюмая, голая, вымощенная булыжником — представала в новом, прекрасном видѣ: чудным цвѣтником, примкнувшим к парку. Работы над этой затѣей шли спѣшные и были закончены только наканунѣ. Публика гуляла и ожидала зрѣлища, но иллюминаціи все не было. Только на темной Невѣ довольно эффектно освѣтились три судна: одно в видѣ звѣзды, на другом среди огненных рей краснѣла в воздухѣ огромная буква П. В толпѣ пыряли продавцы флагов, жетонов, платков; торговали этими вещицами бойко.

Наконец, разнеслась вѣсть, что иллюминація отмѣнена. Как, зачѣм, почему?! Ничего неизвѣстно. Ожидавшая зрѣлища публика раздражилась, да оно и понятно! Юбилеи Петербурга бывают не каждый день, и жители вправѣ были требовать и хотѣть, чтобы им дали возможность полюбоваться хоть чѣм-нибудь: «особы» были приглашены на разные спектакли и обѣды, а весь миллионный город, платя всякие налоги, разсчитывал только на эту иллюминацію. Многіе истратили значительныя для них суммы на проѣзд, на дорого стоявших извозчиках исключительно ради нея — и вдруг отмѣна. Мирная толпа наэлектризовалась, и достаточно было двух-трех смѣлых голов, рѣшительного какого-нибудь крика — и скандал был бы готов. Но смѣльчаков, или охотников, не нашлось, и лава из десятков тысяч людей продолжала течь по Невскому.

В 12-м часу вернулся домой. Только на кораблѣ Пассажа горѣл красный огонь и эффектно вырисовывал из мрака первого революціонера земли русской. Получилась аллегорія: всеобщая тьма и среди нея — одинокій великий Петр. Не любят у

нас свѣта! И неужто власть имущим не придет в головы, или в то, что замѣняет их, что если бы захотѣла толпа учинить беспорядки, — учинила бы их и впотьмах, как и при свѣтѣ, и что, собственно говоря, сами же они подстрекали ее этой отмѣнной к буйствам?

17 мая. Авторы подметных писем могут таки поздравить себя с достижением цѣли: верхи терроризованы, и для широкаго доказательства этого отмѣнили иллюминацію.

Беспорядки, как оказалось, все-таки были. В Народном домѣ какіе-то карманники крикнули: «тигры вырвались», и бросились в толпу. Произошла паника, и в результатѣ, как говорят, — девять убитых и нѣсколько раненых. Передавали, что Клейгельс, узнав о творящемся в Народном домѣ, с перепугу принял это за начало настоящих беспорядков и приказал не зажигать иллюминацію. У страха глаза велики, хотя и то сказать: здорово у него должны были быть напряжены нервы за эти дни!

Всѣ украшенія — шесты, флаги и т. д. все, кроме громоздких арок исчезло за ночь... Город выглядит ободранным... Позорно мы отпраздновали предполагавшуюся «недѣлю» Петра! Газеты полны восхваленій и восхищенья насчет удачи праздника. Может быть, он и очень удался в Думѣ за обѣденными столами, но на улицах, там гдѣ был весь Петербург, в публичных мѣстах... Нѣт, не удался наш праздник и не удался, благодаря неумѣстной и позорной трусости! «Всѣ врут календари», сказал еще Фамусов; «всѣ врут газеты», скажу и я вмѣстѣ со всѣми очевидцами этого торжества, на которое убили сотни тысяч!

20 мая. Сильно поговаривают о войнѣ. Если вспыхнет гдѣ-либо — надо ждать всемирной клочки. Говорят, что Куропаткину очень хочется податься, но Витте сдерживает задор его. Не знаю что — глупость или трусость обнаруживают наши русские политики. Русские!! Опять должно быть придется русским людям просить государя, чтоб наградил их — пожаловал в нѣмцы.

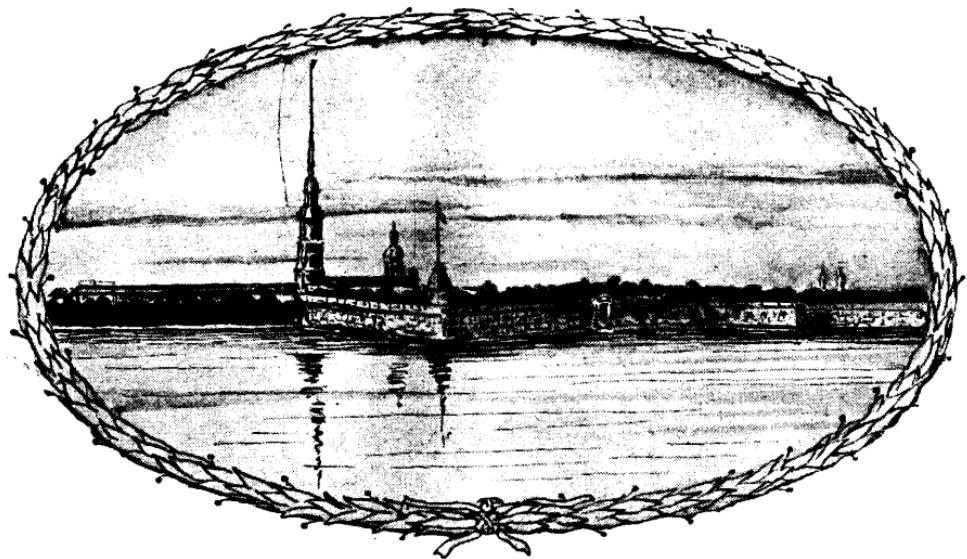
Іюнь. Неспокойно на Руси! Вездѣ беспорядки, беспорядки... Что-то новое и неотвратимое на-двигается на нас, и как жалки и тщетны кажутся наблюдающему со стороны усилия власти имущих остановить в Россіи колесо мірового закона!

Куда ни придешь — вездѣ толкуют или о ви-сящей над нами войнѣ, или о беспорядках.

Когда я ѿхал в этом году в Крым, в одном купѣ со мной находилась харьковская помѣщица, одна из очевидиц недавно бывших там и в Полтавской губерніи разгромов крестьянами помѣщичьих усадеб. И грозного много было в этом стихійном движении, но и смѣшного, наивнаго без конца!

Разгромы были слѣдствіем пропаганды; в на-родѣ ходили толки о «золотой» грамотѣ, этой вѣчной побрякушкѣ, за которой всегда тянулся у нас многомилліонный младенец. Будто эту золотую гра-моту прислал царь и указал в ней подѣлить кре-стьянам всѣ «панскія земли» и т. д. И вот между прочими, извѣстными всѣм сценами, происходили и слѣдующія.

Во двор одного имѣнія вваливается цѣлая орда баб и мужиков; начался дѣлеж и разграбле-ніе усадьбы. Одна баба облюбовала себѣ карету и, чтоб ея не захватили другие, усѣлась в нее, а мужик побѣжал домой за лошадью. Привел он конь-

ка, впряжен в карету, и баба поехала с торжеством домой, а как на грех навстречу казаки.

— Стой! Кто такие? Чья карета?

— Моя, отвѣчает уверенный в своей правотѣ мужик. — Мне она досталась!

Казаки его за шиворот, но мужичок продолжал защищать «свое» добро и в концѣ концов его растянули с его бабой и всыпали им «добрэ», как выразилась помѣщица.

В Полтавѣ было еще курьезнѣй.

Там всю улицу перед Казначейством в один прекрасный день запрудила огромная толпа баб. Стоят и ждут кто с мѣшком, кто с кульком в рукѣ. Стали их разгонять мѣстные городовые — бабы не идут.

— Да что вам здѣсь надо? Чего наперли сюда, черти? — кричали на них.

— А як же отвѣчали нѣкоторые. — Мы за грошами пришли!

— За какими деньгами?

— А вот как казначейство дѣлить будут — получим: мы и мѣшки припасли!

В другом мѣстѣ в село, уже занятое казаками, явилась вереница подвод с мужиками, бабами и подростками и спрашивают:

— А гдѣ здѣсь контора, гдѣ наймают, щоб панов бить?

Что подѣлать с такой темнотой? И как удержать на землѣ темноту, когда начинает вставать солнце — просвѣщеніе?

Много возбужденій и тревог вызывает предстоящее прославленіе Серафима Саровскаго. Особенно усиленно заговорили послѣ письма митрополита Антонія в Новое Время. Извѣстно было, что комиссіей от Святѣйшаго Синода освидѣтель-

ствованы были останки Серафима и признаны достойными прославления; но как это происходило, что нашла в гробу комиссия — газеты молчали. Письмо Антонія брызнуло, как масло в огонь. Он начал с того, что вследствие ходящих по городу подметным писем и угроз силой разоблачить якобы обман духовных лиц, он, Антоній, считает нужным сообщить то, о чем не говорилось до сих пор. Да, в гробу Серафима найдены лишь кости и волосы, все прочее истлело, но не по нетленности останков судят о святости и т. д.

Кому подбрасывались эти письма, что они заключали в себе, ни я, и ни никто из моих знакомых не знал и не слыхал до прочтения этого письма. Много было споров и негодований на это новое прославление; вспоминали императора Николая I, который запретил появление чудес и святых, и таковое прократилось, а вот теперь Второй Николай приказал им быть — и они стали являться снова, а потому настоящими чудотворцами являются цари.

Передъявляют Почтамт. До сего времени, чтобы сдать или отправить какую-либо корреспонденцию, публикѣ приходилось тратить уйму времени на поиски надобной экспедиціи по разным закоулкам и переулкам. Теперь же решено один из внутренних дворов многочисленных зданій Почтамта накрыть стеклянной крышей и устроить общей, грандіозный зал. На эту перестройку ассигнована значительная сумма: во главѣ дѣла стоит Ермолай Чаплин — почт-директор, недавно назначенный на этот пост из управляющих Сухопутной таможней. Ранѣе он был управляющим у свѣтлѣйшей княгини Юрьевской и нажил порядочную деньги. Между прочим нѣкій Мохов, подрядчик, имѣвшій с ним дѣла, рассказывал мнѣ, что как-то пришел он к Чап-

лину сдать что-то по условію; Чаплин заплатил ему 70 р., а росписку потребовал на 100... Дальнійших поясненій не требуется. Службой своей он почти не занимался, но показать все умѣл с казової стороны и удивительно мог оказываться пріятным и любезным нужным ему людям. Так напр. по таможенному тарифу свиное мясо во всѣх видах запрещено к вывозу; между тѣм в таможню прибывает на имя высокопоставленного лица ящик с вестфальской ветчиной. Помощник пакгауз, произведившій досмотр вмѣстѣ с членом заявил заявил что хотя это и высокопоставленной особѣ, тѣм не менѣе он не считает себя вправѣ нарушать закон, обязательный для всѣх. Член, зная Чаплина, не рѣшился высказаться так же и пошел к Чаплину тот выслушал члена.

— Какое же в дѣйствительности мясо? спросил он.

— Если вы спрашиваете меня, как Ермолай Николаевич, отвѣтил член, — то я скажу: свиное. Если же как г. управляющій, то докладываю вам, что по моему мнѣнію мясо говяжье.

— Хорошо-съ, сказал Чаплин. — Я приду и лично досмотрю с вами.

Помощник был отстранен, передосмотр произведен, и вестфальская ветчина превратилась в оленину. Вот какіе Серафимы чудотворцы бывают в таможенном мірѣ! Почтамтскіе чиновники назначением к ним Чаплина очень недовольны, и причин этому много.

Прежній почт-директор Чернявскій был очень вѣжливый человѣк — этот же с подчиненными, да еще такими, как почтовые чинуши, не имѣющіе никакой протекціи за собой — Тит Титыч. Чернявскій занимал квартиру в 17 комнат; этот же, как

только поступил, сейчас же отнял у фельдшера квартиренку и отдал ее своему кучеру; квартиру ему самому отдаливают в 31 комнату. Вся же семья его — он, сын да дочь. И это тогда, когда все кричат о тесноте почтамта, недостатке помещений, о том, что чиновники задыхаются в своих конурах и т. д.

Тридцать одна комната — не шутка! Безцеремонность его с подчиненными настолько велика, что напр. сравнительно крупные лица в море почтовом — экспедитора — приходят домой со службы и вдруг видят среди гостиной огромные сквозные дыры в полу; мебель и др. вещи в беспорядке, кучей свалены в угол. Что такое? Оказывается Ермолова нужно было вешать какая-то массивные люстры, и для этого потребовалось прорезать потолки и сверху, на полах, поставить огромные железнные круги.

И он, даже не предупредив хозяев, прямо посыпает рабочих, и те идут чужие квартиры, распоряжаются с вещами, сверлят. Возмутившись вчужине.

Одно из новведений Чаплина — появление на службе в Почтамте женщин.

Юль. Газеты полны сообщений о Саровских торжествах. Исследований, говорят, десятки.

Раздаются толки, будто бы освидетельствованы и прославляются останки не Серафима, а кого-то другого. Утверждают, что отыскался старик и притом из таких, которому рот зажать и на которого цикнуть неудобно, чуть ли не какой-то отставной местный губернатор, помнивший хорошо могилу Серафима; этот старик заявил комиссии, что могилу они вскрыли не ту, но заявление это — в силу ли запоздалости, или еще по-

чему-либо — комиссия оставила втунѣ. Тогда тот поскакал в Питер и заварил здѣсь кашу; будто бы рѣшено по этому поводу сдѣлать изслѣдованіе и другой могилы. Ну, а если старик прав, и Серафим найдется в другой могилѣ, тогда что? Этот вопрос теперь у всѣх на губах.

Но помимо чудес были и бѣды. Мудрено было разсчитать точно цифру могшаго привалить люда, и ошибка была сдѣлана самая опасная: цифру бого-мольцев ваяли меньшую; на торжества явилось ли не вдвое большее число чѣм то, на которое раз-считывали. Не было ни мѣст для ночлега, ни пищи; нѣсколько дней царил буквально голод; фунт чер-наго хлѣба доходил до 25—30 и выше копѣек, тогда как обычна цѣна его — 2—2 $\frac{1}{2}$ коп.

Август. Совершенно неожиданно ушел с поста министра финансов Витте. Ему дана почет-ная отставка — мѣсто предсѣдателя совѣта ми-нистров.

Газеты поют ему хвалебныя оды, по городу же циркулируют самые разнообразные слухи.

Вчера слышал о причинѣ почетной отставки Витте: по возвращенію с востока, куда онѣдил обозрѣвать свою манчжурскую дорогу, он представил государю доклад о всем найденном. Великій же князь Александр Михайлович, Куропаткин и Плеве—враги его — с неоспоримыми данными в руках насѣли в послѣднем засѣданіи на Витте и доказали, что онѣналгал. Витте пришлось молчать, так как на недосмотр другого свалить было нельзя. Вел. князь Александр Михайлович горячился, что у насѣвѣ порты, черт знает, в каком видѣ, между тѣм как на них убиты миллионы. (По городу пошел каламбур, что трагическая минута на носу, а Россія без «портов»). С засѣданія великий князь,

несмотря на поздний час, проехал прямо во дворец и в три часа ночи Витте получил приказание прибыть по утру во дворец с управляющим Государственным банком — с Плеске. Плеске находился на даче; ночью его разыскал курьер и передал приказ от Витте, на утро в полной форме явиться во дворец. Весьма удивленный всем этим Плеске приехал в назначенное время во дворец; ни он, ни Витте не знали, что значил такой неожиданный вызов.

Витте, вошедший первым, три четверти часа пробыл у государя, наконец позвали Плеске. Государь взъяренно ходил по кабинету; Витте сидел в кресле бледный и осунувшийся.

— Примите дара от него, сказал государь, обращаясь к Плеске: — я назначаю вас управляющим министерством финансов.

Плеске был поражен чуть что не до онемения. Записываю это со слов людей, которым рассказывал Плеске.

При прощании с министерством, Витте был как бы пришибленный, хотя и старался скрыть это. Поговорка: «два медведя в одной берлоге не уживаются» — оправдалась; Плеве съел в конц-концов Витте. Насколько правдив не, знаю, но во всяком случае очень характерен для обоих, следующий рассказ, ходивший по Петербургу. Будто Плеве, послав обычного обмёна с Витте ядовитыми шпильками, сказал ему:

— При подобном направлении политики вашим высокопревосходительством Россия дождется революции через каких-нибудь пять лет!

— А при вашей она дождется ея через два года, с обычной резкостью возразил Витте.

Чиновники о Витте сожалеют. Говорят, будто

бы он не набил себѣ карманов на таком «карманном» посту, как сдѣлали это его предшественники. Очень может быть. Но хотя сами министры и вообще «знать» из чиновников и не берут теперь взяток — это слишком грубо — зато берут их жены. О знаменитой Матильдѣ — женѣ Витте, я слышал, года два тому назад, от жены лейб-медика Головина, Маріи Александровны, слѣдующее: как-то случилось ей зайти в Гостиное дворѣ в ювелирный магазин. Почти одновременно с ней вошли двѣ каких-то дамы, и хозяин засѣменил перед ними. Дамы разсматривали, разбирали всякія вещи, наконец отобрали нѣкоторыя и стали торговаться. Ювелир запросил 800 р.

— Ну нѣт, триста, рѣшительно сказала одна из дам. — И пришлите сейчас же.

Ювелир улыбнулся и развел руками.

— Для вас — извольте-с! Немедленно же будут посланы!

Дамы ушли. Головина с недоумѣніем слушала этот разговор и обратилась к хозяину.

— Послушайте, сказала она. — Я не знаю теперь, как имѣть с вами дѣло! Вы запрашиваете 800 а отдаете за 300. Это же, Бог знает что такое!

— А знаете-с, кто эти дамы? таинственно спросил ювелир.

— Нѣт.

— Супруга его высокопревосходительства г. Витте! многозначительно сообщил хозяин магазина.

— Да вам-то что за дѣло до Витте?

Тот усмѣхнулся.

— Вѣрьте совѣсти, что я не запросил ничего лишняго с них, сказал он. — А госпожа Витте дама нужная: биржа в их руках...

Головина поняла наконец.

Конечно, это не взятки... щенки борзые Гоголевские! Добавлю еще, что Матильда — еврейка и ни в дворец, и ни в какие высокопоставленные дома ея не приглашали. Ее это выводило из себя, а вельмож, вынужденных лавировать между нежеланием царской семьи встрѣчаться с этой госпожой и самолюбием всесильного еще тогда Витте, ставило в затруднительное положение.

Город до сих пор полон рассказами о похождениях великой княгини Марии Павловны, о ея приключениях по ресторанным кабинетам с Гитри, артистом Михайловского театра, реаультатом которых явилась стычка Гитри с великим князем Владимиром Александровичем и высылка первого из Петербурга. Не менѣе мамаши гремѣла на весь Петербург и даже Россію и дочка ея, великая княжна Елена Владимировна... Про сынов и толковать нечего. Всѣм памятно, как они шествовали по общей залѣ ресторана с голой француженкой, что страшно возмутило публику, и дѣло чуть не дошло до «скандала» (как будто появленіе голой в публичном мѣстѣ не есть скандал!) с как они кутили и пили по всѣм шато-кабакам и т. д.

26 Августа. Строительная горячка нѣсколько лѣт назад охватившая наш Богом подмоченный Петербург, продолжает свирѣпствовать. Вездѣ лѣса и лѣса; два—три года тому назад Пески представляли собой богоспасаемую тихую окраину, еще полную деревянных домиков и таких же заборов. Теперь это столица. Домики почти исчезли, на их мѣстах как грибы в одно, много в два лѣта, повыросли громадные домины; особенно быстро похорошѣла третья Рождественская. Вообще город сильно принялся охорашиваться. Четыре — пять лѣт тому назад торцовой мостовой были покрыты

только набережные до Троицкого моста, Невской пр., Большая Морская, Пушкинская, Караванная, Сергиевская и, частью, Миллионная. Теперь почти все улицы потянулись за ними; Литейный сбросил свои бруски-граниты и оделся в деревянные кубики. К этим перекройкам присоединились еще и другие работы: прокладывают глиняные трубы для нового городского телефона, город изрыт весь точно во время осады; пешеходы, конки, экипажи, — все льются к одной сторонѣ.

Замѣчательно и то, что иные дома стоят еще без дверей и окон, из них тянет как из погребов сыростью и холодом, а уже в газетах пестрѣют объявленія о сдачѣ квартир в них. На расхват идут!

Понемногу открывается новый дом Елисѣева, что против памятника Екатерины на Невском. Многія нарочно їздят на верхах конок, чтобы полюбоваться этим зданіем, предназначенным к сожалѣнію не для музея или театра, а для магазина — монастра по части выпивок и закусок. По углам этого нового дворца высится громадныя бронзовыя статуи: Торговля, Промышленность и, вѣроятно, Искусство и Просвѣщеніе. Первые двѣ умѣстны и понятны, а причем вторыя двѣ? Вѣроятно Елисѣев полагает, что искусство и просвѣщеніе тоже будут помѣщаться в его дворцѣ: что ж, он прав: чѣм не искусство — искусство выпить и чѣм не просвѣщеніе — знаніе чѣм закусить? Облупленный Александринскій театр, угрюмо выглядывает из-за сквера напротив в видѣ иллюстраціи к тому, что такое в наш вѣк искусство и что выпивка.

Кстати курьез. На Литейном вдоль Арсенала вытянут ряд старинных пушек с дулами, направленными прямо на противостоящей Окружной

Суд. Ехидные языки переиначивают и говорят, что «пушки у нас направлены на правосудіе»!

30 а в г у с т а . Чиновничій мір озабочен предстоящим возникновенiem нового министерства — Торговли. Департамент Торговли и Мануфактуры остается поэтому за штатом, и кто попадет в новое министерство и на какія мѣста — это вопрос. Утверждают, будто бы великий князь Александр Михайлович будет главой этого министерства, и очень не хотят этого; он очень тянет за собою своих офицеров, что, помимо заступанія дороги старослужащим, вводит особый дух, еще большее — чин чина — почитай — в среду чиновничества. Хорошо служить — конечно не «канцлером», т.-е. не канцлерским чиновником в этих департаментах! На службу являются к часу, походят по коридору, (в Министерствѣ Иностранных дѣл в коридорах царят французскій язык, пшотики — будущія вороны по части прозъяванье всяческих осложненій и кромѣ своих служебных); весь одѣты по послѣдней картинкѣ, с проборами на затылках; поболтают, почитают газеты, полистают дѣла и в пять часов за ними нужно гнаться с собаками. Теплењкія мѣста!

Слыхал, что уходит знаменитый Беллюстин — директор таможенного департамента — давно пора! Таможенный мір его ненавидит; этот господин, бывшій прежде старшим юрисконсультом министерства финансов — грубый, рѣзкій человѣк — явился в это вѣдомство с убѣждением, что все таможенные — воры — это мнѣніе было высказано им Иванову, теперешнему юрисконсульту; сдѣлавшись таможенным, он и сам, значит стал вором: это он и доказал в концѣ-концов. Между прочим, года два тому назад с ним произошла «маленькая»

исторійка. Единственная его дочка вышла замуж за архитектора, который, разумеется сейчас же получил место архитектора при Д-тѣ.

Был я как-то в редакціи «Юного Читателя»; ко мнѣ подходит муж издательницы — Малкин, инженер, и разговорились мы с ним. Он с Гаррисоном взял подряд на миллионные постройки пакгаузов и таможни на знаменитом Гутуевском островѣ. Все было сделано ими, но в качествѣ чего-то терся при них и зять Беллюстин; пришло время получать деньги, и оказалось, что таковые причитаются не им, а зятю Беллюстина. С этой комбинаціей однако инженеры не помирились, а обратились в департамент за разъясненіями, а оттуда к Витте. Витте, разсмотрѣв «дѣло», призвал их и сказал, что дѣло их возможно разобрать только судом, но что он предпочитает покончить все миром и, вмѣсто причиатавшихся им 72 тысяч, предлагает получит сейчас же, без проволочек — чего не было бы в случаѣ суда — 36 тысяч. Подумали, подумали тѣ... Витте человѣк сильный, Гаррисон имѣет от него много работ (одесскіе пакгаузы строил он же) — и согласились.

Зять получил другую половину. Затѣм разгорѣлась исторія с контролером: зять получил какія-то работы в таможенном вѣдомствѣ; Беллюстин — зоркій Беллюстин, слѣдящій недремлющим оком за ворами — не родственниками — утвердил их, несмотря на то, что за один и тот же план для однообразных построек были назначены солидныя суммы за каждый чертеж особо — как за новый план.

31 августа. В городѣ открыли тайную типографію, принадлежавшую какому-то высокопоставленному лицу из министерства внутренних дѣл.

Произведены многочисленные аресты. Витте будто бы сказал государю, что не мѣшало бы обратить особенное вниманіе на это министерство, так как там творятся невозможнѣйшія дѣла, и изложил все извѣстное ему.

Это министерство дѣйствительно тепленькое и с другой стороны. Неопытные люди диву даются: чины полиції содержаніе получают не ахти какое, а живут отлично, одѣты всегда с иголочки. Пристава — это уже полубоги; вид у них по меньшей мѣрѣ фельдмаршальскій, а апломба, красоты в же-стах!. Гоголевскія именины в день своего ангела и на Онуфрія еще во всей силѣ... Но именины еще ничего; бывает и похуже! В бытность мою в Одессѣ служил там пристав — фамилію его забыл — специалист по части изловленія всяких воров. Разгорѣлась какая-то исторія, и нежданно из Москвы нагрянула в Одессу сыскная полиція; краденые вещи, из-за которых разгорѣлся сыр-бор, нашлись у этого самаго лихача пристава. Конечно граф Шувалов — тогдашній градоначальник — немедленно хотѣл отдать его под суд, но... у того помимо краденых вещей отыскались и записочки бывшаго градоначальника, нынѣ почетнаго опекуна и большой шишкі — Зеленаго, из которых явствовало, что Зеленый позаимствовал у «бѣднаго» (по формуляру) полицейскаго пристава, своего подчиненнаго — 30 или 40 тысяч... Разгадка этой шарады канула в Лету, так как Зеленый конечно выгородил своего, скажем деликатно, — любимца; кстати сказать, этот любимец нынѣ помощником полицеймейстера в той же Одессѣ...

Зеленый был не градоначальник, а нѣчто вродѣ неограниченного повелителя; о нем ходят цѣлые легенды. Хам он притом был невѣроятный:

ругался, не стысняясь, на улицах во все горло, как два извоаичка; между прочим знаю о нем — я его еще застал в Одессѣ — такого рода рассказец. Как-то нежданно вздумал он ночью прогуляться пѣшком по особо вертепистым улицам. Конечно, сбоку тротуара почтительно рысил рядом с ним струхнувшій пристав; позади маршировала, как, водится, остальная братія околоточные, городовые и т. д.

«Заведенія» должны были быть в тот час всѣ закрыты; однако зоркій глаз одесского Гарун-аль-Рашида усмотрѣл, что двери многих трактиров только притворены, а внутри свѣт и шум.

— Открыты? проронил Зеленый. — Почем берешь? вдруг обратился он к приставу, думавшему уже, что пришел его послѣдній час. — Да ну, смѣлѣе!

— По сто рублей, ваше превосходительство... пролепетал пристав, пронизанный недреманным оком.

— Мало! рѣшил Зеленый. — Больше с них, мерзавцев, брать надо! и величаво прослѣдовал дальще.

Всѣ лавочки и дома в Одессѣ были в мое время — четыре года назад — обложены негласными сборами; напр., маленькая молочная, куда иногда заходил я выпить молока, платила околоточному по 3 р. в мѣсяц. Платили, потому что иначе не было бы житья, как говорили обложенные: замучили бы протоколами. Портные, переплетчики, сапожники — всѣ цехи работают даром на полицію: это уже всероссійскій закон — его же не прейдеш! По таможенному вѣдомству нѣсколько лѣт тому назад было любопытное негласное распоряженіе: отнюдь не принимать на службу

лиц, служивших раньше в полиції. Веселая нація — рускій народ!

Удивительно: в маѣ мѣсяцъ старый Троицкій мост развели и так и забыли его у берега Петрапавловской крѣпости; а между тѣм сколько жалоб и толков из-за того, что на Охту нѣт моста. При слать только пару буксиров и отвести его на Калашниковскую набережную и сдѣлать вѣзьмы — и дѣло бы с концом. Каким только мѣстом думают у нас в Думѣ? А она у нас не только именитая, но и чиновная. По слухам юбилея городской голова Лелянов получил, к общему недоумѣнію, чин дѣйствительного статского совѣтника; я на его мѣстѣ стал бы отнынѣ торговаться за своим прилавком в магазинѣ (у него мѣховой магазин на Морской) не иначе, как в генеральской тужуркѣ: и лестно и от публики бы отбоя не было! Одним «инаралом» больше стало у нас на Руси.

4 сентябрь. Сегодня опубликовано о беспорядках, произведенных армянами в Тифлисѣ; какой-то священник Тер-Аракатов произнес даже анаѳему по Высочайшему адресу, замѣненному в официальных сообщеніях словом «правительству». Была пальба, убитые и раненые. Дѣло разгорѣлось по поводу отобранных у армянских церквей земель.

4 сентябрь. Странные зори стоят над Петербургом; словно весь горизонт объят пожаром и ало фиолетовое зарево, как дымом заливает небо. Несмотря на зажженные фонари, цвет неба кажется до поздняго вечера мутно огненным.

10 сентября. На Невском и др. главных улицах понемногу стали убирать, по приказу полиції, навѣсы над подъездами, выступавшіе над всѣм троттуаром и опиравшіеся на желѣзныя ко-

лонки. Красоты в них было мало, зато в минуты внезапного, или очень усиливавшегося, дождя под ними спасались цѣлые группы народа.

До каких курьезных нелѣпостей доходит у нас напа бдительная опекунша-полиція! Если извозчик везет троих сѣдоков — городовые сейчас же хватаются за свои книги судеб и записывают № бляхи, что влечет за собой истеченіе из извозчи-чаго кармана трех рублей. Между тѣм купчина-собственник на своей лошади может везти хоть кучу людей и никто не посмѣет вмѣшиваться. Другая ерунда: — по воскресным дням послѣ 5 часов вечера нигдѣ нельзя купить спичек. Мелочныя открыты, спички в них есть, а купить нельзя: во-спрещено.

14 сентября. Из театральных сфер узнал, будто бы Савина подала в отставку. Извѣстіе сен-саціонное, но желательное. Эта почтенная старушка возомнила о себѣ превыше небес и положительно давила всю труппу. Я лично бывал свидѣтелем, как на репетиціях она презрительно фыркала и строила величаво-оскорбительныя физіономіи на малѣйшія замѣчанія режиссера Гнѣдича, и он не стыдился во время перерывов плясать перед нею на задних лапках, цѣловать ручки и заискивать милостей. Газеты страшно раздували талант и игру Марии Гавриловны, да оно и понятно: отзывы пишут по большей части люди прикоснувшиеся к театру или в качествѣ авторов, или пріятелей их и не скучаются на похвалы нужным людям; Савина играет прекрасно, но — надо смотрѣть ее для сохраненія впечатлѣнія не болѣе раза-другого: она однообразна, она вездѣ и во всем та же слегка гнусавая Мария Гавриловна; даже грим ею почти не измѣняется.

Історія разгорѣлась из-за «Пустоцвѣта» — драми неизвѣстной авторши — Персіаниновой. Травлю начала Петербургская газета, напав на неизвѣстную еще никому пьесу и, кивая попутно на Савину, под давлением которой, якобы, ставилась эта пьеса.

16 с е н т я б р я . Дирекція Імператорских театров заявила, что «Пустоцвѣт» она ставит по собственной ініціативѣ, а не по настоянію Савиной. Савина остается. Приходится только руками развести перед степенью неуваженія к себѣ Дирекції. Да и то сказать — было бы за что ей уважать себя! Теляковскій — нынѣшній директор, — бывшій гвардейскій офицер, производящій впечатлѣніе переодѣтаго в штатскій костюм солдата, в бытность свою управляющим московскими театрами, заслужил печальную репутацію. Дѣлом завѣдывала его жена, доведшая свое безграничное нахальство до раздачи артистам ролей и вмѣшательства рѣшительно во все. Какой-то машинист театра подвергался особенно преслѣдованіям ея; тогда жена этого машиниста, доведенная до бѣлага каленія, явилась в театр и отвѣсила Теляковскому пару оплеух. Исторія эта весьма порадовала в свое время закулисный мір Малаго театра, Теляковскій же, по примѣру других битых властей получил повышеніе: его сдѣлали директором. Не будь умен, а будь бит! — говорит современная мудрость.

Перед Теляковским директором был князь Волконскій, еще молодой человѣк, декадент, и большой руки сибарит. При нем ставились и с треском уѣхали в Лету пьесы, вродѣ А. М. Федоровских, писались вызывавшія недовѣріе декорации, убивались уймы денег на постановки базарных опер личных его друзей, вродѣ

«Ледяного дома» и т. д. Дѣлом при нем заправляли Философов и редактор «Mира Искусств» — Дягилев.

Князь извѣстен был тѣм, что свободное время проводил в созерцаніи достаточно таки дурацких барельефов, что на стѣнах Александриинки (для удобнѣйшаго созерцанія у окна в его квартирѣ устроили массивныя подмостки, грозившія провалом потолку), и ушел со своего поста из-за стычки с балериной Кшесинской, особой к роду Романовых прикосновенной.

27 с е н т я б р я . Былъ на днях в Исаакіевском соборѣ со спеціальною цѣлью посмотретьъ на его знаменитость — протодіакона Малинина. Народа было много, но меня провел один завсегдатай-богомолец на клирос, и я удостоился лицеарѣть Малинина. Это здоровенный, косоглазый дѣтина, типичный представитель жеребячей породы. Перед ним выходили на амвон и читали ектеніи басистые дьякона, но когда вышло и варевѣло это огромное чудовище — получилось что-то неистовое. Рыло у него — лицом никак нельзя назвать эту часть тѣла — все перекапывало, страшный голосина рвал ему грудь и горло, пасть разверзлась такая, что все рыло как бы исчезло в ней. Минѣ стало неловко: словно в церковь в самый торжественный миг впустили буйвола или носорога, и он варевѣл во все хайло. Рев дѣйствительно изумительный!

Что значит вѣк психопаток! Не только у Фигнера и «душки» Собинова есть сотни поклонниц, но и у этого буйвола, тоже. От дам и дѣвиц ему отбоя нѣт. Пьет Малинин страшно и всегда бывает под шефом; состоит любимцем у царской семьи и особенно у вел. князя Владимира Александровича,

поэтому груб и дерзок, до невозможности, как и все пользующееся фавором. Несколько лет тому назад когда митрополит Антоній, сдѣлал ему замѣчаніе, тот обругал его в алтарѣ «ревельской килькой». Конечно, сейчас же раба Божьяго сослали куда-то на покаяніе, но изгнаніе его длилось недолго: в ближайшій же царскій день, в эти дни Малинин особенно отличался іерихонским многолѣтіем — вел. князь Владимир спросил, почему вѣт Малинина, и велѣл возвратить его. Малинин водворился снова. Экземпляр во всяком случаѣ поразительный!

30 сентября. Сегодня переполох в Почтамтѣ. Из Америки пришло открытое письмо на имя какого-то Короткова, Морская, д. 28, приблизительно слѣдующаго содержанія: «Плеве, фон Валь, Раабен, Крушеван и еще кто-то двое осуждены и будут убиты. Кости и кровь убиенных ими волеят о мщеніи, не успокоимся, пока не покончим всѣх их. Наши уже поѣхали для этой цѣли, выѣзжаю завтра и я». На почтовых чиновников возложена обязанность прочитывать всѣ открытые письма, и браннаго содержанія задерживаются. Конфисковано, разумѣется, и это и будет препровождено в сыскную полицію. Не сомнѣваюсь ни минуты, что это лишь фарс со стороны какого-нибудь русского американца.

Ликантная подробность. Министерство Финансов занялось развитіем Народных домов и попечительством о трезвости; народ, конечно, в этих домах спиртных напитков не пил, вѣрно пил тайком принесенное с собою, и вот в концѣ-концов министерство обратилось вдруг с запросом в попечи-

тельства: «когда же наконец будут пить монопольку в них?» По крайней мѣрѣ откровенно!

Много толков о Дальнем Востокѣ: того и гляди разразится война с японцами. Как бы именно в эту сторону не пустили г.г. Плеве и к-о. народное напряженіе, взрывающееся то адѣсь, то там в видѣ безпорядков!

З октября. Эту недѣлю слухи очень усердно назначали разных «особ». Между прочим увѣряли, что Клейгельс получит мѣсто Киевского генерал-губернатора. Слухи остались слухами, но всплыл забавный анекдот, пущенный на счет Клейгельса. Градоначальник сей, как-то у именитых русских градоначальников в обычай, любит щеголять русскими словцами, и из сего произошло, слѣдующее. На Петербургской сторонѣ появился нѣкій хулиган, Васька Кот. Производил он дебоши и скандалы, разгромлял «заведенія», и полиція не знала, что с ним дѣлать. С рук ему все сходило потому, что этот субъект, попав в первый раз в участок, стал там орать на пристава и грозить ему, что пожалуется своему «незаконному отцу» — Клейгельсу. Всероссійскій герб-кулак перед таким аргументом беадѣствовал, и дебоширник с каждым днем дѣлался все невозможнѣе. Пристав терпѣл, терпѣл до послѣдняго, наконец надѣл мундир и поѣхал к градоначальнику. Представляется ему и говорит: так и так, ваше преъвосходительство, явился доложить, что уж очень безобразничает в участкѣ Васька Кот-с...

— Что же, приняли мѣры?

— Да вѣдь это Васька Кот, Ваше Превосходительство...

— Что-ж из этого? Что вы сдѣлали?

— Кот с это... ваше превосходительство... —
совсѣм умирая от избытка почтительности и страха, пролепетал опять пристав.

Генерал разсердился.

— Кой вы мнѣ черт Кота этого все поминаете: кто он такой?

— Кот?.. Сын... Ваше превосходительство... Ваш сын...

— Мой?.. Что вы, ошалѣли? Кто вам сказал?

— Они-с... Кот...

— Притащить его, мерзавца, сюда!

Кота притащили. Генерал с пѣной у рта накинулся на него,

— Как ты смѣл, сукин сын и такой и эдакій, болтать вздор, что я твой отец? А?! Кто тебѣ сказал?

— Вы-с... — развязно отвѣтил Васька.

— Я??? — генерал остолбенѣл. Когда?..

— Да в прошлом году-с... Иду я по Александровскому парку, думаю — не знаю я ни папаши, ни мамаши, и так это грустно мнѣ. Вдруг вижу, вы изволите ити с господином приставом, увидали меня, да как крикните: «пшел вон отсюда, так-то твою мать». У меня и отлегло от души. Слава те, Господи, думаю: мамаши не знаю, зато хоть папаша обнаружил себя!

Табло!!

Кстати сказать — Петербургскій Листок помѣстил портрет этого хулигана; в связи ли это прославленіе с потѣшающим город анекдотом — не знаю.

6 октября. Встрѣтил утром на Невском проспектѣ странного субъекта в подрясникѣ и с высоким посохом в рукѣ. Несмотря на снѣг, он шел босой и с непокрытой ничѣм головою. Лицо-

широкое, пожалуй, приятное, обросшее густой большой бородой. Навел о нем справки, сказали, что это некий странник Василий, путешествующий в таком виде в самые лютые морозы и собирающий на построение церквей. Говорят, что он пользуется широкой известностью не только у простого народа, но и у сильных мира сего.

В царской семье есть глубоко религиозные люди: это вдовствующая императрица Мария Феодоровна и молодая — Александра Феодоровна. Объявившая лютеранки... Первая перед родами великой княгини Ксении была очень больна, и кто-то надουмил ее съездить на Смоленское кладбище, где похоронена «блаженная» Ксения; народ очень чтит эту могилу и по праздникам проплывает к ней бывает немыслимо. Туда ездят и возят массы больных, и врача в частных исцеления на могилье крепко живет в Петербуржцах, не ошибусь, если скажу, всех слоев общества.

Государыня поехала на Смоленское и, помолившись, дала обещание, если выздоровеет, назвать первую же дочь Ксенией. Блаженная, вероятно, была очень польщена этим, и государыня выздоровела; вскоре родилась дочь, и назвали ее Ксенией.

Молодая императрица сдалась набожной послу странного случая с ней. В царской семье есть обычай заезжать невесте перед венцом в Казанский собор и молиться там; неисполнившим это предание грозит бесплодием, или рождением только одиноких девочек. Когда Александр Феодоровна сказали об этом, она засмеялась и в собор не заехала. Презрение ея к стародавнему обычаю не понравилось, и тогда же многие стали многозначительно покачивать с неодобрительным видом го-

ловами. Угроза преданія сбылась между тѣм над императрицей во всей силѣ: у нея рождаются, несмотря на всевозможных Шенков и К-о только дѣвочки. Такое странное исполненіе предрѣченаго, говорят, сильно подействовало на императрицу и круто повернуло ее в сторону православія. Старая государыня и по сие время часто посѣщает могилу Ксении и молится на ней.

13 октября. Мраморный дворец в Петербургѣ заслужил репутацію передового и либеральнаго. Великій князь Константин Константинович пользуется, или, вѣрнѣе пользовался одно время, благодаря своему «красному» оттѣнку и поѣздкам по Россіи, широкой популярностью. Популярность эта, как слышно было, государю не понравилась, а казус с избранием Максима Горькаго в академики окончательно загнал в угол великаго князя. Казус этот я слышал от поэта К. К. Случевскаго, гофмейстера, бывшаго тогда главным редактором Правительственнаго Вѣстника.

Рассказывал он слѣдующее: однажды вдруг по телефону вызывают его прїѣхать запросто, в чём был, в Мраморный дворец. Случевскій прїѣзжает, и вел. князь Константин Константинович с весьма довольным видом сообщает ему, что Максим Горький только что выбран в академики (выбор этот был произведен под нѣкоторым давленіем К. К.) и просит Случевскаго помѣстить сообщеніе об этом в Правительственном Вѣстнике. Пораженный Случевскій спрашивает, гдѣ он прикажет помѣстить его — в отдѣлѣ правительственных сообщеній, или же как извѣщеніе от Академіи? Вел. князь замахал руками и так как недоумѣвал, куда его сунуть, то порѣшили тиснуть его между рубриками. Случевскій (старик крайне оскорблена всѣм этим и равно-

душно не может говорить об этом избранії), отправился домой и не желая брать на себя ответственность за помѣщеніе такого, навѣрное нежелательного в высших сферах сообщенія, послал в двух экземплярах копіи — министру Внутренних Дѣл Сипягину, а другую Начальнику Главнаго Управлениія по дѣлам печати на разрѣшеніе.

Замѣтка была помѣщена; на другой день Случевскаго вызывает к себѣ Сипягин и показывает ему собственноручное письмо государя, подлинных выраженій котораго не помню, но в котором ясно сквозило глубокое недовольство проишедшим, и между прочим, стояла фраза, что М. Горкій хотя и талантливый человѣк, но работал еще слишком мало для того, чтобы удостоиться выбора в члены Академіи.

Случевскій передал свой разговор с великим князем. Сипягин подошел к телефону, попросил великаго князя и передал ему содержаніе письма государя. И тут Случевскій убѣдился, что великий князь струсил и... и отстраняет вину от себя, отказываясь от выраженного им «настоятельнаго» желанія видѣть такую замѣтку в «Правительственном Вѣстникѣ» и сваливая все на Случевскаго...

Сипягин, тѣм не менѣе, передал все дѣло государю в надлежащем видѣ; Академія затѣм, под предсѣдательством того же Константина Константиновича, — как унтерская вдова, сама себя выскѣла, — исключила Горкаго из числа своих членов, и великий князь сразу же как-то притих в своем Мраморном дворцѣ.

Затѣм он перенес тяжелую, кажется, психическую болѣзнь, и ярко взошедшая было в общественном мнѣніи звѣзда его померкла в туманѣ.

16 октября. Телеграммы сообщили, что на кн. Голицына — главноначальствующего на Кавказъ, произведено было «разбойниками» покушение. Его поранили кинжалом в голову, но не опасно; газеты подвиг этот относят на счет разбойников, общественное же мнѣніе говорит другое.

Дѣло в том, что этот стариакашка держит там себя настоящим сатрапом, и в покушеніи на него склонны видѣть личную месть каких-нибудь крѣпко обиженных им людей. На Кавказъ его очень недолюбливают.

31 октября. Видѣлся с только что возвратившимся из-заграницы Н. А. Рубакиным. Много рассказывал он о наших эмигрантских, весьма многочисленных, кружках заграницей; этого человѣка нельзя упрекнуть в консерватизмѣ, а между тѣм все, что передавал он об этих наших, якобы передовых людях — все сопровождалось им неизмѣнными словами — «грустно», «очень грустно», «бездѣлъ». Вездѣ там царят сплетни, дряги, ругань, доходящая порою до драк, словом черт знает что. Занимаются главным образом болтовней, бѣганьем друг к другу и спорами.

6 ноября. С утра тускло и безнадежно сѣро; на улицах грязища такая, что в мелких каютах не вездѣ перейдешь; на болѣе узких улицах, вродѣ Бассейной и др. стѣны домов почти на рост человѣка вышиною забрызганы грязью из под резиновых шин.

Ровно без пяти минут одиннадцать сдѣлалось вдруг необычайно темно, совершенно как ночью; всѣ, кто были дома, побросались к окнам; небо все клубилось какими-то странными тучами, похожими на дым от торфа, слегка отсвѣчивавшими

по краям; казалось вот-вот разразится гроза. Удивительное явление продолжалось минут пять, затѣм мало по малу разсвѣло и день разъяснился. Впечатлѣніе было точно такое же, как во время полнаго солнечного затмѣнія. Ничего подобнаго не запомнил никто.

8 ноября. На-днях в Бѣлом Островѣ задержали учительницу гимназій Оболенской и Таганцевой; таможенные чины, обходя вагоны, замѣтили, что на одной госпожѣ как-то странно оттопыривается платье; ее попросили в отдѣльную комнату, осмотрѣли и нашли на ней огромное количество «Освобожденія». Из обѣих гимназій, конечно, ее удалили, и дѣло, вѣроятно, разыграется для нея плохо. Гони природу в дверь — она войдет в окно!

Говорят, что государь и близкіе его больны той же холериной, от которой умерла в Скерневицах бѣдная дѣвочка — нѣмецкая принцесса. Есть слухи, будто бы всѣ они отравились какими-то устрицами, и будто бы такія устрицы поднесены были преднамѣренно. Передают и другую новость: вел. князь Кирилл Владимирович просил у государя разрѣшенія вступить в брак с какой-то нѣмкой, разведенной принцессой, но тот отказал ему. Вел. князь Кирилл устроил своим однополчанам-офицерам прощальную пирушку в ресторанѣ и укатил заграницу.

11 ноября. Сильный вѣтер с моря и дождь. Глухо ухают пушки, извѣщаю о начинающемся наводненіи.

12 ноября. Пушки палили всю ночь; гудѣніе и визг в трубах вѣтра и отдаленные частые удары пушек производят какое-то гнетущее, тяжелое впечатлѣніе. Стрѣльба продолжается (половина

девятаго утра); на дворѣ сильнѣйшая снѣговая метель: хлопья летят словно пули в направлениі почти параллельном землѣ.

В 10 ч. утра отправился посмотретьъ на Неву; конка по Невскому пр. ходит в три лошади вмѣсто обычных двух; Фонтанка выступила из берегов, Екатерининскій канал и Мойка тоже; пристани пароходиков кажутся стоящими на берегах. Проѣзд между Александровским садом и Зимним дворцом залит водой; на площади против дворца цѣлое озеро. Торц, которым вымощен проѣзд кажется клавишами изуродованнаго фортепіано: вода выперла его сплошными грудами вон; Дворцовая и Адмиралтейская набережная — сплошь под водою; деревянный Дворцовый мост вспутило, вѣзъд на него перегорожен рогаткой, но вѣхать и немыслимо: подъем образовался чуть не в 45 проц. Народа толпится гибель, мост и сухое мѣсто перед вѣзъдом — все пестрѣет любопытными. Нева имѣет грозный вид — вся взъерошенная, свинцовая с бѣлыми гребнями, идущих обратно, валов.

Оттуда, мимо Александровскаго сада направился к Исаакію; вокруг него тоже озеро и настолько глубокое, что колеса экипажей тонут поступицу; говорят, Коломна превратилась в Венецію; про Гавань и др. мѣста и толковать нечего. У Исаакіевскаго собора встрѣтил нѣскольких матросов, бѣгом волочивших спасательныя лодки; кучи мальчишек с азартом помогали им, в Почтамтском переулкѣ попалась навстрѣчу какая-то похоронная процессія: факельщики, шествующіе обыкновенно впереди, сидѣли верхами на конях, покрытых черными попонами и из под длинных одѣяній их выглядывали полуголыя ноги в каких-то невозможных опорках: остальная черная команда висѣла,

обхватив гроб в самых разнообразных позах, по бокам катафалка; лошади шлепали по водѣ, обдавая встрѣчных ливнем грязных брызг. Родственники и провожавшіе гроб пробирались по деревянным мосткам около почтамта; у иных огромные вѣнки были надѣты на шеи, многих перетаскивали вброд.

Вдобавок в историко-филологическом факультетѣ университета сильный пожар и часть за частью летят туда по этому потопу через Николаевскій мост.

На моих глазах буря сломала и повалила в Александровском саду огромное дерево.

Давно не бывало ни наводненія, ни вѣтра такой силы!

5 ч. дня. В 3 с половиной часа поѣхал к Дворцовому мосту, но вода уже сильно убыла, панели освободились и только кое-гдѣ стоящія лужи да исковерканная торцовая мостовая указывали на бывшее наводненіе. Вода подымалась выше 9 футов.

Масса щегольских экипажей катило к Невѣ, разодѣтые в дорогіе мѣха дамы с дѣтьми, одна за другой высаживались у угла дворцовой ограды и направлялись к рѣкѣ. Вѣтер продолжал дуть со страшной силой, но направлѣніе его измѣнилось. Что имѣло особенно поразительный вид — это небо! Над Петербургом раскинулся вдруг ярко-синій, совершенно южный купол. Жена говорила, что ей даже страшно, так оно необыкновенно.

На Невском у многих домов десятки людей работают помпами: залиты водой (из труб) всѣ подвалные этажи; торговцы в нашей части города — называю так лѣвый берег — понесли значительные убытки. А что должно дѣлаться в Гавани?

13 ноября. Нева хотя и спала, но все же выше ординара и вчера поздно вечером снова стреляли пушки. На Адмиралтействъ днем висѣли бѣлые и красные флаги, а вечером такіе же фонари.

Бѣднота пострадала жестоко; говорят, было нѣсколько утонувших.

По Англійскому проспекту плавали на лодках; жители Коломны, Васильевского острова и др. мѣст голодали до двух часов дня, так как выбраться из домов не было возможности. Несмотря на ледянную воду и холод многіе, не имѣя возможностей добраться до домов, брели по пояс в водѣ; вездѣ, где было возможно, полиція разставила ломовых извозчиков и установила таксу за перевоз через улицу — по двѣ копѣйки с человѣка; в прошлое наводненіе эти молодцы драли за такой перевоз на углу Екатерингофскаго и Садовой по 15 коп. а дальше, в глубинѣ Коломны, по рублю и по полтора.

В день наводненія, вечером, при первой вѣсти об опасности, полиція перебудила и подняла на ноги жителей всѣх подвалов; альгавазилы так разъясердствовались, что заставили встать подвальников и у нас на Песках, в мѣстности, где никогда не бывает наводненій. Но — отдаю дань справедливости — полиція во главѣ с Клейгельсом — действовала энергично и оказалась предусмотрительной.

17 ноября. Много негодованія и толков вызывает исторія, произшедшая недавно в гимназіи Гуревича.

Один из воспитанников, кажется Бажин, учился очень плохо и был оставлен на второй — нынѣшній год.

Уси́вал он по прежнему, несмотря на старые, неважно и, кромъ того, подвергался постоянным нападкам со стороны нѣкоторых учителей и в особенности священника. Как-то на днях поп закатил ему единицу и пожаловался еще директору. Гуревич прилетѣл в класс и разнес бѣдного малаго. Тот вернулся домой и застрѣлился.

Тогда 8 класс возмущился и рѣшил устроить демонстрацію. По всѣм гимназіям были разосланы приглашенія прибыть на похороны и в день их, со всѣх концов города, явились толпы гимназистов. На панихиду прїѣхал Гуревич, и гимназисты выгнали его вон из церкви. Шествіе выстроилось грандіозное.

Один из очевидцев увѣрял, что позади гроба развѣвалось знамя с надписью «еще одна жертва педагогической рутины». На Литейном мосту шествіе было остановлено полиціей и отрядом казаков; приказа разойтись молодежь, конечно, не послушалась, и произошла свалка. Гроб, который несли на руках, опрокинули в грязь, в ход пошли кулаки и нагайки и — шествіе было разогнано. В числѣ избитых гимназистов называют Гарина — сына писателя; много арестованных и сильно пострадавших.

Ожидаем новое наводненіе 19 числа. В простонародье упорно твердят, будто отец Іоанн Кронштадскій предсказал близкое громадное наводненіе и глубоко вѣрят в истинность его.

19 ноября. Сильный юго-западный вѣтер. Вода поднялась, но из берегов не выступает.

20 ноября. Вода сильно прибывает. Было нѣсколько пушечных выстрелов.

Вчера впервые появились в городѣ нѣбольшіе желтые автомобили развозящіе почту. Давно пора

смѣнить тощих почтовых одров, таскавших за собой телѣжки!

24 ноября. В университетъ неспокойно. Была большая сходка и по каким причинам не знаю — закончилась скандалом.

Скандал же произошел и на празднованіи юбилея В. Короленко.

Чествовавшіе его собрались у Контана и туда же явились депутатіи от учащейся молодежи с адресом.

Выходит к ним распорядитель, Михайловскій и спрашивает, что им угодно.

— «Хотим поднести адрес, разрѣшите пройти в зал».

— «Нѣт, это неудобно... мы там сейчас будем обѣдять... я попрошу его выйти сюда!»

Молодежь, конечно, возмущилась. Как, люди являются с адресом, хотят принять участіе в чествованіи и вдруг их принимают чуть не [в передней?

«В таком случаѣ, заявляют, мы уходим и видѣть его совсѣм не желаем!» Начался шум, пререканія; Михайловскій ушел тѣм временем в зал и явился Короленко.

На него накинулись с упреками и претензіями.

Юбилиар был смущен и заявил, что он здѣсь не хозяин, а гость и что не его надо винить за происшедшее и т. д. и т. д. Депутатіи ввалились наконец в зал, прочли адреса и вручили их юбилиару; при этом отличился «маститый» Вейнберг, позволившій себѣ вслух бухнуть «чего лѣваут эти господа куда их не просят!» и получившій тут же достодолжную отповѣдь.

Затѣм всѣ усѣлись наконец за обѣд, а г. г. депутатов пригласили в сосѣднюю комнату, куда подали им чай.

27 ноября. Встрѣтил Н. А. Рубакина и спрашивался, вѣрны ли слухи об исторіи на юбилей Короленко. Он присутствовал там и рассказал слѣдующее: в залѣ была тѣснота страшная, т. к. на обѣд явились много болѣе чѣм записалось и в это время ввалились депутаціи от молодежи. Вейнберг, «очень генеральствующій» (выраженіе Н. А.) грубо заявил им — «станьте, станьте к сторонѣ, или уходите вон»; другой «генерал» Михайловскій отпустил тоже что то подобное и вот тут то поднялся скандал. Болѣе он ничего не знал и не слыхал.

27 ноября. Движеніе в учебных заведеніях усиливается; слышал, что были сходки и скандалы в Лѣсном институтѣ, у путейцев и т. д. Арестован профессор университета Аничков, провозившій через границу пресловутое «Освобожденіе», превратившееся для него в «Заключеніе». Толкуют о производящихся многочисленных арестах и обысках; предвѣщаются крупные беспорядки среди студенчества и рабочих.

29 ноября. Вмѣстѣ с Аничковым арестована писательница Борман; приключение их описывают слѣдующим образом: в Бѣлом Островѣ таможенные чиновники производили досмотр вещей в вагонѣ, гдѣ сидѣла эта парочка и, не найдя ничего, уже собирались уходить далѣе, как вдруг Аничков громко обращается к своей сосѣдкѣ и с облегченiem говорит по французски: «ну, кажется, на этот раз мы свободны! Чиновник, понимавшій французскую

рѣчъ, быстро вернулся и заявил, что в таком случае просит их в ревизіонный зал. Там их осмотрѣли и нашли кучу «Освобожденія».

Рассказывают — вѣроятно вздор—что какой-то студент пришел к какому-то профессору и, уходя, забыл у него на столѣ шифрованные документы; профессор, увидав их, струсили до смерти и поскакал с ним к градоначальнику; там якобы разобрали их и открылся цѣлый заговор на жизнь государя. Пахнет ахинеей, а там Бог вѣсть!

2 декабря. Стоят десятиградусные морозы при полном отсутствіи снѣга. Тянет легкій вѣтер, по улицам носится пыль, ъздим на колесах.

6 декабря. Много толков вызывает обыск, произведенный заграницей в редакціи «Освобожденія». Как, на основаніи каких прав ухитрился добиться этого Плеве — интересный вопрос. То-то, вѣроятно, переполох произошел среди тайных корресподентов этого новаго «Колокола»! К счастью, никаких адресов не захвачено: об этом Струве заявил в письмѣ в редакцію, кажется Франкфуртской газеты.

Либеральные кружки негодуют на Ивана Ивановича Янжула, — когда-то ярко-краснаго (в московскія времена его дѣятельности), а теперь перешедшаго под правительственный стяг. Мещерскій оказывается пророком: «лучшій способ борьбы с россійскими либералами — это производить их в дѣйствительные статскіе совѣтники!»

7 декабря. Слышал много негодованій из-за проектирующагося перехода податных инспекторов в министерство внутренних дѣл. Чуть не половина инспекторов грозит уходом со службы; думаю только, что ярыя слова эти произносятся ими вездѣ, кромѣ... зданія министерства. Может быть, два три человѣка уйдут, а остальные — переведи их хоть в департамент полиції — останутся!

8 декабря. Забавный курьез. Кто-то, фамилию забыл, — вѣдумал издать сборник рѣчей императора Александра III; для этого перерыл «Правительственный Вѣстник», гдѣ помѣщались онѣ в свое время, и представил в цензуру... цензура запретила. Стало быть, одно из двух: либо Александр III говорил нецензурныя рѣчи, либо онѣ таковы, что в большом количествѣ показывать их не слѣдует!

Антоновскій, переводчик Ницше, рассказывал мнѣ слѣдующій эпизодик. Нѣсколько лѣт тому назад издан им был «Заратустра», цензура сдѣлала массу урѣзок.

Тогда, приступая ко 2-му изданію, он всѣ эти вырѣзки вставил, представил книгу в цензуру, и типографія получила ее обратно неразрѣзанной при выпускном билѣтѣ. Таким образом 2-е изданіе проходит нерѣдко с вычеркнутыми раньше мѣстами: весь фортель заключается в том, чтобы типографія вогнала книгу с добавками юта в юту в прежній размѣр, тогда гг. цензора, свѣрив формат и количество страниц, пропускают, не читая. Правнуки не повѣрят нашим рассказам о том глумлениі, которому подвергаются рукописи в этом анафемском учрежденіи!

9 декабря. Саней нѣт до сих пор и в по-
минѣ. Поразительно темный утра: в половинѣ де-
вятаго едва начинает брезжить слабый свѣт; вездѣ
видны горящія лампы. Воздух полон не мглою, а
чѣм-то коричневатым, словно бы густым дымом от
торфа. Электрическіе фонари на улицах тушат в
четверть девятаго.

13 декабря. Вчера в церкви св. Спиридонія (в Александровском саду) служил обѣдню Іоанн Кронштадскій. Народу была гибель по обыкновенію, толпа стояла и дожидалась его и на улицѣ. Во время богослуженія вдруг с хор перегнулся како-
то мужчина и изступленно крикнул: «Отец Іоанн-
Господь Саваое!»

Полиція добралась до него и вывела; прошло
немного времени—в экстазѣ выкрикнула то же са-
мое женщина.

Такія исторіи, говорят, происходят почти на
каждом служеніи о. Іоанна. Поразительно он за-
хватывает толпу!

20 декабря. С минуты на минуту ждем вой-
ны с японцами. Увѣряют, будто на третій день
праздников объявит ее.

23 декабря. Есть свѣдѣнія, что государь в
сильно угнетенном состояніи духа и послѣднія не-
счастія свои приписывает проклятіям армянского
духовенства. Смерть племянницы, пріѣхавшей с от-
цом по приглашенію его на охоту, затѣм случай с
собственной дочерью—ей дверцей кареты отхлоп-
нули палец, и его пришлось ампутировать, болѣзнь
жены — все это разом свалилось на него и пода-
вило.

Суворин — весьма освѣдомленный старик —
поет в своем „Новом Времени“ о «веснѣ», конечно,
иноскательной; ходят радостные слухи о близких

реформах, конституції, паденії Плеве и т. д., и т. д. И в общем не върится ничему... Для крупных реформ нужен и крупный характер, особенно при наличности гг. Плеве и присных его! Рассказывают, что государь и вел. князь Александр Михайлович изыскивают слово, в какое переименована у нас будет конституція.

28 декабря. Клейгельс действительно назначен киевским и волынским генерал-губернатором. Полная неразбериха, у нас на верху: и Богу пытаются служить и чертам свѣчки ставят!

Недаром острят по городу, что теперь для карьеры надо поступать только в городовые: дальше дорога открыта!

31 декабря. Умер Василій Львович Величко, с позволенія сказать поэт, и с еще большого позволенія — переводчик с восточных языков, которых он, не знал совершенно. Личность во всѣх отношениях второстепенная и притом враль первой руки. Явившись однажды из Тифлиса, гдѣ он получил хлѣбное мѣстечко редактора газеты «Кавказ», на один из «литературных» обѣдов (наши литераторы теперь все обѣдают, или ужинают, или чествуют друг друга по ресторанам и, разумѣется, «литературно») и начал рассказывать.

— Вышел я, — говорит, — однажды из Тифлиса в горы; гуляю, вдруг на меня наскакивают разбойники. Выхватили кинжалы: дэнги, кричат, подавай или убъэм!

— Друзья, — говорю я, — я бѣдный поэт, у меня нѣт ничего...

— Кто ты такой?

— Я Величко...

— А, Вѣличко... Знаэмъ; наших паэтов харашо дэрэводишь. Атисти его, ребята...

Даже привычные российские литераторы — встретили такой рассказец молчанием и покряхты-ванием. Записал все это дословно, как передавал мнѣ в свое время покойный А. К. Шеллер (Михайлов), присутствовавшій на этом обѣдѣ.

Я не раздѣляю взгляда, по которому про покойников надо говорить лишь хорошее. Надо говорить правду; иначе внуки и пра-правнуки наши кононизируют какого-нибудь такого субъекта, что всѣ святые будут в претензіи!

1904 год.

6 января. 4 января закрыли съезд по техническому образованію. Съезд собирался в зданії университета, и что ни день, там разыгрывались инциденты. Право входа на засѣданія имѣли лишь члены; тогда, чтобы дать возможность проходить всѣм, члены перестали предъявлять свои билеты и поснимали значки. Секціи, собранныя для обсужденія вопросов о коммерческом образованіи, разсуждали громконосно о вредѣ и позорности земских начальников, другія техническія — о свободѣ печати и конституціи... Вопросы, несомнѣнно, благіе, но кончились они грандиозным скандалом и кошачьим концертом, устроенным двум каким-то участникам кишиневского погрома, а на другой день съезд был закрыт, и зданіе университета оцѣплено городовыми и околодочными надзира-телями.

11 января. По тѣм же причинам закрыты и всѣ остальные съѣзды. В общем—полная путаница в представлениі петербуржцев: зачѣм собирались эти съѣзды, что они натворили, за что их закрыли—всѣ толкуют разно об этом. Относятся к происшедшему, как к какому-то весело разыгранному фарсу и интересуются только скандалами.

14 января. Каждую ночь по Николаевской дорогѣ уходят поѣзда на Дальній Восток с боевыми грузами; от гвардейских полков из каждой роты взято по 15 человѣк и отправляют туда же. Бумаги сильно упали в цѣнѣ; толки о войнѣ увеличиваются.

17 января. Опубликовано Высочайшее повелѣніе о разгромѣ непокорного и самаго дѣятельнаго и интереснаго из земств — тверскаго. Один взмах пера — и нѣт его, другой — нѣт закона. Далеко зашел, однако, этот Плеве, не в цивилизованной странѣ живем мы, а словно гдѣ-то в персидской сатрапії!

20 января. Субъекты, изгнанные со скандалом из съѣзда, оказались Степановым и Прониным. Перваго знаю хорошо по Новоселицѣ, гдѣ он работал в качествѣ подрядчика. Субъект он малограмотный, но с деньгой и убѣжденный ненавистник еврейства; завѣтнѣйшая мечта его была: «получить орденок, хоть паршивенький» и для этой цѣли он лѣз из кожи, жертвуя на разныя благотворительныя дѣла кучи денег.

Его хотѣли даже бить на съѣздѣ, но желавшаго произвести это, удержали, и Степанов под ругань, рев и свист выскочил на улицу без шубы и шапки. Как попали эти франты на съѣзд по совершенно чуждому им образованію — не могу постичь!

В результате масса обысков у читавших даже невинные рефераты и много арестов; слышал, что арестован, напр., довольно известный адвокат Переверзев и др. Ходит рассказ, как всегда, из «самых достовѣрных источников», будто бы государь совѣщался с министрами и спросил их мнѣніе, долго ли может продержаться настоящее положеніе вещей; Плеве отвѣтил: «сколько угодно», другое — пять, десять лѣт, и только один Витте сказал: «не болѣе года, Ваше Величество».

Витте вообще пользуется расположением общества и даже в легендарных случаях слухи приписывают ему самую честную и прямую роль.

С Кавказа идут тоже неладные вѣсти: готовится будто бы армянское восстание. Пріѣзжие из Тифлиса рассказывают, якобы главноначальствующій получил извѣщеніе, что дворец его собираются взорвать подкопом, и он вызвал сапер, и вокруг дворца вырыты слуховые траншеи и ямы, в которых разставлены часовые.

24 января. В министерствѣ народнаго просвѣщенія скандал: министр его, Зенгер вдруг неожиданно для всѣх, сдѣлал сальтомортале и проснулся сегодня... сенатором.

Даже обычных слов в рескриптѣ, в родѣ «Всемилостивѣшь увольняем» нѣт, а прямо: «увольняется по прошенію». Толки самые оживленные и разнообразные, но наиболѣе упорные тѣ — что он уволен за школы тверского земства. Рассказывают, что ревизія обнаружила в них чуть ли не сплопъ, анархизм, преподаватели будто бы и воспитывали дѣтей в самом революціонном духѣ и. т. д. И когда государь, призвав Зенгера, стал говорить ему об этом, тот слушал, выпучив глаза, так как и не подозревал ни о чём подобном. Второе, в чём тѣ же

правительственные круги обвиняют Зенгера, — юдофильство и большое процентное седержаніе евреев в гимназіях и университетах. Скандал, во всяком случае, не заурядный: обыкновенно таких господ сдают в Государственный Совѣт, но никак не в Сенат. Одним сторонником республики в Россіи будет больше!

Каждую ночь на Дальній Восток идут и идут войска, артиллерія и боевые грузы. Иногда собираются цѣлые толпы провожать их, раздается «ура», машут шапками, шлют отъѣзжающим лучшія пожеланія. Начинает просыпаться энтузіазм. И не только в военных кругах, но и в обществѣ, всюду напоминаешься на разговоры о том, что Россія срамит себя теперешней политикой и настала пора проучить этих макак. Гм... макаки-то эти не выше ли нас, авосек?

Есть слухи, будто государь в самом удрученном состояніи, плачет и твердит: «пусть будет японцам уступлено все, только чтоб не началась война».

25 января.. Около часу дня, по улицам забѣгали разные оборванцы с кипами оттисков телеграмм в руках. «Объявленіе войны с японцами, объявление войны с Японіей», выкрикивали на каждом углу. Телеграммы раскупались нарасхват. Оказалось, что японцы отозвали из Петербурга своего посланника и вслѣдствіе этого отзван и русскій. Бездѣ сильное возбужденіе.

26 января. На биржѣ паника: бумаги опять повалились и, надо думать, понизятся еще. На улицах большое оживленіе, газетчики торгуют на славу.

27 января. Весь Петербург всполошился; пришла телеграмма, что японскія миноноски ночью

вошли в Порт-Артурскій рейд и «причинили пробоины» трем нашим броненосцам, стоявшим там. Что это за «пробоины», как могли пробраться незамѣченными, кстати сказать, не объявившіе войны, японцы, — все это загадки; телеграммы, выпущенные днем, берутся с боя; цѣлые толпы окружают продавцов, вырывая друг у друга листки. Читают их всѣ — извозчики, дворники... даже простонародье не жалѣет пятака и гривенника, чтоб только узнать, что творится на Дальнем Востокѣ.

На биржѣ — новое паденіе цѣн.

Итак — война началась, и мы уже осрамились. Конечно, цыплят считают по осени...

Увѣряют, будто пост министра финансов снова предложен государем Витте, но тот отказался. Да, теперь нужна не такая выѣденная скорлупа, как Плеске!

Вездѣ негодуют на моряков, «прославших» подход японцев. Так ли еще это, узнать сперва надо.

В 6-й гимназіи, говорят, между прочим, был обыск, думали найти революціонныя изданія, но только нашли... очень много табаку. Веселый обыск и пріятные результаты!

Кстати сказать, от многих лиц и в том числѣ от Л. Ф. Рогозина, знающих Плеве и совсѣм не раздѣляющих его взгляды на политику, — слышал, и притом не раз, что как человѣк, дома, он прекраснѣйшая и симпатичнѣйшая личность. Что за загадка послѣ этого душа человѣческая!

27 января, 11 с половиной ч. ночи. Зимній Дворец полон представляющимся офицерством. Пріѣзжающіе оттуда сообщают послѣднія извѣстія: Алексѣев телеграфировал, что семь японских миноносок уничтожено; из судов только «Ретвизан»

пострадал сильно, а остальные два подвели пластиры и вмѣстѣ с остальной эскадрой вышли на встречу японцам. Теперь в эти минуты идет бой... Нервное напряженіе в городѣ страшное, подъем духа необыкновенный.

Этой ночью государь ъдет в Москву для традиціоннаго объявленія войны: на Николаевском вокзалѣ стоит уже готовый императорскій поѣзд. Говорят государь весьма удручен проишедшим, вдовствующая государыня тоже. Рассказывают, что из Парижа телеграмма сообщает, будто весь рейд Порт-Артура покрыт обломками миноносок и японскими тѣлами; макаки бросались на наш флот, как бѣшеные. Завтра прочтем и провѣрим все.

28 января (утро). В ночь от разрыва сердца умер Н. К. Михайловскій; умер один без всякой помощи, так как в квартирѣ никого не было.

Утром в «Правительственномъ Вѣстникѣ» появился манифест о войнѣ; расхватывали номера, платя по 30—40 коп. На углах улиц вывѣшены телеграммы о ходѣ военныхъ дѣйствій; простонародье, военные и дамы тѣснятся и жадно слушаютъ чтеніе ихъ.

Вчера, площадь Зимняго Дворца была вся запружена экипажами; гремѣло ура, словомъ, творилось нѣчто необычайное. Въ театрахъ играли гимн «Боже царя храни», и публика трижды требовала повторенія его. Ура не умолкало.

Москва уже пожертвовала на военные нужды миллион рублей.

Купил листок телеграмм; японцы бомбандировали Порт-Артур и подбили еще четыре нашихъ судна; их же потери неизвѣстны; войска потерпѣли незеачительный урон... И только. Что сей сон

значит? Толки идут самые нелъпые — вплоть до сдачи Порт-Артура.

Говорят, что Скрыдлов поведет на Восток свою черноморскую эскадру, а Куропаткин примет главное начальство над сухопутной арміей. Что же тогда останется дѣлать намѣстнику Алексѣеву? Почему молчат его телеграммы о японских потерях в судах?

Вечер. В 3 часа дня произведены в мичмана гардемарини; также произведены в офицеры старшіе курсы морского инженерного и Павловского училищ. Воинскій начальник и Главный Штаб осаждаются офицерами и нижними чинами запаса, желающими ити на войну. Огромному большинству отказывают. Произведенная нежданно молодежь в неистовом восторгѣ, но на улицах свѣженьких офицериков не видно: ни у кого не оказалось готоваго обмундированія. В телеграммах есть сообщеніе, что японцы отбиты от Порт-Артура, и что у них погиб один крейсер. Только одна «Петербургская Газета» выпустила прибавленія, под громкими названіями: «Побѣда. Разгром японского флота» и т. д. и там сказано, будто бы нашими потоплено три крейсера, а всего судов у японцев уничтожено 12; при этом исчислялось даже подробно количество убитых и раненых врагов. Перед телеграммами крупными буквами была набрана дико кликушествующая статья о «желтолицых и рыжеволосых» врагах, о мощи Россіи, — словом, так и виднѣлись из строк пьяные глаза и засученные кулаки савраса, вызывающего «удариться» с ним весь мир. Номера эти расхватывались по полтиннику и нѣсколько подняли дух в публикѣ; многие, — да так и слѣдует, — им не вѣрят, но слышал толки, будто бы наборщик «Правительственного Вѣстни-

ка», имѣющаго монополію на первое напечатаніе телеграмм с Востока, тайно продал текст «той телеграммы «Петербургской газеты». Дай Бог, нашему теляти волка съѣсть!

Среди моряков толкуют, будто бы султану заплачена крупная сумма денег за пропуск черноморской эскадры, но будет сдѣлан вид, что русскіе суда форсируют проход и пройдут под огнем, конечно безвредным, береговых батарей на помощь Тихоокеанцам. В штабѣ дѣятельно готовятся к войнѣ на три фронта; войска тянутся к Афганистану в видѣ угрозы Англіи. Сколько ни приходилось сталкиваться и говорить с выдающимися сухопутными военными и моряками — всѣ жаждут войны и болѣе всего — с Англіей, и общій хор и военных и штатских боится не Англіи, не коалицій, а русских дипломатов. Это все такая патентованная, выпущенная бездарность, такая ходячая трусость, что без возмущенія ни один русскій человѣк не может говорить об этих гг.

29 января. Алексѣев молчит. 7 наших броненосных судов выбыло из строя, около 70 убитых и раненых — в этом и всѣ наши свѣдѣнія.

Вчерашнее сообщеніе «Петербургской Газеты» нигдѣ не подтверждается: все, стало быть, выдумка.

Кстати, сегодня ея у разносчиков нѣт: запретили в розничной продажѣ за вчерашній номер на двѣ недѣли.

В городѣ недоумѣніе; удивительный барометр публика: малѣйшій пустяк выводит ее из равновѣсія и лишает возможности думать и соображать что-либо. Предположим даже, что нас разгромили в Порт-Артурѣ — Корея и Манчжурія велики, есть еще гдѣ встрѣтиться и помѣряться силами!

В почтамтѣ была сегодня телеграмма из Лондона, будто бы русскій броненосец потоплен японцами, а два транспорта захвачены въ пльн съ 2000 наших войск. Чего ради молчит «Правительственный Вѣстник»? Лучше знать самую скверную правду, чѣм слушать и вѣрить — какъ дѣлает публика — въ десять разъ преувеличеному вранью, о чёмъ бы то ни было!

Кстати интересная подробность: японскій посланник передъ выездом изъ Петербурга уплатил по предъявленному ему нашимъ телеграфомъ счету за тринадцать послѣднихъ дней — десять тысячъ рублей.

Петербургъ щегольнулъ: пожертвовалъ полтора миллиона на войну; со всѣхъ сторонъ начинаютъ стекаться пожертвованія; газеты полны сообщеніями о нихъ.

30 января. Въ нѣмецкихъ газетахъ есть телеграммы, что два русскихъ крейсера — Варягъ и Кореецъ сдались безъ боя японцамъ въ Чемульпо.

По городу расклеены объявленія о потеряхъ японцевъ при Порт-Артурѣ, причемъ о потопленіи ихъ крейсера нѣтъ ни слова; въ концѣ публика извѣщается: «въ виду распространившихся въ городѣ разныхъ неблагопріятныхъ слуховъ изъ неблагонадежныхъ иностранныхъ источниковъ, что подтвержденія ихъ не имѣются».

Вчера около 8 ч. вечера по Невскому шли двѣ роты стрѣлковъ, отправлявшихся на Дальний Востокъ. Гигантская толпа засыпала всю ширину улицы, солдаты шли въ перемежку со всякимъ людомъ, давка чрезвычайная. Гремѣло ура, въ воздухъ летѣли шапки.

Как, однако, всколыхнулась Россия!

Иностранные газеты сильно (и по-дѣлам) нападают на Алексѣева, называют его бездарностью и т. д. Номера с этими статьями и телеграммами задержаны. Биржа вчера немного окрѣпла, что-то произойдет сегодня? Слышал, что вчера от государя была телеграмма Алексѣеву с требованием немедленных донесений о подробностях боя у Порт-Артура.

Вечер. Около 8 ч. вечера по городу начались манифестации. Толпы студентов и штатских вперемежку с дамами и национальными флагами в руках направились к Зимнему дворцу, оттуда по Невскому к Аничкову с пѣніем «Боже царя храни» и «Коль славен». Тысячеголосое ура и пѣніе гимнов у дворцов вызвали к окнам нѣсколько фигур придворных.

Около 11 часов вмѣшалась полиція и стала разгонять наиболѣе неугомонных, причем нѣкоторым пламя патріотизма пришлось погасить в участкѣ; разгоняли кулаками и ножами «седедок»; кое кому долго придется попомнить начало японско-русской войны!

31 января. Нашею же миною взорван наш минный транспорт «Енисей». Что и говорить, на славу начали войну! Слухов в городѣ — не обобраться.

Рядом с проснувшимся патріотизмом приходится наталкиваться и на другія рѣчи: на желаніе, чтобы японцы поколотили нас — для нашей же пользы. Говорят, что если мы побьем, то близкое уже «освобожденіе» Россіи отодвинется опять вдали, зазнаемся, все пойдет еще хуже, чѣм шло. Скорбят, что всѣ другіе интересы поглощены войной, и народное движение, так разроставшееся

вездѣ, ринулось в новое русло. Я лично желаю, чтобы прежде всего не легло срама на Русь. Что дѣлать? Пусть реформы отодвинутся на нѣсколько лѣт, жаль, но раз заварилась каша — надо выходить из нея с честью!

Сильное возмущеніе в ультра-либеральных кружках произвела всеподданнѣйшая телеграмма со всякими вѣрноподданническими чувствами от тверского, на-днях так посрамленного правительством, земства.

Вчерашнія демонстраціи происходили, оказывается, и около французского и англійского посольств. Союзникам, конечно, орали ура, пѣли гимны, а англичанам устроили кошачій концерт. Тут-то, рассказывают участники, полиція и попросила их «честью» разойтись по домам. В общем же полиція теперь стушевалась почти совершенно.

Похоронили Михайловскаго.

Многотысячная толпа заливала всю площадь; в Преображенскій собор нельзя было и пропасться. К изумленію и нѣкоторому волненію публики, вдруг из одного из дворов появился жандармскій отряд и направился к собору. К счастью, опричина сія, переговорив с распорядителями, и получив, вѣроятно, от них завѣренія, что беспорядков не будет, удалилась: быть бы скандалу иначе!

Гроб понесли на руках; на самом видном мѣстѣ катаfalка для вѣнков, наверху, висѣл вѣнок с надписью: «от находящихся в домѣ предварительного заключенія».

Когда процессія двинулась — навстрѣчу ей с Литейнаго донеслось «ура» — шли манифестанты-правительственники.

Рааговоров велось гибель в толпѣ, увы, главным образом о войнѣ, о студентах «бѣлоподклад-

дочниках», громко именующих свой кружок «Денницею» (передъянный их врагами сторонниками стачек — в денник, т.-е. конюшню) и организующих всю эти гимны на улицах. Арабажин напр. и др. убъждены (предлагали даже пари), что Японія побьет нас, так как наша Манчжурская дорога никуда не годна и может провезти в сутки не больше 2000 чел. Вообще очень многие настроены весьма пессимистически и говорят, что как бы ни закончился национальный вопрос, — народный страшно пострадает. Предвъщают голод и всякие ужасы в родѣ вмѣшательства Англіи, полнаго обищанія и т. д., и т. д. Страшен чорт, да милостив Бог!

Вечер. «Варяг» и «Кореец» погибли геройски, обороняясь от цѣлой эскадры. «Кореец» затонул сам, а «Варяг» взорвал себя в послѣднюю минуту на воздух; крохотная Владивостокская эскадра прорвалась в море и разгромила японскій город Хакодате. Честь и слава молодцам!

Бхал домой и разговорился с извозчиком.

— Вот, — говорит, — барин, хозяин у меня четыре запряжки имѣет, деньги, все у него есть, а в добровольцы ушел. Не могу утерпѣть, говорит. Жена, теща плачут, куды, говорят, идешь, зачѣм ты? Не могу, говорит, утерпѣть и кончено!

— Ну а ты как, — спрашиваю, — думаешь: кто кого — мы японцев побьем или они нас?

Ванька даже плонул.

— Вот эжакеньких-то да не одолѣть? — он показал рукою на аршин от земли. — Одолѣем. Мы смирно сидѣли, терпѣли, ну а теперь шабаш: теперь разворочались!

— Ну, а если все-таки побьют?

— Голову то есть себѣ об панель тогда расшибу!

Рассказал затѣм, хохоча всей утробой, что видѣл на-днях такую сценку. Шел китаец, а какой-то мальчишкa лѣт 13 подскочил к нему и кричит (шли манифестанты) «долой шапку!» Китаец растерялся, глядит на него, а тот «кээк даст ему в ухо, китаец и брык с ног, да бѣжать потом. Смѣху, смѣху кругом что было!».

Привожу это как иллюстрацію к творящемуся теперь.

На Невском толпы хватали моряков и с криками «ура» качали их; досталось таки и новоиспеченным мичманам. Павловское училище, как оказалось, еще только страстно ждет производства.

1 февраля. Ни градоначальника, ни министра народного просвѣщенія в Питерѣ еще нѣт; Унтербергер, про назначеніе котораго так упорно и убѣдительно возвѣщали, по слухам отказался, отказалась и другій. Да теперь и не интересуется никто ими.

По городу звенят бубенцы, наѣхали обычные масляничные вейки на своих коньках. Конечно, среди них много переодѣтых русских, тѣм не менѣе работают на славу.

4 февраля. В берлинских газетах есть телеграммы из Лондона и Парижа, будто наша Владивостокская эскадра наскачила гдѣ-то на японскія мины, и три крейсера погибли. Что-то скверно пока идут дѣла у нас на Востокѣ! Отовсюду сыплются пожертвованія... то-то начнутся теперь кражи казны и этих денег! Великосвѣтскія дамы тоже занялись теперь в Аничковом дворцѣ «работами» для раненых: пьют чай и трещат, как сороки. Таковы по крайней мѣрѣ разсказы свѣдущих лиц.

Бѣлье же, т.-е. настоящая работа, сдано бѣдным мастерицам, прямо по возмутительной цѣнѣ (тоже, благотворители!) — кальсоны по 11 коп. и халаты по 15 коп. со штуки, за работу. С раненых, дескать, должны дешевле брать!

5 февраля. Вранье в городѣ идет неимовѣрное: сегодня дошли до того, что увѣряли даже, будто взят Порт-Артур. Англійскія газеты тоже принесли новость в этом родѣ: «московскіе бояре возмутились и взяли и разрушили Кремль и много церквей». Дальше этой новости уже не пойдешь, а потому с сегодняшняго дня перестаю записывать всякия вѣсти о войнѣ. «Слишком много вранья!» — должен был бы сказать современный Калхас.

6 февраля. Разговаривал с одним из моряков, участвовавших в поисках (и отыскавшаго) погибшаго нѣсколько лѣт тому назад от собственной ветхости броненосца «Русалка».

В городѣ тогда же ходили рассказы, что не подняли ея только оттого, что пришлось бы отдать под суд все высшее морское начальство, до того корпус судна был ветх и так мошеннически был он построен. Моряк подтвердил все дословно; по той же причинѣ погиб в свое время и «Гангут»; моряк этот штурман торгового флота, человѣк за служивашій безусловнаго довѣрія, утверждает, что ремонты этих судов, хорошо известных ему, производились на бумагѣ, на дѣлѣ же их только перекрашивали снаружи. На «Гангутѣ» вѣчно работали машины, выкачивая воду, просачивавшуюся во всѣ пазы. В точно таком же состояніи, говорят, находится и прочая береговая оборона наша, в родѣ разных «Адмиралов» и «Не тронь меня». Послѣднее имячко занятное: «не тронь меня, сам развалюсь», так переиначивают его моряки.

В нѣкоторых учрежденіях, гдѣ собирали подписку об отчисленіи процент. из жалованья на войну, между прочим и в портовой таможнѣ, произошли при этом скандалы: нѣсколько поляков отказались подписатьсь на том основаніи, что «не желают помогать Россіи, притѣсняющей их». Нѣчто подобное произошло и в институтѣ гражданских инженеров.

В университетѣ на днях случилось побоище: студенты избили нѣскольких студентов же за протест против манифестацій; драка была такая, что бойцы разошлись в разодраных мундирах, с воротничками перевернутыми назад, или же совсѣм без них. Убѣдительное приведеніе к соглашенію, что и говорить!

Смѣшные и нелѣпые слухи ходят среди нашего мѣщанства. Как примѣр, привожу тот, что удалось мнѣ слышать.

Великій князь Алексѣй, моряк, подарил своей любовницѣ Балетта — французской актрисѣ (Михайловского театра) маленькую серебряную модель корабля с брилліантовыми гвоздиками. И вот в каком видѣ перешло это «событіе» в народ; передается притом все это с неудовольствием, с покачиваниями голов, охами, но, разумѣется, тихо: «чего уж добра ждать; сколько денег зря губится! Алексѣй-то Лексаныч любовницѣ своей, французинкѣ, серебряный карапъ подарил, да цѣлые дни с ней по морю на нем и катается!»

8 февраля. На улицах гремят и звенят бубенцы: их слышно даже через двойныя рамы. Народа снует гибель, справляют послѣдній день масляницы.

Относительно причин воспрещенія розничной продажи «Петербургской Газеты» слышал еще версию: хлопнули ее по карману будто бы за статью,

гдѣ корили наших порт-артурских моряков за то, что «позорно проспали» подход японцев.

Пишу эти строки, а с Суворовского проспекта доносится пьяное «ура». «Ндравам» теперь в отношении дранья глоток не препятствуется!

На Инженерной ул. у дома Красного Креста бѣсмѣнно дежурят цѣлые толпы студентов, женщин и мужчин всѣх сословій; предложений так много, что попадают в ряды сестер и братьев милосердія один из десяти и даже двадцати человѣк. Пожертвованія льются щедрой рукой.

10 февраля. Пущен нелѣпый слух, будто бы Алексѣев отравился.

Закрыты высшіе женскіе курсы. Начальство, без вѣдома слушательниц, представило вѣрноподданнѣйшій адрес от их имени с изъявленіем разных чувств; курсистки, узнав об этом, вознегодовали — и справедливо — и устроили весьма бурную сходку. Результат — закрытіе курсов. Да, трудно теперь разобраться, гдѣ истинно «вѣрноподданнѣйша» чувства, а гдѣ вынужденное присоединеніе к изъявленію таковых! Достаточно какому-нибудь ферту в собраніи предложить такое подношеніе, то, если бы всѣ остальные присутствующіе не одобряли — вынуждены были бы «поднести», чтобы не подвергнуться в свою очередь поднесенію какого-нибудь сюрприза в родѣ высылки, отсидки и т. д.

Телеграмма от Алексѣева принесла вѣсть о потопленіи нами четырех японских торговых пароходов и об отбитіи новой атаки миноносцев. Всетаки, что-то вродѣ успѣха; на безрыбыи и рак рыба! По слухам, дѣла наши не важны и россійское ротвѣйство сказалось во-всю: мало войск на Востокѣ, а наша драгоценная, стоявшая миллиард Манчжур-

ская дорога болѣе 2000 человѣк в сутки не может пропустить.

12 ф е в р а л я. Назначен новый градоначальник, генерал Фуллон из Варшавы.

13 ф е в р а л я. По рукам ходит забавная пародія на манифест о войнѣ, начинающаяся таким образом: «мы, Божію милостью и т. д... царь Ходынскій и Кишиневскій, Полтавскій и Харьковскій, царь Эриванскій и т. д. — перечислены всѣ мѣста, гдѣ бывали беспорядки, закончившіеся сѣкуціями.

Экземпляры литографированы и вниау имѣют подписи: «печатать разрѣшается. Министр вн. дѣл фон-Плеве».

15 ф е в р а л я. Отправляется на войну великий князь Кирилл Владимирович. Что, спрашивается, сей герой будет там дѣлать? Конечно, в первую голову получит Георгія. Люди будут драться, а такіе господа награды получат. Опять сложит армія пѣсенку в родѣ той, которую принесла с войны 1877 года:

Оказались в эвтом боѣ
Всего только два ироя —
Их Высочества,
Их Высочества!

17 ф е в р а л я. Умер Ванновскій, бывшій военный министр и министр народного просвѣщенія.

В народѣ толкуют, будто бы о. Ioann Кронштадскій «благословил на 25-лѣтнюю войну», т.-е. говоря иначе предсказал, что она протянется 25 лѣт.

Компетентен ли в этом дѣлѣ о. Ioann, не знаю, а что вся Европа вооружается, минируют свои гавани даже такія государства, как Голландія и Швеція, и всѣ вот-вот кинутся друг на друга, как псы по первому «втю» — это вѣрно!

18 февраля. Университет ограблен двойным рядом городовых; входы в него заперты. Вокруг зданія толпа студентов и штатских. Что происходит — еще не знаю, говорят, устроена грандиозная сходка.

Сегодня получил первый № «Листка Освобождения», нового приложения, выпускаемаго теперь Струве по случаю войны. Прочитал его и задумался: трудна задача будущаго историка! Как разберется он в грудѣ противорѣчій и сплошного вранья? Говорю это вот почему: в этом № имѣется замѣтка «казенный патріотизм и учащаяся молодежь», гдѣ значится: «патріотическая манифестація состояла из 3 элементов — полицейская правокапія, хулиганство и барапство», ниже опять: «патріотическая манифестація производили главным образом гимназисты и неопределеннаго званія люди».

Я лично и десятки знакомых моих перевидали разныя манифестаціи: их устраивало все живое, находившееся в тѣ моменты и в тѣх пунктах. Это было что-то стихійное, пробирающее до самой глуби костей; «толп гимназистов» я не видал, — мальчишки вездѣ и всегда сопровождают процесіи, — а видѣл взрослых людей, почтенных отцов сёнейств, молодежь — и студентов, и барышень, и дам разряженных, и бѣдноту — всѣ, шли в этих процесіях, охваченные энтузіазмом. »Наёмным« путем чувств ни у зрителей ни у толпы вызвать нельзя, и тот, кто был в эти дни в Петербургѣ, никогда не забудет их. Достаточно было крикнуть одному «ура» — и все приходило в возбужденіе, всѣ становились участниками манифестацій.

21 февраля. Со всѣх сторон сообщают о бѣгствах подростков, начиная с 10—11 лѣтняго возраста на Дальній Восток, на войну с японцами. Из

гимназій и др. учебных заведеній и от родителей до сих пор, говорят, подано в сыскную полицію до полутораста заявлений об исчезновеніях юных воинов; на вокзалах кассиры теперь билетов дѣтям не продают и таковых задерживают.

23 февраля. В университетѣ что-то не все еще ладно. Увѣряют, что среди студентов и курсисток отыскался кружок лиц, рѣшивших выразить свое сочувствіе микадо и японцам посылкой ему привѣтственной телеграммы и сбором денег в его пользу. Телеграмма эта — передают дальше — была подана на телеграф, но конечно доставлена совсѣм другому микадо: градоначальнику, а тот поскакал с нею к государю. Всему этому, зная мудрых наших будущих людей, еще можно повѣрить, несомнѣнно они знали, куда и кому попадет их телеграмма вмѣсто Японіи и подали ее нарочно с этой цѣлью. Но дальнѣйшее пахнет выдумкой; просмотрѣв, смѣхоторый в сущности документ, государь заявил: «ничего не имѣю против депеш и сбора денег со стороны этих гг., только пусть они то и другое отправятся лично вручить микадо».

26 февраля. Со всѣх сторон передают, что запрещено селиться на лѣто под Ораніенбаумом, в Теріоках, Сестрорѣцкѣ, Куоккалѣ и т. п. прибрежных мѣстах. В Теріоках возводится укрѣпленіе; в Выборгѣ усиливается гарнизон. От комиссіонеров слыхал, что в Кронштадтѣ чуть ли не паника: с 1 марта он объявляется на военном положеніи, и жители готовятся к выѣзду и распродают за безцѣнок вещи. Ожидается война с Англіей.

По улицам бѣгают мальчишки с листками в руках и выкрикивают: «новое чудо святителя Николая на Востокѣ, цѣна пять коп.»

29 февраля. Сегодня в газетах появилось опровержение слухов о воспрещении селиться в названных выше местностях на дачах; сообщение это как-то неуваженно набрано петитом и почти незаметно. Тым не мене, толки об этом запрещении не прекращаются, а усиливаются.

Умирает послѣдній могикан плеяды старых поэтов, К. К. Случевскій; у старика рак, и положеніе его безнадежно.

Старик былъ оригинальный человѣкъ и притомъ почти ослѣпшій за послѣдніе годы; страстно любилъ свой «Уголок» — дачу въ Гунгербургѣ. «У меня есть вещи, которыхъ не умрутъ съ!» говоривалъ онъ иногда въ минуты раздраженія, ударяя себя кулакомъ въ широкую грудь. Слышалось это въ такія минуты, когда заговаривали о новыхъ россійскихъ академикахъ и россійскомъ Пеліонѣ — Академіи, такъ обидно забывшей о старикѣ.

По пятницамъ у Случевскаго собирались поэты. Всякий, кто состряпалъ на своемъ вѣку, какую бы то ни было, книжонку съ виршами, имѣлъ право идти въ пятницу къ К. К.: двери были открыты для всѣхъ и каждого. Убѣженія въ разсчетѣ не брались, но правда, изъ числа «пятничныхъ» гостей по другимъ днямъ почти никого не принимали. Таскалась къ нему вся поэтическая братія, разсчитывавшая, главнымъ образомъ, какъ-нибудь и куда-нибудь пролѣзть при помощи К. К., гофмейстера и человѣка вліятельного. Бывалъ тамъ и рыжекудрый Аполлонъ Аполлоновичъ Коринфскій, мало, увы, похожій на своего тезку; Коринфскій былъ помощникомъ К. К. въ редакціи «Правительственнаго Вѣстника» и, не ограничиваясь

устной хвалой патрону, произвел на свѣт книжицу: «Поэзія К. К. Случевского» и уж не помню теперь, в этой ли книжицѣ, в стихах ли своих заявил с пафосом, что Россия должна гордиться поэзіей Случевского. Плохо думает о России г. Коринфский! У России есть чѣм погордиться и помимо посредственных, а за послѣдніе года, когда старик забрыкнул за Москвой и ударился в декаденство; и прямо плохих стишков.

Пятничные гости эти острили, говорили «экспромты», сочинявшіеся вѣроятно с субботы и так им эти остроты нравились, что вздумали познакомить с ними и публику и стали издавать свой журнал — юмористической. Пятничная вдохновенія эти были оцѣнены публикой по достоинству, и послѣ нѣскольких № журнала скончался.

Все это происходило нѣсколько лѣт тому назад; что представляли пятницы послѣдняго времени — не знаю, имѣю однако данные полагать, что к лучшему не измѣнились. Окончательно прекрасились онѣ лишь на этих днях.

4 марта. Вчера бесѣдовал с санозниками медицинского міра и полюбопытствовал узнать — что значил сей сон — отправка почти сплошь одних евреев врачей в дѣйствующую армію. Оказывается, как «неблагонадежный» элемент, на случай мобилизаціи они были зачислены в самый отдаленный и, как предполагалось недавно, не угрожаемый войной округ. Нежданно-негаданно все перевернулось, и евреи пошли в первые ряды. Правы заграничные остряки, выпустившіе теперь открытыя письма, на которых изображен отдыхающій Саваоѳ. К нему является архангел и сообщает, что на землѣ неблагополучно: война. Саваоѳ ма-

хает рукою и отвѣтывает: «пускай себѣ дерутся: сами помирятся!».

Да русскіе это с японцами воюют, Ваше Божество!

— Русскіе? Давай когда так кушак и шапку: эти без меня не обойдутся!

Со всѣх сторон доводится слышать глухіе толки о беспорядках и сопротивленіях властям на Ру-си. Гдѣ происходили они, как — никто объяснить не может. В Царствѣ Польском, передавали, были даже отказы солдат ити на войну и т. д.

Отмѣчаю вновь проснувшееся во всѣх ожида-
ніе чего-то изнутри Россіи; к войнѣ публика уже яѣ-
сколько поохладѣла; листки с телеграммами куда
меньше стали находить покупателей и теперь газет-
чики напрашиваются к равнодушно идущим мимо
прохожим. Первая, острыя стадія миновала... Что-
то будет, когда всѣ пресытятся и устанут от вой-
ны?..

5 марта. Читал сегодня письмо моряка-
офицера Сергія Дмитріевича Бодиско из Порт-Ар-
тура, описывающее кутерьму, произшедшую там от
незданной атаки японцев; все это извѣстно по га-
зетам, поэтому повторять не буду.

Слух, что взорвалось второе русское судно —
письмо подтвердило: только погиб не «Баян», как
говорили, а «Боярин», дважды напоровшійся на соб-
ственные мины. Газеты и правительственные сооб-
щенія молчат об этом — шило в мѣшок прячут!

6. марта. Вчера нечесром и сегодня в раз-
ных мѣстах слышал, будто повѣшен нѣкій интен-
дант Иков, продавшій Японіи план расположенія
на театрѣ войны продовольственных пунктов.

15 марта. В двух книжных складах сооб-
щили мнѣ, что Н. А. Рубакину предложено на вы-

бор: или переселеніе в Восточную Сибирь, или же заграницу навсегда. За что свалилась на него эта наасть — никто и сам он не знает. Въроятно за январскій съѣзд, гдѣ, хотя он и держал себя сравнительно скромно, но тѣм не менѣе попал под все-видящее око... У. Н. А. сильнѣйшая астма; «заграницу» и тамошних соотечественников он не особенно долюбливает; тяжело ему придется там! В послѣдній раз я его видѣл вскорѣ послѣ закрытія съѣзда и обыска у него; он принял меня в постели. Н. А. был поражен тѣм, что полиція, заставшая его в минуту приступа астмы, в виду болѣзни его не приступила к осмотру квартиры, и пристав, запросив по телефону начальство, извинился за беспокойство и ушел со своей командой, отложив обыск, чтобы не беспокоить больного.

19 марта. Около 8 ч. вечера выйдя на улицу, увидал на бозоблачном небѣ не то тучу, не то столб дыма; дошел до Невскаго — на каланчѣ мерцают три фонаря и над ними один красный, значит гдѣ-то пожар и сильный. Горѣло, как оказалось, внутри Апраксина двора; за Екатерининским сквером стояло над домами словно громадное сѣверное сіяніе: выдѣлялись языки огня и летѣвшія высоко вверх искры. Садовую улицу запруживали извозчики пролетки; со всѣх концов лились на пожар черные рѣки людей и экипажей. Зданіе Государственного Банка стояло освѣщенное, как днем; мимо него никого не пропускали; сквозь рѣшетку Пажевскаго Корпуса видно было, как в концѣ переулка, ближе к Фонтанкѣ, у Министерства Народнаго Просвѣщенія бушевало пламя. Едва удалось протискаться к Екатерининскому каналу и мимо банка пройти на Гороховую и, оттуда на Фонтанку. Валетавшія на необычайную высоту искры подолгу

мерцали на небѣ и падали на панель канала — разстояніе от мѣста пожара огромное. Тѣснота была такая, что вереницы экипажей подвигались шагом; в толпѣ слышались разговоры, что горит склад резиновых и целлулоидовых издѣлій «Проводник», и будто есть человѣческія жертвы; иные увѣряли, что погибло сто человѣк. Освѣщенная красным отблеском огня Фонтанка представляла необычайное зрѣлище. На болѣе темном правом берегу ея виднѣлся ряд паровых машин, накачивавших воду; паровики реготали, выбрасывали клубы дыма и сыпали искры; кругом суетились, посвѣчивая мѣдными шлемами, пожарные; проносились во весь опор, гремя и звеня, бочки с водой, а из-за зданій Министерств вставало и крутилось море огня.

20 марта. Сегодня газеты насчитывают 12 жертв вчерашняго пожара, но пока не разыскано еще много приказчиков сгорѣвших складов—Ключкова и «Проводник». Пожар длился всю ночь; дежурная часть тушила его еще утром. Вчера и сегодня в пожарном отношеніи какіе-то фатальные дни; иду нынче по улицѣ Гоголя и вижу, что в домѣ на углу Гороховой выбиты во втором этажѣ стекла; читаю закопченную и скорчившуюся с одного края вывѣску: «редакція газеты Знамя». Вчера оказывается всыхнул в ней пожар и уничтожил ее, хотя к сожалѣнію, кажется, только отчасти.

Иду дальше — в Кирпичном переулкѣ пожарные и толпы людей: горит гдѣ-то во дворѣ. Сѣл в омнибус, ѿду по Невскому — у Аничковаго моста встрѣчу летѣвшую на новый пожар команду; лошади, видимо, не были еще отпряженны с вечера и носили слѣды мыла; люди выглядѣли утомленны-

ми — приходилось поспѣвать с пожара на пожар, не отъехая.

Что это, однако, за праздники Краснаго Пѣтуха настали?? Куда бы ни шел — вездѣ слышишь трубные сигналы пожарных и видишь их мчашимися по улицам во весь опор?

21 марта. Упорно повторяют, будто Гершуни и др. повѣшены, между тѣм из достовѣрных источников знаю, что они помилованы. Висѣлица замѣнена Гершуни пожизненным одиночным заключенiem... чорт возьми, висѣлица много гуманнѣе! На судѣ, говорят, разыгрался инцидент, произведшій сильнѣйшее впечатлѣніе. Защитник одного из обвиненных, офицера Григорьева, — Мусин-Пушкин построил свою защиту на громоносном обвиненіи Гершуни. «Эти люди», говорил он, указывая на Гершуни, «отбирают у таких, как Григорьев, портреты и разныя письменныя свидѣтельства, чтобы они не могли уйти от них и, пожав лавры себѣ, заставляют потом итти на смерть»... и т. д., и т. д.

Когда он кончил, поднялся Гершунин спокойно, но выразительно сказал слѣдующее: «Исторія не сохранила нам ни того, что говорили судьи, приговорившіе Гуса к сожженію, ни кто они были. Но в памяти людей осталась та старуха, которая принесла «свое» полѣно на костер его. Исторія запомнит и вас, г. адвокат, и ваш грязный камень, брошенный вами в человѣка, стоящаго в саванѣ и с веревкой на шей!».

Всѣ были точно придавлены к землѣ этими словами.

Утром сегодня получил письмо от Н. А Рубакина, гдѣ он пишет, что выѣзжает завтра заграницу, хотя «надѣется что не навсегда» и прощается со мною.

31 Марта. Со всѣх сторон сообщают, что погиб броненосец «Петропавловск» с экипажем и адмиралом Макаровым; по одним версіям он взорван японцами, по другим напоролся на собственные мины. Переполох сильный, одно за другим гибнут наши лучшія суда!

Неожиданно утром сегодня разыгралась снѣжная метель и обсохшія было улицы опять покрылись грязью; дни стоят теплые, сѣрые; Нева вот-вот готова вскрыться, по Фонтанкѣ уже недѣли двѣ как бѣгают финляндскіе пароходики, похожіе на крыс шмыгающих под мосты.

1 апрѣля. Во многих церквях идут панихиды: слух к несчастію оказался вѣрным, погиб Макаров и почти весь экипаж броненосца «Петропавловск»; Яковлев и великий князь Кирилл ранены, но спасены. На дворѣ сильнейшая метель; день словно зимній, ненастный и, несмотря на это, на углах тѣснятся цѣлые толпы людей и пробѣгают глазами вывѣшенныя извѣстія с Дальн资料的东区。 Впечатлѣніе страшное.

Полиція сегодня утром отбирала у всѣх газетчиков №№ «Петербургскаго Листка» и каких-то еще газет; сопротивлявшихся тащили в участок; в газетную экспедицію почтамта полиція явилась тоже и конфисковала всѣ названные №№. Тѣм не менѣе, я раздобыл «Петербургскій Листок» и успѣл наскоро пробѣгать его; особенного ничего не замѣтил; в отдѣлѣ происшествій наткнулся только на замѣтку о том, что этой ночью в Сѣверной гостиницѣ произошел сильный взрыв, исковеркавший много номеров, полы и потолки; в одной из комнат найдены куски человѣческаго тѣла, разорванного бомбой. Что это за бомба, и кто был владѣтелем ея — загадка; по всей вѣроятности здѣсь кроется

что-либо анархическое, сыщики зачуяли слѣды и потому поспѣшили всякія свѣдѣнія о происшедшем изъять.

В два часа дня на улицах снова продавали «Петербургскій Листок»; купил № — на мѣстѣ замѣтки о взрывѣ бѣлая полоса. Замѣтку выкинули, и газету отпечатали снова.

З а прѣля. Смутно поговариваютъ о происшествіи въ Сѣверной гостиницѣ; будто бы въ скором времени предстояло открытие памятника Александру III на площади передъ этой гостиницей — конечно въ Высочайшемъ присутствіи; анархисты заняли №, выходившій окнами на площадь, и подготовили бомбы для покушенія, кончившагося для нихъ неожиданной катастрофой. Что-жъ, не однимъ Порт-Артурцамъ нарываться на собственные мины!

Ходилъ смотрѣть на гостиницу; семь оконъ во второмъ этажѣ (считая сверху) изуродованы, опалены; стекла и рамы выбиты; внутрь помѣщенія никто не допускается. Жандармы уже на слѣду и дѣятельно разыскиваютъ участниковъ; въ почтамтѣ поступила секретная бумага о задержаніи и доставленіи въ полицію всякой корреспонденціи и посылокъ, могущихъ притти на фамилію нѣкоего Раевскаго и еще какихъ-то лицъ.

Въ средѣ самой полиціи расколъ. Достовѣрно знаю, что Лопухинъ, нынѣшній директоръ департамента ея, рветъ и мечетъ и открыто высказываетъ свое неудовольствіе на произволъ и порядки, которые при его поступлѣніи обѣщалъ устранить Плеве и которыхъ, «заманивъ» Лопухина, конечно, не передѣжалъ.

Анненскій, казначей Литературнаго Фонда, высланъ на нѣсколько лѣтъ въ Ревель... за «образ мыслей», вѣроятно, т. к. никакихъ иныхъ прегрѣшеній за нимъ не оказалось. Старались изо всѣхъ силъ убѣ-

дить его, что он произносил «неудобныя» рѣчи на могилѣ Михайловскаго, но это не выгорѣло, т. к. он не открывал даже рта, что и подтвердили свидѣтели — Короленко и др. Плеве дѣятельно взялся за чистку Петербурга, только, ой, не напороться бы и ему на собственную мину! Анненскіе и ему подобные люди языка, но не дѣйствій, а «чистка» может пробудить и боевые элементы!

Слышал, будто Плеве заявил, что высылать болѣе в срединную Россію он никого не будет — «довольно разносить вездѣ крамолу» — а будет отправлять в Балтійскія провинціи. Это остроумно. Дѣйствительно, балтійскія губерніи — это дейтчланд и до руссланд им нѣт рѣшительно никакого дѣла; сосланный туда пропагандист на полной свободѣ будет чувствовать себя со связанными руками. Анненскій, кажется, первый открывает компанію в новые обѣдованныя земли!

Командующим флотом на Дальній Восток назначен Скрыдлов; перебили горшки, а потом и посылают человѣка беречь их! Кирилл оказывается жив и здоров... вода не приняла! Забыл упомянуть, что Анненскаго выслали столь поспѣшно, что не позволили даже зайхать домой и сдать ключи от денежного ящика, в котором 60.000 руб. О-ва. Это уже потѣха! Добродушный Анненскій показался таким страшным, что вывезти его потребовалось экстренно... слѣдовало бы потребовать для этого к Литейному мосту свободный броненосец и на сем надежном сосудѣ доставить столь опаснаго человѣка в Ревель!

5 апрѣля. Нарочно заглянул сегодня за грязный забор, украшающій Знаменскую площадь:

пустырь продолжает красоваться во всей неприкосновенности, с грудами мусора, деревянным колпаком над цоколем будущего памятника, словом, запустынное полное и, очевидно, ни о каком «близком» открытии не может быть и речи. Стало быть, и толки о цели снятия комнаты в Северной гостинице анархистами — вымысел.

По городу циркулируют еще и другие слухи между прочим говорят, что бомба эта предназначалась для Плева на панихида по Сипягину; другие уверяют, что для взрыва при спуске новых броненосцев, стоящихся на эллингах и будто бы даже в Неве найдено вчера несколько мин для самых судов; последний вадор повторяют усиленно; о взрыве в гостинице знает и говорит весь город. Вот результат «экстренной» и умной мысли — конфискации газеты; выйди она с этой замяткой, и никто не обратил бы на нее внимания — мало ли за день происходит несчастных случаев!

15 апреля. Врем напропалую; что ни дом то новые слухи! И Куропаткин ранен великим князем Борисом (по другим свидетельствам отравлен), Вильгельм продал нам пять крейсеров, за что мы даем ему уступки в таможенном тарифе, т.е. закабаляем еще лёт на десять и. т. д., и т. д. без конца.

Завтра приезжают моряки с «Варяга» и «Корейда»; приготовляются грандиозные манифестации.

С Дальнего Востока возвращается Кирилл Владимирович; повоевал, довольно с него! Второе чадо, Бориса, говорят, тоже скоро уберут оттуда: выделяет там, чорт знает что.

16 апреля. В девять часов утра пошел по направлению к Николаевскому вокзалу с дочерью;

по Суворовскому, Лиговкѣ, со всѣх сторон спѣшили туда же вереницы людей. Близко подойти к Невскому оказалось невозможным; вошел в церковь Знаменія и за мзду сторож проводил меня на колокольню, откуда открывался прекрасный вид. Не только чугунная ограда — деревья вокруг церкви, фонарные столбы — все сплошь чернѣло народом. День был сѣрий, холодный; вдоль панелей Невскаго, по которому всякое движение прекратили с 8 ч. утра, тянулись красные, синіе и малиновые ряды спѣшнных казачьих полков. Толпа внизу все прибывала и прибывала; устье Знаменской улицы запрудилось совершенно.

На извозчичьих пролетках, случайно оказавшихся там, и двух ломовых подводах с ящиками из-под пива, на сидѣньях, на козлах и на ящиках стояли дамы и дѣти; двое каких-то субъектов взобрались даже верхом на лошадей; балконы и окна вездѣ были открыты, отовсюду выставлялись люди и без конца люди; лѣпились они и на карнизах и на нижних вывѣсках.

Толпа снизу все выпирала и выпирала казачьи шпалеры ближе к серединѣ Невскаго. Правая сторона вскорѣ очутилась у самых рельс; тогда казаки оборотились и пошли в атаку, отпихивая и лупя, без церемоніи, кого попало, руками; не на долго осадить народ удалось, затѣм толпа с гулом надвинулась снова; тѣ опять атаковали ее, и через минуту малиновые мундиры и косматыя черныя папахи разбились на кучки и затерялись, как бурьян в полѣ. На выручку прискакала конная полиція и стала оттеснять толпу лошадьми; раздались крики, виаг, мѣстами замелькали кулаки; толпа шарахнулась назад, и казаки выровнялись снова; со всѣх сторон поднялся свист и кошачій концерт. Видѣл

Несколько сорванных и брошенных прочь в толпу шапок, казачьих папах и двѣ галоши. Сверху я замѣтил, что казачій полковник горячо заговорил о чём-то с распоряжавшимся вызовом беспорядков приставом и затѣм скомандовал казакам итти вперед. Тѣ отошли почти до рельс, толпа вздохнула свободнѣе, и неурядица прекратилась. Гул на Невском стоял, как над морем. Общее вниманіе привлекали собаки, то и дѣло бѣжавшія на рысях к вокзалу: наконец около половины одиннадцатаго начали уѣзжать с вокзала встрѣчавшіе; когда проѣзжали в коляскѣ двое каких-то моряков, обознавшаяся толпа встрѣтила их недружным, сейчас же прекратившимся «ура», и развеселилась; проѣзжавшей затѣм собакѣ тоже прокричало с десяток глотовок «ура»; это вызвало общій смѣх. Немного по-года со стороны вокзала донесся стихійный рев тысяч голосов; весь Невскій загудѣл от криков; в воздухѣ замелькали шапки, платки, флаги, показался оркестр морских музыкантов; за ними, блестя золотом эполет, шел Руднев, Бѣляев и офицеры; немного поодаль, всѣ с георгіевскими крестиками на груди, наплывали сине-чёрные ряды матросов с «Варяга» и «Корейца».

Напором толпы шпалеры казаков были снесены с мѣст и очутились вплотную с рядами моряков; позади них шел и играл другой оркестр.

Фуллон был настолько наивен, что печатно заявил вчера во всѣх газетах, что «публика слѣдовать за моряками допущена не будет». Но не успѣл еще второй оркестр миновать угла Знаменской, как линіи казаков разом исчезли и чёрное, сплошное море людей захлестнуло и площадь и Невскій проспект. Кое-гдѣ, гдѣ кучками, гдѣ в одиночку, пестрѣли мундиры, и поток понес

их и полицію как в тисках по теченію. Авось это научит кое-чему г. Фуллона и присных его! Такого многолюдства я не запомню в Петербургѣ: даже «юбилейная» толпа является бездѣлицей сравнительно с этой! Только что скрылся оркестр, напротив Знаменъя какая-то кучка запѣла было, и при том прескверно, «Боже царя храни», но ее затискали, не поддержали, гимн оборвался и стих в общем гулѣ и гомонѣ. Стал накрапывать дождь. Часа два послѣ встрѣчи на всѣх перекрестках Невскаго и на мостах, творилось нѣчто невообразимое. Я поѣхал на извозчикѣ в обѣзвод по ул. Жуковскаго и Литейной в Щербаков переулок и на углу Невскаго должен был стоять среди моря экипажей и сплошной массы людей ровно двадцать минут.

23 апрѣля. Сильный дождь со снѣгом; погода все время стоит отвратительная.

Только что успокоился было Петербург, и опять начали раздаваться черезчур самоувѣренные голоса — разнеслась вѣсть о боѣ на Ялу. Мы потеряли 30 орудій, свыше 2.000 людей и спѣшно отступили. Новость эта вызвала чуть не панику; телеграммы опять раскупались нарасхват; вездѣ только и разговоров, что о войнѣ, о взятых японцами в плѣн 20 офицерах и 2000 солдатах, пушках, генералѣ Засуличѣ, виновникѣ этого боя и т. т. Дѣйствительно воюют макаки с кое-какими, мѣткое словечко пустил в оборот старик Драгомиров!

Недовольство постепенно растет и растет кругом. Страшно возмущены многіе, напр., назначеніем завѣдомаго вора - взяточника, бывшаго Кронштадтскаго поліцеймейстера, уполномоченным Краснаго Креста. Говорят, назначеніе это он получил,

благодаря императрицѣ Марії Феодоровнѣ, пред которой вѣроятно когда-то сумѣл блеснуть распорядительностью.

Бумаги сильно опять упали в цѣнѣ. Купцы и всѣ дѣловые люди жалуются на застой: особенно это замѣтно на книжном рынке. Ходко идут только книги о Японіи и Корѣѣ, остальные не двигаются. Издательства почти совершенно простояли дѣятельность; нѣкоторыя приказали даже разобрать начатые наборы новых книг.

27 а прѣля. Рассказывают, что виновником покушенія на взрыв громаднаго Кронштадтскаго склада пироксилина, о котором на-днях сообщали газеты, оказался какой-то артиллерійскій штабс-капитан; когда он был арестован и увидел, что улики всѣ налицо, то нагло заявил: «что-ж, у меня сорвалось, зато брат отправил «Петропавловск» на дно!» Брат его служил на этом погибшем броненосцѣ артиллеристом же, или минным офицером; невѣроятно, но... в наше время все может быть! Гибель «Петропавловска» дѣйствительно подозрительна во всѣх отношеніях; изъ показаній очевидцев как бы выходит, что первый взрыв произошел на кораблѣ; гдѣ правда — узнается, конечно, не скоро. Общія насмѣшки вызвал Кирилл, спѣшно бросившійся в воду чтобы спасти свою драгоценную жизнь, при первом же взрывѣ; в недурном положеніи оказался бы этот «герой», если бы броненосец уцѣлѣл, и его струсившее высочество пришлось бы вылавливать потом из воды. Пріѣзд его в Петербург прошел незамѣтно, и только кучка гвардейских прихлебателей встрѣтила его «ура» на вокзалѣ. Вѣроятно в числѣ кричавших «ура» в его честь были и Юба и Донон и Тумпаков с компаніей. Не даром прокатилась острота по городу, что:

«как же было утонуть Кириллу в морѣ, когда он воспитаніе получил... в Акваріумѣ!»

С Дальніаго Востока вѣсти не первосортныя: Порт-Артур отрѣзан и изолирован; разбитый на Ялу Засулич подсчитывает свои потери, равняющіяся чуть не 30 проц. всего состава отряда. У Засуличей очевидно родовое неумѣніе вести дѣла: сестра его, Вѣра, стрѣляла в свое время в полицеемайстера Трепова — и не попала; этот цѣлил в Георгіевскій крест, а попал в себя самого!

28 апрѣля. В началѣ двѣнадцатаго часа проѣзжал днем на Финляндском пароходицѣ по Невѣ к Финляндскому вокзалу и видѣл красивое зрѣлище. Начиная от дворца, вдоль набережной вплоть до Лѣтніаго сада стояли линіи конных гвардейских полков; хоры играли «Боже царя храни», а государь ѿхал в темном мундирѣ с синей лентой через плечо, около коляски императрицы, запряженной цугом, с голубыми жокеями. за коляской пестрѣли разнородные мундиры свиты и генералов. Полки послѣ обычнаго «здравія желаем», начинали кричать «ура», но очень уж по-казенному, так что впечатлѣніе от этого «восторга» совсѣм неважное. Публика, конечно, ни пѣшая, ни экипажная, на набережную допускаема не была, и царскій кортеж медленно подвигался мимо рядов солдат по казавшейся пустынной набережной. Зато из окон домов, на балконах — всюду выставлялись головы.

29 апрѣля. Все, сколько-нибудь остроумное, сказанное, или якобы сказанное в высших сферах, приписывают у нас Драгомирову. Так передают, что когда вел. князь Владимиr Александрович разгорѣлся желаніем ѿхать на войну, и государь, поставленный им в неловкое положеніе, сообщил об этом совѣту, то Драгомиров среди общаго

краснорѣчиваго молчанія заявил: «я боюсь одного, Ваше Величество, японцы народ воспитанный и, пожалуй, никогда не покажут спины Его Высочеству?»

Газетъ «Русь» за статью Амфитеатрова о студентах объявлено предостереженіе и воспрещена розничная продажа; Амфитеатров скоро сдѣлается специалистом по части приканчиванья газет. Как только гдѣ-нибудь пойдут дѣла плохо — будут приглашать Амфитеатрова на гастроли: докончи мол, отец родной!

Со студентами, как с биржей, «тихо». Идут безпорядки только у горняков; они повѣсили у себя в курилкѣ портреты яраго руссо-ненавистника Бебеля. Коновалов, директор, узнав об этом, пришел в курилку и велѣл убрать нѣмца; в ответ на это ему заявили, что он, директор, не имѣет права... входить в курилку и — распоряжаться портретом. Коновалов разгорячился, обругался, потом извинился, потом опять обругался, словом, разыгралась глупѣйшая исторія; шумят и высшіе женскіе курсы, продолжая пережевывать старую исторію об адресѣ.

5 мая. Забродила по городу новая ахинея: будто бы арестован в Порт-Артурѣ контр-адмирал князь Ухтомскій, и его везут сюда, как устроителя варвы на «Петропавловскѣ». По части вранья, и притом художественнаго, Петербург всякому Царево-кокшайску сто очков вперед даст!

9 мая. Бхал сегодня утром в так называемой трясучкѣ, — омнибусѣ, ходящем вдоль Невскаго, и вдруг, вижу, влѣзает в нее и становится на площадкѣ странник Василій; опять он был, конечно, без шапки и босоногий, в одном темносинем подряснике; всѣ глядѣли на него с любопытством.

Рѣденъкіе длинные волосы на головѣ его намокли; в руки он держал знаменитый жезл свой с крестиком наверху и огромным острым желѣзным копьем внизу — одним из тѣх, что ставятся на желѣзных оградах, только еще больше и шире. Карманы этого святого мужа отдувались от брошюр, собственных его жизнеописаній; он их раздает желающим, а если ему дают за это деньги, то тотчас же опускает их в какую-то кружку, хранящуюся за паузкой. Не так давно он судился у мирового за скандал и драку: швейцар в Казанском соборѣ не впускал его с жезлом, а тот обидѣлся и заявил: «Мнѣ император Александр III разрѣшил всюдуходить с этим посохом, а ты не пускаешь?» взял швейцара за ворот. Произошла потасовка, и порядком помятаго святителя еще и оштрафовали.

15 Мая. В газетах часто стали проскальзывать замѣтки, восхваляющія почт-директора Чаплина и приписывающія ему всѣ улучшенія послѣдняго времени. Всѣ эти газетные диѳирамбы — вздор: за Почтамт взялась энергичная рука товарища ministra Дурново и все дѣлается по его иниціативѣ. Чаплин держится Дурново в черном тѣлѣ и ни во что серьезное не вмѣшиваются. Единственное что сдѣлано по инициативѣ Чаплина — допущеніе женщин на службу в Почтамт, да куплены новые, желтые экипажи для перевозки почт. Впрочем, есть еще одно: обстриг хвосты и гривы почтамтским лопадям; по этому поводу острят, что он и с лошадей щетинку снял.

В почтамтѣ Дурново зовут каторжником и живорѣзом за его безмѣрно рѣзкое, наглое и ветерпимое обращеніе с этими и без того загнанными маленькими людьми. Чуть случится что — первая фраза Дурново — «выгнать»! И говорится это

отрывистым жестким тоном; весь он — маленький и худой — с тяжелым взглядом темных глаз производит злое, отталкивающее впечатление...

Прошлое этого человѣка не без пикантности и потому запишу о нем нѣсколько слов.

В царствованіе Александра III он был директором департамента полиціи и находился в связи с женой одного из своих приставов. Барыня эта — очень красивая — вела себя вѣтренно и Дурново заподозрил ее в невѣрности. Не долго раздумывая, призвал он к себѣ околодочного надзирателя того участка, гдѣ жила приставша и дал ему секретное порученіе (под угрозой чуть ли не Сибири в случаѣ болтовни) — слѣдить за ней. Прошло нѣсколько дней — околодочный явился к Дурново и сообщил, что барыня эта с каким-то господином заѣхали в гостиницу и заняли там отдѣльный № —. Дурново приказал полицейскому немедленно взять городовых, и скакать с ними в гостиницу, арестовать барыню с господином, составить об этом протокол; если же не отворят двери — он приказал послѣднія выломать.

Околодочный явился в гостиницу и стал требовать впуска в №; конечно, его не впустили; городовые сломали дверь и глазам кучи людей, собравшихся на шум, предстали в дезабилье приставша и с нею... португальскій посланник.

Скандал вышел грандіозный. Португалец немедленно поскакал требовать удовлетворенія к министру иностранных дѣл и исторія разгорѣлась. Доложили императору и тот, разсердившись, приказал Дурново «выгнать к черту». Тогда обратили внимание его, что чиновник этот весьма дѣльный,

давно служит и стали просить смилостиивиться над ним.

— Назначить дурака в Сенат! положил наконец революцію Александр III — «но с тѣм чтоб и нога его никогда там не была!» Злобного старика заставили извиниться перед послом и махнули его на бумагѣ в сенаторы. Долго сидѣл у моря в ожиданіи погоды Дурново и наконец дождался: всплыл Сипягин, всплыл и он за ним и получил в полное распоряженіе свое всю почтовую часть Российской Имперіи.

20 мая. Разнесся слух, что министр иностранных дѣл Ламздорф получил плюху «за измѣну» от какого-то высокопоставленного лица, не то Долгорукаго, не то Аргутинскаго-Долгорукаго. Вообще за послѣдне время толки усиленно стали налагать на измѣну: измѣнил и подкуплен, якобы Ухтомскій (за 12 миллионов), Алексѣев, Ламздорф и даже Куропаткин; словом, плетется обычная дредебень, всегда сопровождающая военные неудачи.

21 мая. Ламздорф дѣйствительно отколочен. Он проходил по Морской мимо ресторана, и в эту минуту оттуда выскочил субъект с палкой и начал тузить его с криком «измѣнник». Ламздорф бѣжал, а палочный герой (Долгоруков) был схвачен дворниками и доставлен в Казанскую часть (там сыскное отдѣленіе); государь, которому немедленно доложили о произошедшем, лично назначил комиссию психиатров для определенія состоянія мозгов патріота, и десять умных, как говорит пословица, ежедневно путешествуют расхлебывать кашу одного Долгорукаго. Начинают уже поговаривать об отставкѣ Ламздорфа; сомнѣваюсь: у нас за битаго двух небитых дают! Недаром клоун Дуров лѣт с десяток тому назад в Москвѣ отмочил слѣдующую

штуку: в университетѣ разыгралась исторія с ректором; один из студентов, по жребію, дал ему плюху в публичном мѣстѣ; студента мгновенно забрали и услали куда-то, а ректору дали орден. Только получил он этот орден — кажется звѣзду — в циркѣ выходит на арену Дуров и тащит за руку другого клоуна — рыжаго.

— Давай, — говорит, — играть с тобой!

— Как?

— А вот как: ты будешь студент, а я буду твоё начальство!

— Студе-ент? — рыжій дѣлает свирѣпую рожу и начинает сучить кулаки. — Ты начальство?..

Дуров пятится от него, пятится, наконец получает затрещину и летит на песок. Потом медленно встает, отряхивается, лѣзет в карман, доходящій до пяток, выволакивает оттуда огромную сусальную звѣзду, нальпляет ее себѣ на бок и, горделиво выпятив пузо, обходит с геройским видом арену. Смѣх, конечно, был неистовый, а раба Божія Дурова тут же, с мѣста в карьер, выслали из Москвы.

То же, что с этим ректором, будет вѣроятно и с Ламздорфом!

1 іюня. Дачныя мѣстности заселяются по-обычному. В свое время я не записал, так как считал это вздорным слухом, которых и так записано достаточно, — происшествіе в Павловском военном училищѣ. На-днях видѣл нѣскольких знакомых юнкеров, и они подтвердили его. Этой зимой кто-то из юнкеров — оставшійся не открытым, — ночью изрѣзкал ножом огромные царскіе портреты в сборной залѣ. До лицъ нѣкоторых, напр. Николая Павловича, икс этот достать не мог и потому искромсал портреты от плеч до рамы. Скандал получил-

ся сугубый и, как ни желал замять его начальник училища, в дѣло ввязались жандармы, но открыть ничего не открыли. Как предполагают, одной из причин, могших вызвать такую выходку, было то, что из-за отказа в кредитѣ на будущій год для сверхкомплектных юнкеров (а таковых в П. уч. довольно много, чуть ли не 60 чел.) рѣшено было «срѣзать» на экзаменѣ 60 чел. и оставить их на 1 курсѣ на второй год и таким «простым» образом сразу поставить училище в норму. Иногда не все простое, оказывается, так просто!

4 іюня. Смертельно ранен в Гельсингфорсѣ генерал-губернатор Бобриков, и это событие на нѣсколько времени отодвинуло интересы войны на задній план. Всюду только и толков, что о покушеніи на него, но при этом почти неизмѣнно прибавляют: «этого и нужно было ожидать». Общественное мнѣніе не на сторонѣ Бобрикова; огромное большинство ругает его и называет грубым и рѣзким человѣком.

15 іюня. «Биржевые Вѣдомости» вечером вышли с замаранной полосой, заключавшей сообщеніе, что в послѣднем бою под Порт-Артуром броненосец «Севастополь» получил удар миной и, чтобы не потонуть, выбросился на камни, а крейсер «Діана» получил тяжкія поврежденія. Извѣстіе это, тѣм не менѣе, распространилось по городу, но особаго впечатлѣнія не произвело: слишком уж привыкли мы читать каждый день: «японцы нас обошли и мы отступили»... «под натиском значительных сил противника мы отошли» и т. д.

4 іюля. Сильнѣйший вѣтер со взморья, минутами кажется, что вот-вот разразится ураган как в Москвѣ и начнет рвать трубы и крыши. Было нѣсколько пушечных выстрѣлов.

Вчера газеты принесли грустную весть — умер А. П. Чехов.

Трудно жить в Петербургѣ лѣтом, в знойные дни, а еще хуже того в тихіе вечера послѣ них: дышать нечѣм; на улицах висит сизоватая пелена каких-то промозглых испареній, начинает пахнуть даже на лучших улицах гнилью, навозом.

Старый Петербург все уничтожается и уничтожается... Нѣт ни одной улицы почти, гдѣ бы старые двух и даже трех этажные дома не ломались; теперь на их мѣстѣ возводятся новые кирпичныя же громады... Удивительно много построек в этом сезонѣ несмотря на тяжелое, военное время.

А на войнѣ все что-то неладно. Что ни телеграмма оттуда, то «бой длился упорно, но затѣм было замѣчено обходное движение японцев и мы отступили в полном порядкѣ», — послѣдняя фраза сдѣлалась стереотипом. Мы так насобачились в отступленіях, что иначе, разумѣется, производить их и не можем!

15 iюля. В половинѣ одиннадцатаго утра узнал, что убит Плеве. Ваял извозчика и сейчас же поскакал к мѣсту происшествія — к Варшавской гостиницѣ. По Измайловскому проспекту шли и бѣжали туда же люди; меня обогнала карета Краснаго Креста. Бѣхать к вокзалу не пропускали; я слѣз с извозчика и вмѣшался в толпу, сплошь запруживавшую панели с обѣих сторон. Вездѣ сновала пѣшая и конная полиція. На серединѣ мостовой против подъѣзда гостиницы валялись разметанные осколки кареты, изорванныя в клочья подушки сидѣнья и окровавленная шапка; их еще не убирали; на камнях алѣло нѣсколько пятен крови. Огромный многоэтажный дом, гдѣ помѣщается гостиница, стоял без стекол; в зданіях, что напротив и рядом,

стекла выбиты тоже. В толпѣ было нѣсколько очевидцев взрыва; швейцар противоположного дома рассказал мнѣ слѣдующее. У подъѣзда гостиницы торчали двое каких-то господ, один из них высокій, полныій, и разговаривали, видимо поджидая кого-то. Только что поровнялась с ними карета, в которой вхал на вокзал Плеве — один из них кинул бомбу, и грянул оглушительный удар. Карету разнесло вдребезги. Кучера откинуло на мост и его замертво унесли в больницу; лошадей искалѣчило. Министр остался на мѣстѣ в страшно изуродованном видѣ, с сорванной нижней частью лица: на него было страшно смотрѣть. На тѣло накинули шинель.

Кидавшіе бомбу были ранены: один упал, другой с окровавленной шеей стоял, держась за чугунный столб навѣса подъѣзда и шатался. Кроме них, говорят, пострадало до 16 человѣк прохожих и находившихся в сосѣдних домах; у одного из возчика лошади перебило ногу.

Фасад Варшавскаго вокзала, глядящій на мост, стоит без стекол. Доски и клочья от кареты и платьев валялись и на противоположной сторонѣ улицы: под ноги мнѣ попал кусок дверцы с никелированной ручкой. Карета Краснаго Креста стояла у гостиницы; в нее внесли одного из раненых виновников взрыва, против него и по бокам усѣлись два полицейских офицера, и карета помчалась назад; впереди нея и по бокам густой стѣной скакала конная полиція, и разсмотрѣть сидѣвшаго я не успѣл.

Толковали, будто устоявшій на ногах сам заявил, чтобы его арестовали и притом «скорѣе».

В публикѣ волненія и возбужденных толков не замѣчалось: болѣе было любопытства.

Дождался-таки Плеве своего часа!

Кстати сказать — полиція на мѣстѣ катастрофы была любезна до сверхъестественности.

19 іюля. Собирая справки по бібліографическому вопросу, зашел сегодня к известному Николаю Петровичу Полякову — человѣку, истратившему в семидесятых годах цѣлое состояніе на изданіе книг, из которых многія были уничтожены цензурой, не увидав свѣта.

Типичный, похожій на Влад. Соловьева, старик, с длинною сѣдою бородою и еще черными, густыми клокастыми бровями — принял меня, лежа в постели, с которой не сходит уже седьмой мѣсяц. Разговорились мы, и он пораассказал много интереснаго; так как он не ведет дневника, то записываю все в этой своей «лѣтописи».

Когда еще Александр III был наслѣдником, Поляков обратился к нему с письмом (отвез его сам во дворец и передал адъютанту), в котором просил защиты. У Полякова пожгли уйму изданій, и на 65 тысяч рублей заставили понести убытка; кроме того, его предали суду за выпуск одной книги, воспользовавшись законом, вышедшим позже этого изданія. В письмѣ к наслѣднику, написанному вообще рѣзко, была между прочим такая фраза: «говорят, что Вы человѣк справедливый, докажите же это на дѣлѣ»; главное, на что упирал Поляков — юрист сам — что суду его предавать не смѣли, так как закон обратной силы не имѣет.

Письмо возымѣло дѣйствіе. Под предсѣдательством наслѣдника состоялось три тайных засѣданія комитета министров, и Поляков был освобожден от суда, причем из сумм Министерства Внутренних Дѣл ему вернули 10% потерпѣвшего. Письмо же его наслѣдник помѣтил в рѣзких мѣстах синим карандашом и велѣл передать Полякову, что хотя письмо

написано смѣло, но оно ему понравилось, так как так мог писать лишь невинный и честный человѣк, и что он его не забудет. И в год смерти императора Александра II — Полякову довелось доказать, что он составил о нем правильное мнѣніе.

Министр Вышнеградскій — скупой человѣк — перѣѣзжая с квартиры по уходѣ с министерского поста, поручил дочери всѣ ненужные бумаги выбросить и продать вмѣстѣ с прочим хламом. Та исполнила это, но по незнанію, или по ошибкѣ, очистила и шкаф, гдѣ хранились секретныя дѣла и тоже выбросила их в мусор.

В один прекрасный день к Полякову — а он любитель книг и извѣстен всѣм букинистам, — является один из таковых и говорит:

— Вот, Николай Петрович, какое дѣло! Купило нас трое Александровских (с «развала») старую бумагу у Вышнеградскаго, да такія вещи там отыскали, что не знаем как и быть нам!

— Что такое?

— Дѣла секретныя: сто пятнадцать штук!

— Привезите нѣсколько штук, — отвѣчает Поляков, — взгляну, что такое!

Тот отправился назад и привез кипу. Николай Петрович поглядѣл и ахнул. Забыл про больное горло, закутался и поскакал в дебри Александровскаго рынка. Дѣло было нешуточное; торговцы видѣли это сами и трусили. Заставили они Николая Петровича поклясться перед образом, что им худа не будет, и отдали ему всѣ 115 дѣл за 250 рублей.

Привез он их домой и давай пересматривать. Дѣла были все серьезныя и секретнѣйшія: напр: о тайной покупкѣ с политическими цѣлями желѣзных дорог в Сербіи, доклады военного министра о пол-

ной неготовности Россіи к войнѣ, с подробными донесеніями о всѣх слабых сторонах крѣпостей, о мѣрах обороны, об устройствѣ портов, между прочим разработанный проект ревельского, который хотѣли тогда превратить в военный, (сдѣлали это по-том с Либавой), стоимость чего вычислили в 75 миллионов и т. д. Много дѣл держалось в секрѣтѣ даже от министров и имѣло надписи: «показать только военному министру», «только министру иностранных дѣл и т. д.» с цѣлыми уймами помѣток и собственноручных бумаг государя.

В руках у Полякова был клад: отвези он его заграницу — там дали бы за него сотни тысяч рублей. Но Поляков прежде всего русскій человѣк. Он рѣшил вернуть дѣла. Но как сдѣлать это? Началось бы слѣдствіе, и прежде всего поплотились бы ни в чём неповинные старьевщики. Думал он, думал, затѣм отыскал ход к великому князю Михаилу Николаевичу — через фрейлину, и тот отвѣтил, что он возьмется только доложить государю, но что дѣло это настолько казусное, что за по-слѣдствія, могущія обрушиться на Полякова, он ручаться не может. Надо было искать другое лицо.

Наконец все уладить взялся великий князь Александр Михайлович; дѣла были размѣщены тайно от государя по министерствам. За ними к Полякову пріѣзжал великокняжескій адъютант и увез их. Александр Михайлович настаивал на умолчаніи о его участіи, так как Александр III не терпѣл, чтобы великие князья мѣшались в дѣла.

Спустя нѣсколько дней Полякова вызывает к себѣ Дурново, благодарит и обѣщает доложить го-сударю о такой выдающейся заслугѣ с его сторо-

ны; вмѣстѣ с тѣм с него берут подпиську о молчаніи о происшедшем и о содержаніи дѣл. Затѣм Дурново стал разспрашивать, как попали они к нему; Поляков рассказал, что он купил их случайно, так как подобное важное происшествіе не могло пройти без разслѣдовавія, сам стал просить о назначеніи слѣдствія. Но так как Вышнеградскій, чтобы выгородить себя, ни минуты не задумался бы сказать, что дѣла эти у него украли — Поляков выразил желаніе, чтобы к допросу вызвали прислугу Вышнеградскаго, без всякаго извѣщенія послѣдняго — зачѣм и почему.

Так и сдѣлали. Под присягой люди показали, что дѣйствительно в зал была повыкидана груда бумаги, и все было продано торговцам.

Прошло нѣсколько мѣсяцев — о докладѣ государю ни слуха ни духа.

Идет раз Поляков по Морской и видит, Ѳдет его родственник — извѣстный Оттон Борисович Рихтер; карета остановилась, Рихтер забрал его к себѣ и говорит горячо:

— А вѣдь доклада о вас государю этот сукин сын Дурново до сих пор не сдѣлал, и знаете почему?

— Почему?

— Взятку ему отвалил Вышнеградскій. Как узнал, что за исторія и чѣм пахнет она, — поскакал к нему и отвалил. (Дурново был крѣпко слаб на лапу).

Пріѣхали они в Комиссію прошеній, гдѣ служил Рихтер, и продолжали там разговор.

— Ну да, я ж ему удружу! — закончил наконец послѣдній: — я сам доложу государю.

Так и сдѣлал.

Александр III был поражен. Полякову была выражена высочайшая благодарность — негласная конечно — и прислан подарок в 1000 р. А у Дурново на вопрос, почему он не доложил в свое время о подобном дѣлѣ, имѣл наглость смиренно отвѣтить, что он докладывал, но Его Величество изволило позабыть, за что удостоился Высочайшаго матюка, на которые был не скуп покойник.

Вот какія дѣла случаются в Питерѣ и таятся в неизвѣстности!

Поляков просил меня сохранить разсказ его пока в тайнѣ и не опубликовывать его, но записать его для будущаго. Желаніе его исполнено.

В общем смерть Плеве только всколыхнула и заинтересовала всѣх — не болѣе. Петербург даже острит, что Николаю II слѣдовало обидѣться: на него не обращают никакого вниманія и, очевидно, считают царствующими его министров (Сипягин, Боголѣбов, Плеве). Зато на него, говорят, впечатлѣніе произведено ужасное. 15-го предполагалось производство юнкеров в офицеры, так по крайней мѣрѣ ждали и говорили юнкера, но ничего подобнаго не произошло; по слухам, у государя сдѣлалась желтуха.

20 іюля. На другой день послѣ убийства Плеве всѣ редакторы періодических изданій были экстренно вызваны в Цензурный Комитет и там им было «поставлено на вид», что о смрти Сипягина говорилось в печати весьма мало и в слишком сдержанном тонѣ, и поэтому в настоящем случаѣ «предлагается им отнести к событию с болѣе горячим участіем и помѣстить «соответственный» статьи. Особенно ядовиты молчанием «Русскія Вѣдомости»!»

30 іюля. В третьем часу дня мнѣ показалось, что стрѣляют пушки; вышел на улицу — вижу дворники суетятся вездѣ у домов и вывѣшивают флаги. Говорят, будто государыня родила наследника.

Вечер. То-то, я думаю, радость во дворцѣ: действительно родился наследник и назван по имени Тишайшаго царя; таков ли он будет! Да и будет ли вообще когда-нибудь на тронѣ?

31 іюля. Вчера вечером была иллюминація; несмотря на лѣтнюю, глухую пору, на улицах сновала оживленная толпа; вѣсть о рожденіи наследника всколыхнула всѣх, не говорю уже о простом народѣ, но даже и либеральные кружки. Общество к этому вопросу относилось слегка иронически, как всегда к людям, у которых рождаются только дѣвочки.

По поводу государя даже острили, что он усиленно «интригует» против брата, наследника, но что толка из этого все не выходит. «Интриги» теперь увѣнчались успѣхом.

4 августа. Был сегодня от 12-й линіи на таможенном пароходѣ — на Гутуевскій; сейчас же за Балтійским судостроительным заводом близ строющагося броненосца «Слава», увидѣл нѣсколько военных шлюпок с матросами, занимавшимися усердными поисками чего-то в рѣкѣ. Обратился к знакомому, постоянно курсирующему в тѣх мѣстах, и он сообщил, что ищут бомбы. В день смерти Плеве нѣкоторый субъект нанял ялик и стал перевозить через Неву; близ броненосца он вдруг начал выбрасывать какіе-то предметы в воду; яличник задержал его, и оказалось, что он вез бомбы — вродѣ той, от которой погиб Плеве. Вот эти-то брошенные бомбы и разыскивают, но безуспѣш-

но, до сих пор. Предполагают, что он хотѣл подгото-
тить вары «Славы», когда ее повели бы на бук-
сиръ, но это конечно вздор, так как такая бомба
хотя и достаточна для гибели всемогущаго мини-
стра, но для броненосца — пустяки.

Исторію с этими бомбами, въроятно брошенными
растерявшимся сообщником убійцы для скрытия
концов в воду, я слышал на другой же день послѣ
смерти Плеве, но счел ее тогда за продукт разыг-
равшейся народной фантазіи.

8 авгуست. Льет дождь, глухо доносятся пу-
шечные выстрѣлы. Нева в этом году начала поша-
ливать необыкновенно рано, лѣто было преотвра-
тительное даже для Петербурга.

27 августа. Виленскій генерал-губернатор
кн. Святополк-Мирскій назначен министром внут-
ренних дѣл. С любопытством ждем — что будет.
Виленцы им были довольны и от одного тамошняго
помѣщика- поляка слышал, что при Мирском у них
были «блаженныя времена»: поляки всюду допус-
кались на равных правах с русскими на службу и
только, остающееся в силѣ запрещеніе полякам
покупать там земли, напоминало прошлое и «Каха-
новскую эпоху». Одно пока достовѣрно извѣстно
про князя, что он очень болѣзnenный человѣк и
старый, несмотря на свои 47 лѣт.

Странное дѣло — публика будто обладает
даром предчувствія: одно время усиленно загово-
рили про гибель и плѣн «Петропавловска» —
через очень небольшой промежуток времени именно
этот броненосец взлетѣл на воздух; затѣм вдруг
стали чорт знает что болтать про адмирала Ухтомс-
каго, дошли даже до такого вздора, что убѣжденno
толковали будто он арестован за измѣну и что
его везут в оковах из Порт-Артура. Прошло нѣс-

ко́лько мѣсяцев и Ухтомскій осрамился в бою, рас-
терял эскадру и неопубликованным приказом от-
рѣшен от командованія, а на его мѣсто назначен
Виренн, бывшій командр, заслужившаго добрую
славу крейсера «Баян».

22 се́нтября. Кто-то пустил по городу в
ход якобы приказ по войскам мікадо:

«1. Кто убьет генерала Куропаткина, — тому
10 миллионов іен.

2. Кто убьет Стесселя тому 5 миллионов.

3. Кто убьет Мищенко... Фока... и т. д., и т. д., —
награды спускается до 100.000 іен».

Затѣм:

«Кто убьет генерала Орлова — того на десять
лѣт в тюрьму.

Кто убьет князя Ухтомскаго — тому смертная
казнь».

20 октября. Общее настроение пессимисти-
ческое. Упорно твердят, будто Куропаткин перешел
в наступление, вслѣдствіе заявленія царя: «пора
переходить в наступление», и вот в результатѣ
новыя неудачи.

Всѣ чают больших благ от новаго министра
Святополк-Мирскаго... не оказался бы он в концѣ
концов Окаянным! Императрица-мать назначеніем
его очень недовольна, так как она сторонница по-
литики Плеве, но царь будто бы заявил ей, что
если ей новый курс не нравится, то в Даніи еще
много мѣста для нея. Блажен, кто вѣрует...

На войнѣ дѣла, кажется, поправляются. Пора,
а то уже начинали острить, что скоро вмѣсто
«Боже царя храни» национальным гимном у нас
сдѣлается «кина-чонг» — из оперетки «Гейша»!

12 октября. Несмотря на воцареніе новаго
министра, аресты в городѣ продолжают ити

своим чередом. Причина, якобы подготавливавшаяся анти-военная демонстрація

В 39 № журнала «Право» была помещена сильная статья на тему о том, что слова министра — суть слова царя, так как министр у нас только исполнитель, и виленская рѣчь Святополк-Мирского рассматривается как указание на желаніе выше конституції. Мирскій, очевидно, струхнул от такого нежданного реприамда, и № 40 с продолжением статьи задержан. Между прочим очень вѣрна и характерна одна фраза из этой статьи, что Россія представляла до сих пор собой дортуар в участкѣ. По недосмотру иностранной цензуры проскользнули в англійских журналах к нам забавныя карикатуры, изображающія Николая II: он предлагает разным лицам министерское кресло, а под креслом наложены бомбы.

19 октября. Вчера студентами университета была подана петиція на имя государя о прекращеніи войны с Японіей.

Начались опять демонстраціи и довольно не лѣпые. 17-го числа в Казанскій собор — излюбленное студентами мѣсто для скандалов, явилось нѣсколько человѣк молодежи и один из них обратился к священнику с просьбой отслужить панихиду по Молчановѣ — имени его не помню. Священник замѣтил, что в праздник, да еще в царскій день, панихиду в соборѣ служить неудобно. Тогда студент вышел из алтаря к ожидающим его товарищам и громко возвѣстил им об отказѣ; толпа возбужденно заговорила; ее стали оттеснить к выходу, и вот тут-то произошла сцена избіенія дворником какой-то курсистки, описанная в газетах. В общем демонстрація кончилась благополучно, bla-

годаря спокойствію и умънью градоначальника говорить с толпой.

Другая демонстрація произошла на Выборгской сторонѣ перед тюрьмою.

Студент Молчанов, арестованный по дѣлу Плеве, повѣсился в тюрьмѣ и перед смертью послал письмо отцу своему, в котором просил его никого в его смерти не винить и писал, что ему надоѣло жить, что он чувствует себя лишним, ненужным и негодным никуда, а потому накладывает на себя руки.

Депутація студентов, не зная ничего о подобном письмѣ, явилась на квартиру к отцу Молчанова и стала выражать свои чувства по поводу новой жертвы произвола. Старик показал им письмо и не знаю, вѣжливо или нѣт — выпроводил от себя опѣшившую депутату.

Перед тюрьмой было устроено шествіе с вѣнками на палках, перевязанных красными лентами; затѣм процессія явилась на Финляндскій вокзал и стала требовать экстреннаго поѣзда на Успенское кладбище, гдѣ похоронен Молчанов. Поѣзда не дали, а вмѣсто него явился градоначальник и, отпустив всю полицію, один вошел в толпу демонстрантов, потолковал с ними, и всѣ мирно разошлись по домам.

21 октября. Усиленно говорят об уходѣ Мирского, утверждают даже, будто он подал прошеніе об отставкѣ. Причины — недовольство им за черезчур либеральные рѣчи, обѣщанія и послабленія... В преемники ему прочат плевенца — нѣкоего Штурмера.

Газеты послѣдних двух дней вдруг сдѣлались совершенно беззвѣтными, точно замерли в ожиданіи послѣ нѣскольких дней свободы.

Порт-Артур при послѣднем изыханіи; очень дурное впечатлѣніе произвели на всѣх послѣднія телеграммы Стесселя, гдѣ он просил благословенія царя и «матушек» цариц.

22 октября. Встрѣтил сегодня на Суворовском проспектѣ бабу, странницу лѣт пятидесяти, шла она, переваливаясь, как утка, босая, в посконном платьѣ и бѣлом платкѣ на головѣ; в рукѣ торжественно несла жезл в родѣ того, что у странника Василія, только покороче и побѣднѣе. Парочка оригиналъя и питерцам небезызвѣстная.

3 ноября. Много говорят о скандалчикѣ, учиненном на днях в Михайловском театрѣ.

В Царской ложѣ сидѣл вел. князь Алексѣй Александрович, и когда на сценѣ появилась вся в брилліантах его любовница Балета, поднялось шиканье; Алексѣй с грозным и недоумѣвающим видом высунулся из ложи, чтобы лучше разсмотреть, что происходит — шиканье усилилось, начали даже раздаваться свистки. В антрактѣ перед этим какоито господин, став у барьера оркестра, громко и горячо сказал при паденіи занавѣса: «вот, любуйтесь, господа, куда ушли наши деньги, пожертвованыя на флот: на брилліанты любовницѣ этого господина» и указал рукой на Алексѣя.

Упорно твердят, что растрата эта — факт; озабоченіе против этих двух братьев Владимира и Алексѣя большое.

6 ноября. Сильный вѣтер; Фонтанка вадулась наравнѣ с берегами.

7 ноября. Ночью проснулся от сильнаго стука в окна: град и дождь с такой силой били в них, что казалось, вот-вот всѣ стекла разлетятся

вдребезги. С Невы доносились, возвѣща о наводненіи, пушечные выстрѣлы.

8 ноября. Почти обнажился от лѣсов новый громадный дом Зингера на Невском против Казанского собора; весь он построен из желѣза и камня. Немножко переложили строители золота для озnamенованія что мол, мы значит при капиталѣ, но это ничего. В общем Петербург прихорашивается, да и пора смѣнить наши угрюмые ящики именуемые домами, на что-нибудь болѣе удобное и красивое!

20 ноября. Переживаем новое смутное время Россійского государства. Старики, помнящіе хорошо броженіе 60-х годов, говорят, что тогда не было ничего подобнаго. Тогда оно — ясное и определенное — было дѣлом нѣскольких групп, теперь же оно почти всеобщее. И главное — полная смута в умах; даже сам министр Святополк как будто не знает, чего хочет, и куда приведет его «новый курс». И это шатаніе политики ведет к общим сомнѣніям в том, что дадут ли нам хотя что-либо из того, чѣм помадили: со всѣх сторон начинают раздаваться голоса: когда так, все к чорту!

Вчера произошел крупный скандал на Моховой ул. Начало его, собственно говоря, было дней десять тому назад в помѣщении Мирового съезда, гдѣ в юридическом обществѣ предполагался реферат об измѣненіи законодательства о печати. Засѣданіе это, по чьей-то неостроумной мысли, рѣшили сдѣлать публичным. Разумѣется, народа, главным образом студенчества всѣх видов, явилось гибель; зал не мог вмѣстить всѣх, и предсѣдательствовавшій заявил, что засѣданіе отлагается, и будет прискано новое, болѣе обширное помѣщеніе для такой многочисленной аудиторіи. Тогда какой-

то юный студент вскочил на стул и крикнул на весь зал, что он «представитель соціалистов» приглашает всех присутствовавших пожаловать в воскресенье (14) на Казанскую площадь и там всенародно обсудить вопрос о пересмотрѣ законов.

Выходка смѣхоторная, но возбужденіе теперь вообще так велико, что смѣха она не вызывала; по городу начали расходиться в большом числѣ прокламаціи и приглашенія на сходку, причем предполагалось произвести ее с оружием в руках... Поліція, конечно, об этом знала, и накакунъ я слышал даже о мѣрах, принятых ею на всякий случай, причем в виду «новаго курса» отряды городовых были переодѣты в штатское платье и пущены в публику.

Сверх ожиданія манифестація не удалась: народа набралось порядочно, но — или не было гвардей, или духа не хватило — всесословная сходка эта тянулась вяло и тихо; поліціи видно не было, никто никого не трогал, и манифестанты чувствовали себя довольно глупо. Наконец прѣѣхал Фуллон, как всегда без всякой свиты, очень умѣло поговорил с толпой, и она стала весьма мирно расходиться. Тѣм всенародное обсужденіе законов и кончилось. Юридическое О-во для новаго чтенія реферата избрало зал Тенишевского училища, и вот вчера устремились туда желавшіе слушать со всего Петербурга. В зал вмѣщавшій 700 ч., набилось около 3000; давка была невѣроятная, тѣм не менѣе с улицы буквально ломились новые толпы; вся Моховая битком была набита народом. Выпли распорядитель и Фуллон, и первый заявил, что в залѣ негдѣ упасть яблоку, и что зданіе может

развалиться от такого количества людей; чтение реферата обещано было повторить.

По уходе их, спустя несколько минут, толпа интеллигентных дикарей вновь принялась ломиться вперед, и дело дошло до того, что кто-то из приставов выхватил шашку; раздались крики и угрожающий рев, толпа рванулась еще сильней к дверям, и тогда пеше городовые начали оттеснять ее; все-таки в общем все кончилось бы сравнительно хорошо, но вдруг вылетел на помощь пешим конный отряд; несколько человек было смято и попало под лошадей, и толпа в паническом ужасе бросилась кто куда. На Симеоновской произошел хаос и смешение языков; движение конок, и экипажей, все временно остановилось от массы народа, как саранча, заполнившей улицу.

Консервативных голосов что-то не слышно, притаились. Нет дома, где бы ни толковалось теперь о конституции, смутах и 19 февраля, в которое ждут вторичного освобождения.

Война совсѣм гдѣ-то на заднем планѣ.

21 ноября. Вчера умерла известная Петербургу цѣлительница Надежда Юльевна Шабельская. Она была вдова гвардейского офицера и ютилась со своей приятельницей Кэррель в небольшой квартирѣ на углу Фонтанки и Лештукова переулка; денег за визиты к ней не брала, хотя особыми достатками не обладала и была удивительно симпатичная и привлекательная женщина; кто ее знал, или побывал у нея по рекомендации знакомых (иначе к ней попасть было нельзя) — уходил от нее очарованный. Лечила она пассами и хотя отрицала внушение и магнетизм в своей системѣ, тѣм не менѣе она весьма близка и к тому и другому. Во всяком случаѣ, многих обѣ эти женщины об-

легчили и, говорят, были даже случаи полных ис-
пълнений жестоких болѣзней.

Прозвище молва дала Шабельской — святая. Теперь она лежит в часовнѣ при Владимірской церкви; весь гроб ея полон цвѣтами; народа на панихидах очень много. Послѣ завтра хоронят ее на Смоленском кладбищѣ; проводы вѣроятно будут весьма торжественные.

Послѣ нея остались два ревностных и «сильных» ученика — ея подруга Кэррель и неизвѣстный мнѣ Кудрявцев, господин с симпатичным, вѣрище просвѣтленным какою-то душевною силой, лицом.

29 ноября. Вчера скопище учащихся политиков обоего пола устроило демонстрацію против Гостинаго двора и на Михайловской ул. Были, конечно, красные флаги и т. д. Окончилось побоищем. В газетах есть правительственное сообщение об этом. Был говорят, только пролог: настоящую исторію собираются устроить в день суда над убийцей Плеве — 30 ноября. На Невском проспектѣ какіе-то люди открыто приглашали публику явиться к зданію суда и участвовать в освобожденіи подсудимых. Публика от таких пригласителей отшатывалась весьма пугливо...

30 ноября. Убийцы Плеве, Сазонов и Сикорскій приговорены: первый безсрочно, а второй на 20 лѣт каторги.

День прошел сравнительно мирно: у Суда толпилось, правда, много народа, но особых инцидентов не было. С Выборгской стороны студенчество сдѣлало попытку толпой человѣк в 600 перейти через мост с красными флагами, но казаки оттеснили их. Тѣм и ограничилось все. Исторія обыч-

ная: если много обещают, то наверное мало сдѣлают.

1 декабря. На три месяца простоянен «Сын Отечества». Снова заговорили об уходѣ Святополка, на место его прочат Витте.

Ходит маловѣроятный слух, что 6 декабря выйдет манифест о конституції. Эдакое, можно сказать, угощеніе да станет «он» подносить себѣ в день именин!

6 декабря. 3-го числа министры были у государя: происходило совѣщеніе относительно конституції, причем Ермолов сказал очень сильную и либеральную рѣчь. Рѣшено, что в министерствах будут участвовать выборные люди от земств.

10 декабря. Плохіе совѣтники у государя! Сегодня напечатано во всѣх газетах его «собственоручное начертаніе» (эко языкъ-то зеюпскій!) с выражением негодованія на телеграфное ходатайство черниговского земскаго собранія (о реформах). Начертал: «нахожу поступок дерзким и безактным»...

«Весну», повидимому, хотят прекратить, но мыслимо ли это? Куда толкают этого безвольнаго человѣка окружающіе его?

Негодованіе начертаніе вызвало всеобщее.

14 декабря. Дождались, наконец, манифеста — довольно туманнаго, но все же подающаго надежды на близость лучшаго будущаго. Поживем — увидим!

15 декабря. В газетах появилось «правительственное сообщеніе»... Видно, вчерашній манифест показался слишком многообещающим и потому из-под него поспѣшили высунуть кукиш. Чудные у нас на Руси законы: только издадут один,

сейчас же вслѣд начинают закапывать его «разъясненіями», «дополненіями» и «сообщеніями».

Желаніе побѣды японцам в общем все усиливается. «Авось японец поможет», говорят не только здѣсь, но и голоса из провинціи.

20 декабря. Заграничная почта пришла вчера вечером и сегодня утром с опозданіем на 12 часов. Говорят, что гдѣ-то взорван мост: приготовлено было покушеніе на государя, побѣхавшаго провожать войска на Дальній Восток, но царскій побѣад будто бы успѣл проскочить благополучно, и запоздалый взрыв разрушил только мост позади него. Официальных свѣдѣній об этом пока не имѣется.

21 декабря. Порт-Артур сдался... На улицах простой народ обращается с вопросом — правда ли это, и приходится отвѣтить — да. Всѣ подавлены.

И что возмутительнѣй всего — новость эту мы узнаем не от своего правительства, а из парижских и берлинских телеграмм. У нас же опубликованы только дурацкія телеграммы Стесселя, что 6 декабря он торжественно праздновал «тезоименитство», и кричали «ура» на парадѣ.

В Артурѣ убит Кондратенко, истинная душа обороны; недаром шла такая молва о нем. Умер Кондратенко — умер и Артур с ним!

Вечер. Вечернія телеграммы хватают подробностями за сердце. Горит «Севастополь», взрывают и тосят «Ретвизан», «Побѣду», «Палладу»... Уничтожаем самих себя! Правду сказали «Новости Дня»: «сдан Порт-Артур, выстроенный на миллиарды полунищаго народа и залитый его кровью». Безприемнѣй этой войны по возмутительности ничего не было в нашей исторіи! За что платил свои мил-

ліоны не полунишій, а нишій русскій народ? За ничего не дѣлающих дипломатов, не видящих, что творится у них перед самым носом, за мерзавцев министров и т. д.? Украли ни к чему негодную и ненужную нам страну, ухлопали в нее миллиарды и, обманывая всѣх, не нашли нужным даже приготовиться к оборонѣ, не снабдили и этот многострадальный Артур ни снарядами, ни припасами и люди там гибли без Ѣды, без оружія и без медикаментов.

Воровство идет вездѣ возмутительнейшее; Красный Крест пойман с поличным: из вѣрнейших источников знаю, напр., что громадные ящики с «хинином» на Дальний Восток в дѣйствительности заключали в себѣ только по фунтовой коробкѣ с ним и т. д., и т. д.

21 декабря. О Стесселѣ, как о человѣкѣ, давно уже и со всѣх сторон (даже от бывших его сослуживцев-офицеров) слышал только дурное. Отдаю ему должное за защиту Артура, но должен сказать, что телеграммы его на меня и на многих производили отвратительное впечатлѣніе. Так пишут или дуры-бабы из глухих деревень, или прохвости. «Держимся молитвами матушек цариц» — чудодѣйственные молитвы этих матушек были у него на каждом шагу!

Покушеніе на государя было; слышал о нем в измѣненной версіи — будто бы взорвалась бомба в самом поѣздѣ.

Среди монархических партій есть сильное теченіе в сторону бывшаго наслѣдника Михаила Александровича. Его хвалят и поговаривают, что в один прекрасный день мы можем узнать о дворцовом переворотѣ.

Так ли это — навѣрно не знаю, но что го-

сударь как бы опасается этого, доказывает то, что, отлучаясь из Петербурга во всю свои путешествия, он увозит с собой и брата, несмотря на то, что отношение между ними совсем не нежные. Поскольку бы это всеобщее напряжение разразилось чьим нибудь! Вечная жизнь в таком своего рода Порт-Артуре невозможна!

23 декабря. Хотел купить новую газету «Наши дни»; оказывается вчера ей запретили различную продажу. За последнее время газеты вырастают как грибы, но и исчезают из обращения, как мухи!

Возродившийся «Сын Отечества», «Наша жизнь», «Р. Правда» — всю успели нахватать предосторожений и запрещений; идет своего рода газетная вакханалия: всю точно торопятся высказаться покруче, пока есть возможность к тому.

Говорил с академиками Генерального штаба; уверяют, что у Куропаткина не 400.000 войска, как сообщали газеты, а всего 200.000. По их словам дело стоит на мертвой точке: сибирская дорога может доставлять теперь только необходимый фураж, провiant и пр. для этой массы людей и подкрепления могут идти по ней только за счет голодовок армии.

Нечего сказать, хорошенькое положение!

Интересно бы подсчитать, во что обошлась нам эта Манчжурская авантюра, включая Китайскую дорогу, Дальнай и пр.?

31 декабря. Общественное мнение начинает замышлять изменять курс в отношении к Стесселю; развивать людей мы любим чрезвычайно, и достаточно кому-нибудь написать или сдѣлать что-либо выдающееся из ряда — сейчас начинаем искать, не другой ли кто это сдѣлал, но во всяком

случаѣ нѣт дыма без огня. За тысячу верст чувствуется что-то неладное; странно и то, что Стессель торопится вернуться в Россію и не пожелал раздѣлить со своими полками и генералами их участъ и в Японіи. Говорят в оправданіе его, что ему нужно представить отчет государю, но это дѣтскій лепет; отчет его уже сдѣлан: — «флот уничтожен, и Артур сдан». Этим и все сказано. Точно торопится Стессель поспѣть к государю раньше остальных генералов и адмиралов...

1905 год.

3 января. Забастовал Путиловскій завод. По слухам неспокойно и на Франко-Русском, изготавляющем машины для флота.

4 января. Забастовал Франко-Русскій завод.

В Питерѣ в числѣ других находится корреспондент-англичанин, командированный сюда для специальнаго наблюденія за возникшими общественными движеніями; с грѣхом пополам он объясняется по-русски и очень негодует на наши привычки. «Помилуйте», — говорит, — «ведь в 11 ч. люди уже в постелях, а здѣсь к одиннадцати часам начинают только съѣжаться». Корреспондент этот торчит на всѣх наших «митингах» и собрaniях, внимательно выслушивает ораторов и все заносит в свою книжку.

5 января. Не работают уже шесть заводов. Оригинальнѣе всего, что стачка эта ведется под руководством какого-то священника, шествующаго

всюду во главѣ депутатій. Пока что протекают онъ мирно. По газетным сообщеніям причина их — домашніе счеты с администрацией; городскіе слухи добавляют нѣкоторый плюс, а именно — недовольство рабочих тѣм, что 80-ти миллионный заказ дан правительством Германіи, тогда как собственные, русскіе заводы вынуждены на половину сокращать дѣятельность и штаты. Конечно не сами рабочіе додумались до этого; среди них давно ведется оживленная агитация.

Интересны результаты пропаганды в Малороссіи. В Полтавской губерніи запасные не хотѣли идти и были потѣшныя, хотя по существу глубоко вѣрныя, замѣчанія с их стороны.

— За что нам идти воеваты? — спрашивали хохлы.

— Как за что? За вѣру, царя и отечество!

— Яка там віра? Бусурманска; отечства не ма — там Кытай; и царя нема — вин там рендатель!.. (арендатор).

6 января Яковлев (Николай Матвѣевич, бывшій командир броненосца «Петропавловск»), только что вернувшійся из дворца с Крещенского парада, сообщил, что во время салюта с Васильевскаго острова — там были поставлены гвардейская батарея — вдруг зазвенѣли и посыпались в залѣ, гдѣ он находился, стекла и куски люстры. На полу он нашел потом крупную картечину. На улицѣ в толпѣ произошел переполох, оказались раненые. По ошибкѣ ли, или преднамѣренно какое-то орудіе вмѣсто холостого заряда хватило по Йордані, гдѣ находился государь, картечью. Бѣдняги артиллеристы поплатятся жестоко!

Очень озабочены охраной Балтійскаго судо-

строительного завода от забастовки; предположено послать в него военную команду.

8 января. Сегодня не вышло ни одной газеты — все забастовало.

Толпы рабочих весьма чинно расхаживали вчера по улицам, заходили на фабрики и даже в небольшія заведенія вродѣ переплетных, сапожных и т. п. и вездѣ прекращали работу. Извозчик, на котором я ѿхал утром на Варшавскій вокзал, сообщил, что часов в шесть утра слышен был сильный взрыв, но гдѣ он произошел — неизвѣстно. Я ѿздил в Лугу, на всѣх станціях ожидали с нашим поѣздом газет и оживленно допрашивали, что творится в городѣ; на обратном пути слышал толки в вагонѣ, будто убит градонаачальник, и что на завтра, в воскресенье, ожидаются беспорядки. На Пороховых заводах забастовали тоже; вѣроятно там происходит что-нибудь особенное, так как туда поскакали жандармскій эскадрон и конная полиція. Это первая грандіозная забастовка на Руси; рабочих здѣсь цѣлая армія, и нужно очень немногого, чтобы разразился бунт.

В вагонах Варшавской дороги грязь была неизвѣстная; спрашиваю истопника — почему это? — Тот отвѣтил, что никто из чистильщиков не явился; в мастерской рабочіе забастовали тоже и даже пробовали устроить прекращеніе движенія поѣздов, но это не удалось им. Истопник с большим возмущеніем сообщил мнѣ об отношеніях к ним начальства и порядках у них. Дѣйствительно скоты! Напр., его отправили с поѣздом запасных в Иркутск; он пробыл безсмѣнно в дорогѣ 2 мѣсяца, и ему не потрудились выдать вперед жалованье; предупредили о таком назначеніи за 4 часа и, не успѣв он перехватить у товарища 10 р., или не

найди их — «подох бы с голода как, собака» (его выражение). По выражению лица и голоса видно было, что человек глубоко, всем нутром чувствует это отношение к нему, как к собакѣ. Затѣм — новый начальник дороги вдруг распорядился, чтобы за кипяток, раньше выдававшійся служащим на станціях бесплатно, взыскали по 1 коп. за чайник; за поѣздку это составит добрый гравенник, что бѣдному человѣку, получающему их в обрѣз, чувствительно. Кроме того, тот же начальник велѣл уменьшить скидку, которою служащіе пользовались в буфетах...

Словом, вездѣ и всюду беспредѣльное проявленіе «нраву моему не препятствуй: желаю и конец!».

9 января, Из газет вышел только «Правительственный Вѣстник», такой же пустой, как и само правительство.

В час дня отправился посмотретьть, что творится на Невском; швейцар сообщил мнѣ, что утром с ближайших фабрик валила толпа, но на Кирилловской ул. их встрѣтили казаки и, несмотря на мирные заявленія рабочих, что они идут к царю, заставили их свернуть в боковые улицы.

Вышел из подъѣзда, вижу по Суворовскому проспекту гдѣ стоят спѣшившись, держа коней в поводу, гдѣ разъѣзжают отряды драгун в красных фуражках; перекрестки Невского охраняли пѣшія и конные заставы, приблизительно во заводу пѣхоты и по полуэскадрону кавалеріи; солдатики, по слухаю вѣтра и мороза, развели костры и выплясывали около них; во дворах по 1-й Рождественской улицѣ стояли походныя кухни. Конечно, движение по Невскому было прекращено. Взял извоз-

чика и велъл ѿхать к Адмиралтейству; народа в том направлениі шло много, но оборванцев и пьяных видно не было; фабричные, всѣ принаряженные и выглядѣвшіе очень прилично, попадались на каждом шагу; иные, по-двоем, ѿхали на извозчиках. У Полицейского моста движеніе по панелям было невозможнo; народ стоял густой стѣной, многіе взобрались даже на перила и оттуда смотрѣли, что происходит впереди. Вереницы экипажей плелись шаг за шагом, и на углу Морской, запруженной с обѣих сторон, остановились окончательно: у Александровскаго сада их не пропускали; под аркой главнаго штаба чернѣла особенно густая полоса толпы; я отпустил извозчика и направился туда посмотреть на Дворцовую площадь. Криков и особеннаго шума не было, толпа вела себя чинно. Втиснулся в самую гущу под аркой и увидал, что площадь пуста; близ дворца, стояли какіе-то спѣшиныя войска; ни со стороны Милліонной, ни изпод арки никого на площадь не пропускали; выѣзы из улиц охраняли эскадроны конногвардейцев. Постояв нѣсколько минут и видя, что все обстоит болѣе чѣм мирно, я рѣшил зайти со стороны Милліонной: оттуда, доносились крики, и один из эскадронов, обнажив палаши, поскакал туда. Только что успѣл я завернуть за угол Невскаго, вдруг позади раздались вопли; опрометью понеслись с Морской, хлеща лошадей, извозчики, собственные экипажи, люди; я прижался в выемкѣ стѣны к запертой двери табачнаго магазина Елисѣева и пропустил мимо ошалѣвшую толпу; были в ней и студенты, и простонародье, и барышни, сующіяся вездѣ, гдѣ им не слѣдует быть. Затѣм бросился назад к углу и увидал, что конногвардейцы, очистив арку и часть Морской, шагом возвращаются обратно; быть, оче-

видно, никого не били, а только напугали. Не успѣл я взойти на Полицейский мост — со стороны Александровского сада грохнул залп; минуту спустя — другой. «Холостыми это, холостыми палят», заговорили кругом, но мнѣ они показались не холостыми: совсѣм другой звук у послѣдних. На набережной Мойки кучами чернѣли рабочіе; иные вели зажигательныя рѣчи; особенное вниманіе мое привлекла какая-то женщина-брюнетка, в платкѣ и черной кофтѣ поверх желтаго платья. Она металась от одной кучки к другой и все спрашивала: «гдѣ наш-то союз? Не выдавайте, братцы, что же вы? Идемте! Против придворной каппелы, у моста, толпа была возбужденнѣе; раздавался свист и крики; против нея, загораживая весь проѣзд ко дворцу стояли ряды конногвардейцев; нѣсколько чело-вѣк из толпы были вывалаены в снѣгу; одного, сильно помятаго, усадили на извозчика и повезали прочь — их сбила с ног конница во время атаки; по говору кругом, солдаты били не плашмя, а как слѣдует. Как всегда, было много трусов, мявшихся и вполголоса уговаривавших наиболѣе горячих: «да брось, пойдем лучше отсюда», но были и прямо вдохновенные типы; один, еще молодой парень, стал среди моста и, потрясая кулаками, кричал: «пущай убьют! Все едино конец, скорѣй будет!»

Солдаты колыхались на своих огромных конях и только поглядывали, но никто, даже полицейскій, находившійся рядом, не тронул его. Разогнанная всего за нѣсколько минут назад толпа все прибывала; видѣл двух студентов, вполголоса говоривших: «только спокойно держитесь, братцы, помните — главное спокойствіе!» Нѣкоторые из вновь подходивших рабочих здоровались с ними, как со знакомыми: очевидно, движеніе это не без

руководительства, и студенчество не безпричастно к нему.

Постоял в толпѣ минут с десять, послушал озлобленный говор и направился к Марсову полю: за мной раздался вой и крики; оглянулся, и вижу, что кавалерія, блестя палашами, летит на мост, и толпа бѣжит вразсыпную. Противоположная сторона Мойки, сплошь залитая народом, всколыхнулась и загудѣла. Послышались свистки, ругань. «Убійцы, убійцы! Подлецы! Палачи! неистово орали десятки голосов, а гг. конногвардейцы, во главѣ с выхоленными офицерами, уже шагом слѣдовали под этот концерт по противоположному берегу, окончательно очищая его от публики.

У придворно-конюшенных зданій и на Марсовом полѣ стали обгонять меня извозчики с ранеными; стрѣльба оказалась настоящею. Безпомощно прислонившіяся к сопровождавшим фигурами в черных пальто с кровавыми пятнами то спереди, то сбоку производили тяжкое впечатлѣніе; рабочіе, кучками стоявшіе по дорогѣ к Цѣпному мосту и видѣвшіе их, возбужденно грозили по направленію дворца кулаками; одна женщина разрыдалась и крича: «что-ж это дѣлают с нами? Жить не дают, да и бьют еще?» — разразилась проклятіями. Много я их наслушался за сегодняшний день! Один извозчик, везшій безчувственного раненаго, сам, видимо, взволнованный, громко пояснял остановившимся встрѣчнымъ: «раненаго везу; пулей вдарило; у Лихсандровскаго саду палили!» Извозчиков с такими поклажами проѣхало мимо меня четверо. Полиція вела себя удивительно галантно и ни во что не вмѣшивалась; сегодня обычную ея роль исполняли военные.

Фамилія священника, руководившаго и вдох-

новлявшаго рабочих — о. Георгій Гапон: говорят, личность исключительная и пользующаяся среди них популярностью почти до значения пророка. Третьего дня происходило на Васильевском островѣ громадное сбощище рабочих; свящ. Гапон с воззванием благословлял всѣх крестом, и многочисленная толпа присягнула «стоять до конца друг за друга».

Говорят, что в ночь послѣ этого свящ. Гапон был схвачен, но насколько это вѣрно — не знаю. На водокачкѣ и электрических станціях работали сегодня солдаты: купцы уже пользуются случаем и накинули цѣны на керосин, с трех с половиной коп. прыгнувшій на 10.

Во многих мѣстах идут сборы в пользу рабочих; совѣт присяжных повѣренных уже собрал 800 р., и приношеніе это рабочими было встрѣчено восторженно.

Думаю, что рабочіе, к сожалѣнію, не выдержат!

Из среды их была выбрана депутація к царю, но конечно, эта депутація не увидит его; когда кто-то высказал эту мысль на Василеостровском собраніи рабочих — раздались голоса: «так долой царя тогда! Зачѣм такой нам нужен?»

Да, если бы войска были хоть на половину так подготовлены, как рабочіе — не желтый штандарт развѣвался бы вѣроятно сегодня над Зимним дворцом, из котоrаго, кстати сказать, Николай заранее укрылся в Царское! Толков в городъ не обобраться.

10 с пол. час. вечера. Опять ъездил по городу; на углах многих улиц войсковые биваки; в жаровнях горят уголья; около составленных в козлы ру-

жей, виднѣются лазаретныя фуры; солдаты сидят и стоят грѣясь у огней. Пред дворцом расположены войска всѣх трех родов оружія; по улицам то и дѣло проѣжают конные разѣзды, или медленно проходят пѣхотные патрули. На Невском тротуары чернѣют от народа; несмотря на поздній час, оживленіе необычайное. Извозчики рассказывали, что на Гороховой ул. и за Нарвской заставой были большія побоища, и убито много людей; в больницах будто бы нѣт уже мѣста — так много раненых. Путиловских рабочих в город, по слухам, не пустили. На завтра ожидается продолженіе. Но что и начало и продолженіе значат при пустых руках?

10 января. В 9 ч. утра вышел из дома; Суворовскій между 2-й улицей и Невским был за-пружен эскадронами драгун и казаков, державшими коней в поводу. Невскій просп. имѣл обычный вид; ходили конки, многолюдства не было. Усѣлся на верх конки и поѣхал к Адмиралтейству.

Подъезд дворца вел. князя Сергея Александровича, что у Аничкова моста, изуродован: всѣ зеркальныя стекла со стороны Фонтанки и три с Невскаго выбиты. «Полѣньями жарили», повѣствовали очевидцы, щахавшіе вмѣстѣ со мной. «Да стекла какія крѣпкія — рраз, рраз по нем, а оно все цѣло!»

Газетный кiosk против Казанскаго собора и окна в кондитерской Бормана разбиты вдребезги. Остальные магазины нетронуты.

У дома гр. Строгоновых, у Полицейскаго моста, группы прохожих рассматривали стѣны; послѣднія выкрашены в темный цвѣт, и на них ярко бѣлѣют многочисленныя выщербины — слѣды от пуль. На Дворцовую площадь пропускали свободно;

войск на ней видно не было, хотя во многих дворах Невского я замѣтил скрытых казаков. Весь угловой полукруг панели у Александровского сада и камни под оградой залиты кровью; дворники посыпали это мѣсто песком, но, тѣм не менѣе, кровь ярко проступала всюду; ближайшія деревья в саду носили слѣды от пуль. Много народа внимательно рассматривало это мѣсто вчерашней казни.

По разсказам, мирно ведшая себя сначала толпа, раздраженная избѣніями, разгромила 4-ю линію Васильевского проспекта и Большой пр. на Петербургской сторонѣ. Отправился на остров.

Николаевский мост охраняла пѣхота, мирно сидѣвшая на грудах досок; по линіям разъѣзжали патрули уланов. Было людно, но спокойно. На 4-й линіи дома почти не пострадали; выбиты в нѣсколькох дрянных лавчонках грошевые стекла, и только; жестокая бойня и разстрѣливанье происходило на ней у Средняго проспекта. На Малом дѣло было еще серьеанѣе; стекол перебито порядочно, спилено и повалено нѣсколько телеграфных столбов; рассказывали, что там была устроена баррикада, но я ея не видѣл.

Большой проспект на Петербургской сторонѣ пострадал сильно; магазинов на нем уйма, и все крупные; стекла почти во всѣх выбиты, винный погреб Шитта разбит и разграблен; такому же разгрому и грабежу подверглись и другие магазины: напр. с готовым платьем и колбасныя; торговля почти вездѣ прекращена, большинство дверей и окон забиты наглухо бѣлыми досками, или закрыты щитами и заперты. Оба тротуара кишѣли народом — больше всего дамами и разных сортов дѣвицами, разглядывавшими мѣста погрома. Открыто было всего десятка два магазинов, но и на

их окнах были щиты, а у дверей стояли другие, чтобы в каждую минуту иметь возможность нагло закрыть все.

Публика спокойна, ни криков, ни особо возбужденных лиц замѣтно не было.

В вышедшем сегодня клочкѣ Правительственаго Вѣстника сообщается, что убито 76 и ранено 233 человѣка; цифры эти лживы, так как за одной Нарвской заставой уложено больше птиловцев. Птиловцы двинулись со своего завода с образами и крестным ходом, имѣя во главѣ облаченаго в ризы свящ. Гапона; расположенный у заставы Павловскій полк встрѣтил их залпами, причем по одним версіям перебито и переранено 1000 человѣк, а по другим 500; свящ. Гапон будто бы убит; пули попали и в образа. Так встрѣтил царь-отец депутацию дѣтей, отправлявшуюся к нему!

Больницы в городѣ переполнены дѣйствительно; у двух, мимо которых проѣзжал, стояли толпы женщин, отыскивавших своих пропавших мужей и братьев; в ворота их почему-то не впускали.

Озлобленная дикой и незаслуженной расправой, толпа отплатила за это на Морской нѣскольким офицерам; избит, между прочим, до полусмерти какой-то генерал и кавалерійскій полковник.

Между убитыми есть и дѣти; находившіеся у Александровскаго сада очевидцы рассказывают, что толпа стояла там мирно и на площадь пройти не порывалась. Несмотря на это, офицер, командовавший пѣхотой, вадумал оратъ и приказал разойтись. Его не послушались, и он заявил, что будет стрѣлять; не подействовало и это; тогда грянули два, слышанные мною залпа, и уложили многих, в том числѣ и нѣсколько дѣтей, ваобравшихся на садовую рѣшетку; судя по тому, что лично видѣл, — я

вполнѣ этому зѣрю, тѣм болѣе, что слышал одно и то же от разных лиц.

Возмущеніе всеобщее, особенно против гвардейских офицеров, из числа которых многіе с увлечением разыгрывали роль самых зазнавшихся и наглых околоточных; настоящіе околоточные совершенно не вмѣшивались во вчерашнюю исторію.

Если-б царь так позорно не ускакал из города, а принял бы депутацію рабочих, если бы хоть сколько-нибудь сердечно отнесся к положенію их— какой бы громадный козырь он получил в свои руки! Эх, вспоминаются слова Гроанаго: «пономарем бы тебѣ родиться, Федя, а не царевичем!»

Половина шестого вечера. Наш Суворовскій проспект тонет во мракѣ: электричество не дѣйствует. Сейчас прибѣжала в страхѣ прислуго и сообщила, что на углу 8-й в нашем домѣ выбили окна в магазинѣ Ветчинкина; находимся как бы в осадном положеніи.

Керосина нѣт нигдѣ; цѣну за него догнали до 30 коп. за фунт; трехкопѣчное открытое письмо в лавках стоит пять.

Пишу эти строки, а на улицѣ спѣшно закрывают магазины и гасят вездѣ огни; тьма стоит кромѣпная.

Половина восьмого вечера. Сейчас вернулся с обхода. Вышел из двери—на лѣстницѣ горят, поставленные на стулья, свѣчи; швейцар держит дверь на замкѣ. На улицѣ глубокая темнота; кое-гдѣ свѣтятся сквозь занавѣски окна — и только. На панелях смутно рисуются кучки стоящих и идущих людей. Магазины закрыты всѣ. На углу 8-й улицы остановился около четырех рабочих и разговорился с ними. Один только что вернулся от Гостиаго Двора и рассказывал, как его

громили: «это все хулиганы, швырковой народишко, пакостят!» негодяя воскликнул он. «Мастеровой развѣ станет? Не затѣм шли!» Затѣм обрушился на студентов, и стоявшіе с ним, хотя и вяло, но поддерживали его. «Еще с ними расчет у нас должен выйти! Что они присосались к нам? Зачѣм свое к нашему дѣлу припутали?» Как выяснил дальнѣйшій разговор, студенты чисто экономическому движенію рабочих, стараются придать революціонный характер и огромное большинство недовольно этим.

Направился я с одним из рабочих к Невскому; в одиночку идти было опасно, так как хулиганы разгулялись и бушуют везде во всю; полиція скрылась, как под землею, да и что может сдѣлать какой-нибудь городовой в этой тьмѣ с десятками и сотнями валящих куда-то людей? Конечно, сообщеніе везде остановлено. Бассейная и Знаменская ул. освѣщены: там газовые фонари — газовый завод, вѣроятно, успѣли охранить. Магазины тѣм не менѣе закрыты и на освѣщенных улицах. Спутник мой сообщил, что вопреки слухам, будто нѣкоторые заводы возстановили работы, — не дѣйствует ни один; оказывается поджидали колпинцев, но на поѣзд их не допустили; тогда тѣ двинулись в город пѣшком и разобрали желѣзодорожный путь, прервав таким образом общеніе с Москвою; в 8 час. вечера назначена на Невском всеобщая сходка. По дорогѣ колпинцы спиливали телеграфные столбы и рвали проволоки. Увѣряли, будто вчера Семеновскій полк отказался стрѣлять, и почетную работу эту выполняли преображенцы; разстрѣливали народ во многих мѣстах, между прочим, у мостов и на Каменноостровском проспектѣ.

Знаменская была усѣяна кучками людей, толпившимися у подъездов; ворота везде были за-

перты и из-за желѣзных рѣшеток отовсюду выглядывали лица. Невскій темен и мрачен, как гроб; нигдѣ ни фонаря, ни освѣщенаго окна, панели полны стоящим народом; кіоск на углу исковеркан. В толпѣ разсказывали, что незадолго до нашего прихода у Николаевской ул. подожгли такую же газетную будку и туда, свѣтя факелами, прискаcala пожарная часть с лѣстницами и бочками. Встрѣтили ее, конечно, улююканем и смѣхом. Не больше, как за полчаса до нас казаки отгоняли народ от Знаменья: рубили шашками, «но не дюже», а иные так и просили даже: братцы, да расходитесь же, непріятно нам бить вас! Да нѣт, не затѣм пришли! Бейте, коль вам мясо человѣческое нужно!

Каждаго проѣзжавшаго мимо офицера, замѣтнаго по сѣрому цвѣту пальто, толпа провожала свистом и воем; у Лиговскаго бульвара стояла казачья сотня, но при мнѣ ни во что не вмѣшивалась; надо думать, что утомились таки солдаты, хотя на помощь петербургским войскам вызваны полки из Царскаго, Пскова и др. мѣст. Обѣщают, что завтра перестанет дѣйствовать водопровод; это будет, дѣйствительно, фунт! Между прочим, рабочіе, узнав, что лавочники повышают цѣны, объявили разгромить за это лавки; в одном мѣстѣ рабочій зашел купить керосину и, услыхав, что за два фунта с него требуют 50 коп., взял и облил данным ему керосином всѣ сѣйстные припасы на прилавкѣ.

Хозяйки спѣшно закупили до закрытія магазинов всякую всячину: завтра, вѣроятно, ничего нельзя будет достать.

Между прочим — утром сегодня слышал, что Святополк-Мирскій подал в отставку, и отставка

эта принята. Кандидатами называют четырех: двух Оббленских, Штюремера и еще четвертую каналю под стать названным. Думают, стало быть, вернуться к плевенскому режиму. Что говорить, самое время... для того чтоб ускорить революцию! В общем, день сегодня прошел тише, хотя на окраинах была стрельба; результаты ея неизвестны.

10 ч. вечера. У нас на проспектѣ зажглись некоторые электрические фонари; на лѣстницах нѣт свѣта по прежнему.

11 января, вторник. Водопровод дѣйствует, и на улицѣ спокойно. На Суворовском проспектѣ магазины торгуют; на углах Невского по прежнему стоят войсковые охраны, но уже сильно уменьшенныя. Конки по Невскому не идут, очевидно по распоряженію полиціи, тогда как вездѣ, по другим улицам, онѣ пущены. Движеніе на Невском нѣсколько усиленное, публика, главным образом, преобладает любопытствующая; от Знаменья и вплоть до Аничкова моста в магазинах за ночь перебита масса стекол; между прочим, разбито громаднѣйшее стекло у Соловьева на углу Литейной — стоило оно нѣсколько десятков тысяч. Газетные кiosки, за исключеніем одного, у Казанской ул., разнесены, а некоторые и сожжены; за Аничковым мостом погромов магазинов кромѣ одного Бормановского, не было. Выбоины от пуль на домѣ Строгоновых уже заптукатурены и закрашены, но, тѣм не менѣе, очень замѣтны; дом, т.-е. половина его, ближайшая к мосту, был точно вспрыснут пулями; некоторые пробили рамы и если никто из находившихся в нижнем этажѣ не убит и не ранен, то это чудо. Из-под песка на панели видны сплошные темно-красныя пятна крови; людей разстрѣли-

вали там почти в упор, и пули пронизывали по-
нѣскольку человѣк. В гостином дворѣ со стороны
Невского поврежденій мало; главный разгром гово-
рят, был со стороны Садовой, но туда я не свора-
чивал. Торговля в Гостином и на Невском почти
прекращена; на панелях спѣшно пилят доски или
прямо прилаживают к окнам крышки столов и при-
колачивают их гвоздями; вид города такой, точно
он осажден непріятелем, и ожидается вторженіе; в
немногих торгующих магазинах пріотворены толь-
ко двери — окна сплошь забиты и закрыты.

Из газет вышел опять полулист «Пр. Вѣстни-
ка» и «Вѣдомостей Градоначальника» с перепечат-
ками вчерашних сообщеній. Какой-то уродливый,
но смѣтливый карла, примостился на тумбѣ около
разбитаго кіоска у Гостинаго двора и продавал
московскія газеты по гривеннику; публика расхва-
тывала их у него чуть не с боя.

Рассказывают, что вчера у Маріинской боль-
ницы на Литейном просп. произошло побоище:
там, по слухам, находится свящ. Гапон — одни го-
ворят убитый, другие раненый — и народ желал
его видѣть; к этой толпѣ присоединилась другая —
отыскивавшая своих родных, но в больницу их не
пустили и в результатѣ произошло новое столкно-
веніе и новые пациенты для больницы. Во многія
мелкія промышленныя заведенія, возвращаются ра-
бочіе и заявляют о желаніи начать работы, но хо-
зяева, опасаясь мести и погрома со стороны тол-
пы, отказывают сами; нѣкоторые обѣщали упла-
тить им за эти дни жалованье, но только, чтоб не
начинали работ.

Передают, будто горят Колпино и газовый за-
вод; на послѣдній завтра обѣщаны еще небывалые
безпорядки; многія учебныя заведенія закрыты.

Магазин Невского стеаринового товарищества, находящийся близ Казанской ул., полон покупателями; все запасаются свечами, так как в лавках они иасякают и вздорожали до 35 коп. за фунт, вмѣсто 26; магазин допродаает уже послѣдки, с завода же везти ничего нельзя, так как рабочие не пропускают подвод с ящиками. Любопытно, что будут дѣлать питерцы, если стачка продлится еще с недѣлю? О чём думают гг. революционеры? Очевидно, нѣт настоящего вожака у движенія; начало было сильно выдвигаться свящ. Гапон, но с ним счеты уже покончены. Как рассказывают, администрація устраивала на него облавы, но он счастливо избѣжал их при помощи оберегавших его рабочих. Спектаклей вчера в театрах не было, нѣт их и сегодня. Начавшіяся представлениа в воскресенье были перерваны; между прочим в Александринском театрѣ, послѣ первого дѣйствія, в райкѣ начался скандал, кричали оттуда, что не время забавляться, кто-то провопил Варламову: «Костька, ты хороший парень. перестань, стыдно нынче камедь ломать!» и т. д. и т. д.

Сѣнная площадь — там молодцы в лавках все дюжіе — обороняла сама себя, и лупка хулиганам происходила у них «первый сорт». Их перехватывали, накрывали мѣшками и бузовали беспощадно.

Между офицерами ходят тѣ же толки об отказѣ семеновцев и Егерского полка стрѣлять по толпѣ; сильно возмущен навязанной ему ролью поліціи конно-гренадерскій полк, в котором есть сильно пострадавшій от побоев офицер. Измайловскій, а по другим передачам Павловскій полк (форма у них почти одинаковая), за Чарской заставой во время стрѣльбы по крестному ходу убил

свыше ста семидесяти человѣк; переранено огромное число и между ними много совершило неповинных и непричастных ни к чѣму лиц: убит, напр., лавочник, услыхавшій пальбу и выскочившій на порог своей лавки и т. д. Есть убитые гимназисты и студенты—эти уже в городѣ. На Васильевском островѣ рабочіе оборонылись от войск кирпичами; там, на Малом проспектѣ, тоже легло много голов.

Войска, по свѣдѣніям от властъ имущих, сбились с ног, да так и должно быть: им надо охранять все, вездѣ и каждую минуту. К какой роли свели гвардію: исполнять роль палачей в столицѣ!

12 января. В городѣ полное спокойствіе, и всѣ вчерашнія тревоги были напрасны; напрасно потратились и магазины на доски для заколачивания дверей и окон: нигдѣ ничего не тронуто, скопищ не было тоже. Щиты теперь почти вездѣ сняты. Ночью, — я возвращался домой около двух часов, — улицы были освѣщены и пустынны, и только кое-гдѣ патрулировали казачьи разъѣзы по 2—3 человѣка в каждом. Электричество и газ дѣйствовали повсюду. В обществѣ страшное возмущеніе стрѣльбой. По рукам ходят литографированныя копіи с письма свящ. Гапона ко князю Свято-полку-Мирскому. Привожу его дословно.

«Ваше Высокопревосходительство!

«Рабочіе и жители г. С.-Петербурга разных сословій желают и должны видѣть царя 9 января 1905 г. в 2 ч. дня на Дворцовой площади для того, чтобы выразить ему непосредственно нужды всего русского народа. Царю нечего бояться: я, как представитель фабричных рабочих, и мы, сотрудники, товарищи и рабочіе, даже всѣ так называемыя ре-

волюціонерныя группы разных направлений, гарантируем неприкосновенность его личности. Пусть он, выйдет, как истинный царь, с мужественным сердцем к своему народу и примет из рук в руки нашу петицию. Этого требует благо его, благо обывателей Петербурга и благо нашей родины.

Иначе может произойти конец той нравственной связи, которая до сих пор еще существует между русским царем и русским народом. Ваш долг, великий нравственный долг, перед царем и всем русским народом, немедленно, сегодня же довести до свѣдѣнія его императорского величества как все вышесказанное, так и прилагаемую здѣсь петицию.

Скажите царю, что я, рабочіе и многія тысячи народа мирно и с вѣрой в него безповоротно рѣшили идти к Зимнему дворцу. Пусть же он с довѣріем отнесется на дѣлѣ, а не в манифестѣ, к нам».

Подписи.

Затѣм болѣе мелко:

«Копія с сего, как оправдательный документ нравственного характера, снята и будет доведена до свѣдѣнія всего русского народа».

Прими только царь депутацио, поговори с ней, и какой бы эффект, какую бы популярность сразу создал бы он себѣ! Но вместо этого навстрѣчу мирным людям были пущены штыки и пули... Да... кто идет ко дну с камнем на ногах, тому не вынырнуть! Говорят, что Мирскій настаивал на приемѣ депутатії, и царь собирался ужеѣхать в Петербург, как вдруг отмѣнил поѣздку.

Газет вѣт и сегодня; кстати — единственное сообщеніе, дозволенное Телеграфному Агентству 9 числа в другіе города — именно эта фраза. Даль-

нѣйшія сообщенія Московских газет опираются только на «Правительственный Вѣстник». Правительство точно думает «скрыть» происходившее на глазах у миллиона людей. Нѣт, залпы 9 января были слишком громки для того, чтобы остаться в тай-нѣ! Вмѣсто разумных мѣр для успокоенія города сегодня выпалили манифестом: «признали мы за благо отмѣнить в Петербургѣ градоначальство и учредить генерал-губернаторство»...

Весьма мудро, но еще почти сто лѣт тому назад Крылов написал: «а вы, друзья, как ни садитесь, все в музыканты не годитесь!» К мудрому манифесту вышло и мудрое дополненіе: бывшій обер-полиціймейстер Москвы, недострѣленный там Трепов назначен генерал-губернатором. Повышеніе такой классической фигуры, — это уже издѣвательство и вызов всему Петербургу! Мирскій, к сожалѣнію, ушел, и власть его пока в руках товарища министра Дурново.

Надо думать, скоро появятся на сцену запоздалыя бомбы. По ком промахнулась Москва, по тому попадет Питер!

В Москвѣ, как слышно, тоже начинаются забастовки; сегодня знаменитый Татьянин день; чѣм-то порадует нас матушка первопрестольница?

Рабочих на улицах не видно почти совершенно; говорят, будто бы вся масса их повалила в Петергоф к царю; войска исчезли тоже, вѣроятно они стянуты к мѣстопребыванію Высочайших особ.

На улицах увеличилось количество мужчин, просящих милостию — безусловно не профессиональных нищих. Это несомнѣнно один из результатов неудачной забастовки.

Теперь у нас, можно сказать, дѣйствительно полная свобода печати: «Правительственный Вѣст-

ник» может печатать все, что ему угодно, — опровергній не будет! Этим он пользуется и сообщает, раздѣленныя на пять, цифры убийств. Свѣдующіе люди находят, что он дѣстует еще по-божески.

Отовсюду, начиная с рабочих, слышно о намѣреніи послѣдних расправиться со студентами; что за счеты между ними, опредѣленно не знаю, но озлобленіе на них большое. Чуть ли не им, многие приписывают даже неудачу дѣла. В общем, думаю, что иностранные корреспонденты, понавхавшіе в Питер, «наблюдать революцію» поражены: революціонеры-рабочіе вели себя спокойно и корректно, а буйствовали и безобразили гвардейскіе офицеры и хулиганы. Нда, во всякой странѣ свои обычай!

13 января. Тихо. Жизнь вошла в обычную колею, хотя по Невскому изрѣдка лѣниво патрулируют маленькие отряды городовых с околоточными во главѣ. «Революція» кончилась... На стѣнах домов расклеены вездѣ обращенія министра финансов и генерал-губернатора к рабочим, в которых увѣряют, что государь император близко принимает к сердцу интересы рабочих, а потому призывает их возвратиться к работам.

В переводѣ на болѣе понятный язык это значит, что будет устроена комиссія для разбора этих интересов и нужд, в помощь ей дадут штук пять подкомиссій, и пойдут они препираться и переписываться, дондеже свѣт стоит.

Свящ. Гапон, как увѣряют теперь, только контужен, и рабочіе скрывают его; в городѣ начались аресты, причем иных забирают и сажают, как острят, «до отысканія причин». Во многих гимназіях, напр. у Гуревича, у Стоюниной, у Стеблин-Каменской открыто идут сборы на рабочих; уни-

теля Тенишевского училища и Стоюниной (называю тѣх, о которых мнѣ известно достовѣрно), бесѣдуют с учениками о послѣдних событиях, оцѣнивая их, разумѣется, по заслугам. Присяжные повѣренные устроили тоже нѣчто в родѣ стачки и рѣшили пока воздерживаться от веденія гражданских дѣл.

Все это показывает, насколько назрѣла потребность в ином режимѣ в обществѣ.

Да 9 января был момент, когда Николай II мог разом повернуть курс исторіи в свою пользу; риска с его стороны не было, но даже если бы и был — момент требовал и стоил его! Прими царь депутатію на площади, обставил, пріем нарочно возможно тержественнѣй и призрак революціи, которой так боится он, разом бы померк и отошел вдали. Одним ударом пріобрѣл бы он популярность и любовь в странѣ — и он этого не сдѣлал, не схватил чутЬем того, что висѣло в воздухѣ, чувствовалось всѣми! Царизм проиграл сраженіе, это несомнѣнно; скольких сторонников он разом сдѣлал врагами себѣ!

Нѣкоторые из раненых рабочих вѣй себя восклицали: «нѣт теперь ни государя, ни Бога!»

Слово «бомба» и сожалѣніе, что онѣ не пущены были в ход, слышится вездѣ, во всѣх кружках, даже самых умѣренных; революціонеры увѣряют, что движение рабочих застало их врасплох; это — ложь, так как только мертвые не знали в Петербургѣ о готовившемся событии, и только наивное простонародье могло полагать, что все произойдет именно так, как оно хочет.

На Малом проспектѣ избивали сегодня студентов; одни ли рабочіе упражнялись в этом, или

благосклонное участіе принимали и другіе — не знаю!

В общем точную цифру убитых и раненых привести нельзя, так как очень многие были увезены прямо на собственные квартиры или к частным докторам, и узнать о них можно только случайно; во всяком случае, судя по свѣдѣніям идущим со всѣх сторон, количество пострадавших в эти дни надо считать около полуторы тысячи человѣк и отнюдь не болѣе 2.

Почты из Германіи сегодня не было: почтовые чиновники привезли вѣсть, что там грандіозная забастовка и разрушен путь близ Эйдкунена.

14 января. Жизнь вошла в обычную колею; заводы и фабрики начали кое-гдѣ работать.

Город полон рассказов и толков о произошедшем; мрачное и сильное впечатлѣніе производят рассказы лиц, искающих по больницам пропавших близких и видѣвших груды трупов. Только очень и очень немногим «по протекції» разрѣшено было взять своих покойников из больниц; остальным обѣщали выдать мертвцов в понедѣльник, но когда тѣ явились за ними утром — мертвція и сараи были уже пусты: полиція, чтобы избѣжать новых манифестацій, в ночь вывезла всѣх на Преображенское кладбище и похоронила в общих могилах; гдѣ кто зарыт — неизвѣстно. В гробы-ящики складывалось по 4 и болѣе человѣк; один знакомый, имѣющій родственников, служащих на Николаевской желѣзной дорогѣ, говорит, что убитых вывезено было на Преображенское кладбище сорок вагонов. Так ли это в дѣйствительности, и по скольку человѣк находилось в этих 40 вагонах — судить не берусь и, если окажется возможным, постараюсь

выяснить в будущем; думаю только, что цифра очень преувеличена.

Высланы за границу два корреспондента-француза, за распространение свѣдѣній, несогласных с данными «Правительственного Вѣстника». В послѣднем появилась сегодня телеграмма, произведшая на многих гнусное впечатлѣніе: будто все движеніе рабочих было устроено на деньги Англо-Японского союза, приславшаго для этой цѣли в Россію 18 миллионов. Может быть какіе-нибудь кружки, неразборчивые к средствам, и пользовались японскими деньгами, но рабочіе чисты. Кто видѣл их в то время, тот не может сомнѣваться в этом: люди шли за идею, а не подкупленные. Наконец, за разбитіе Петербургских стекол это слишком большая плата; за 18 миллионов можно бы было устроить кое-что посерѣзнѣе!

Ог врачей, лично принимавших у себя на квартирах раненых во время беспорядков, слышал, что раны многих, несмотря на малый калибр пуль, были ужасны; никелевые оболочки на пулях прескверныя, и, надрываясь еще в стволѣ ружья, дѣйствовали как пресловутыя «дум-дум». Война отошла совсѣм на задній план и даже еще дальше; что там творится — никто ничего не знает, да и не хочет знать.

На улицах продаются, кроме офиціальных, московскія газеты и еще какое-то, неизвѣстно когда вынырнувшее на свѣт «Военное Время».

15 января. Вышли почти всѣ газеты; писать что-либо о беспорядках им запрещено, и «Новое Время» прямо заявило, что кроме перепечатки из «Правительственного Вѣстника» ничего сообщить не может. «Слово» и «Русь», несмотря на это, по-

мъстили дѣльныя передовыя статьи, и, надо думать, попадут на цугундер.

Завтра ожидаются студенческие беспорядки.

16 января. В редакціях газет «Наші дні» и «Наша жизнь» и у сотрудников их произведены были усиленные обыски; проф. Ходского, редактора второй, раздѣли чуть не до рубашки. Газеты эти не выходили до сих пор, так как забраны все статьи и все материалы из редакцій. Вѣроятно, Трепов прослушал, что названные газеты рѣшили пойти на закрытіе и собирались подробно описать события этих дней, и напечататься притом в огромном количествѣ экземпляров для возможно широкаго оповѣщенія Россіи.

17 января. Никаких студенческих демонстрацій вчера не было. Студенты спѣшно запасаются штатским платьем, так как со всѣх сторон сообщают о случаях избіенія их рабочими.

Знаменитая телеграмма о 18 англо-японских миллионах оказалась фабрикаціей нѣкоего Череп-Спиридовича; Сергѣй расклеил ее в тысячах экземплярах по Москвѣ и только тогда, так сказать с полувысочайшей санкції, ее напечатали в Петербургѣ правительственные газеты. Англійскій посол заявил протест и справедливо: в глупости обвинять англичан нельзя!

18 января. Идут усиленные аресты. Арестованы: Максим Горкій, Богучарскій, Анненскій, Пименова, Кар'ев, Мякотин и т. д. — цѣлый ряд литераторов.

Утром не прибыла почта из Варшавы; почтальоны, пріѣхавшіе оттуда, передают, что там бунт, и Варшава горит. Все возможно! Наступают словно послѣднія времена государства Русскаго. За что ни ухватись — все ползет по швам!

Ім'єм газеты, «гласность», а живем, как в лѣсу. В газетах в изобилії им'ються свѣдѣнія о том, что дѣлает король на Сандвичевых островах, и ровно ничего о том, что творится у нас кругом. Москва и дальнишіе города правду о нас узнают только с «оказаіей», письма же по почтѣ не доходят, на что слышатся повальная жалобы. Перлюстрація производится грандіозная. Не доходят даже телеграммы, срочныя и с оплаченным отвѣтом, если касаются событий 9 января: знаю этому примѣры...

Дикія, темныя времена!

19 января. Толки об отказѣ Семеновского полка участвовать в избіеніи, по провѣркѣ, оказались миоом.

В «Інвалидѣ» опубликована отставка «по болѣзни» кн. Святополк-Мирскаго.

Среди мрачных исторій нашего времени приходится отмѣтить иногда и перлы высокаго юмора. Так святѣйшій (?) синод «по указу Его Императорскаго Величества» опубликовал и приказал вставить в церковныя ектены слѣдующія два прошения.

1. О еже не помянути грѣхов и беззаконій наших и истребити от нас вся неистовыя крамолы супостатов, Господу помолимся.

2. О еже утвердити в земли нашей безмятежіе, мир и благочестіе, Господу помолимся.

Господа Бога тревожат — Он-де все выслушает, — а на собственный хвост оглянуться нужным не находят!

20 января. Из газет узнал, что вчера государством была принята какая-то подозрительная депутатія рабочих... Не лучше ли бы было начать с этого, а главное не припугивать каких-то полити-

ческих тенденцій к дѣйствительным цѣлям дѣйствительных рабочих???. Фраза из рѣчи его: «я вас прощаю» — это верх изумительности! Людей разстрѣляли, избили за желаніе видѣть царя и изложить лично ему свои нужды и их же милостиво прощают за это!!.

По слухам, Гапон находится в Швеціи и уже прислал оттуда прокламаціи к рабочим. Город кишит прокламаціями: есть между прочим «призывы к революції», подписанныя Горным и Технологическим Институтами.

21 января. Вчера провалился Египетскій мост, но к счастью, никто не убит и не утонул. Судьба, кажется, хотѣла отомстить за петербуржцев; вмѣстѣ с мостом рухнула в Фонтанку часть эскадрона конных гренадер, переѣзжавших рѣку, тоже достаточно-таки отличившихся в битвѣ 9 января. Крушеніе моста надѣжало много шума; что такое был этот мост — говорит катастрофа, а как чинили его, расскажу я со слов подрядчика, три года тому назад умывшаго руки и отошедшаго на покой.

Мост этот нужно было разобрать и поставить новый; вмѣсто этого «на ремонт» его было ассигновано думой 575 р. Но и эта сумма значилась только на бумагѣ, подрядчику же выдали всего 175 р., заставив расписаться в полной суммѣ... правда, зато никакого ремонта с него никто не спрашивал. «И так в Россіи все ведется!» воскликнешь вмѣстѣ с Шекспиром.

Прѣѣхавшій с театра войны профессор Академіи генерального штаба Колюбакин рассказывает, что настроение войск бодро дѣйствительно, а не по газетным версіям; в Куропаткина вѣрят, но у послѣдняго не хватает рѣшимости. Это, впрочем,

видно и из картин бывших уже боев. Интересны отзы́вы о Стесселѣ: «мерзавец и трус». В Китайскую войну его выручила храбрость Анисимова, командира 12 стр. сиб. полка; в штабѣ знали, что это за гусь, и когда он остался на Квантунѣ главным начальником, Куропаткин, бывший еще тогда в подчинении у Алексе́ева, хотѣл отозвать его перед самой осадой Артура, но Алексе́ев отказал в этом: Стессель умѣл заискивать перед ним.

Генералы Фок, Смирнов, Кондратенко — всѣ были в ссорѣ со Стесселем, Смирнов даже не разговаривал с ним, и только Кондратенко, ведшій всю оборону, был между ними связующим звеном.

Записываю этот рассказ, так как то же самое слышал от многих военных, близко стоящих к дѣлам Востока.

Как мы ведем войну и чего стоим в настоящее время, показывает слѣдующее: Владивосток — исконная крѣпость на Дальнем Востокѣ, хорошо укрѣплена с моря; с суши же возведены так называемы «временные» укрѣпленія, т.-е. способные противостоять лишь полевым орудіям. Такого сорта формы «найдены достаточными», так как с суши мы «не предполагаем» возможной осаду...

Под Порт-Артуром мы «не предполагали» возможным употреблять для осады орудія свыше 6-д., японцы же привезли 11-д., и все попшло к черту от этих «не предполагавшихся» снарядов.

Словом, за всѣ эти окааавшіяся «непредположенія», нам наколотят шею, и кто же — вчерашніе «макаки», предлагавшіе нам перед заключением договора с Англіей союз, от которого мы отказа-

лись, как от чего-то с величием Россіи несогласного, чутъ ли не унизительного!

Особенно возмущают военных два факта: отсутствіе в такое особенно страдное время главного работника и вдохновителя в их мірѣ — именно начальника главнаго штаба. Очевидно, говорят, эта должность не нужна, раз во время войны, в теченіе почти года не замѣщают ея. Дѣйствительно: с начала кампаніи, т.е. с уходом Сахарова в министры, мѣсто начальника гл. штаба пустует. В штабѣ идет неурядица, так как кому охота впрыгаться в лямку каторжника для того, чтобы по окончаніи войны предоставить это мѣсто другому? А между тѣм, что может быть важнѣе начальника главнаго штаба в военное время?

Затѣм негодуют на замѣщеніе важнѣйшаго в военном отношеніи из генерал-губернаторств—Туркестанскаго, интендантским генералом Тевяшевым, человѣком не только глубоко ограниченным, но и буквально ничего не знающим, кроме цѣн на солдатскіе штаны. Всѣ эти «веселенькия» явленія, за которыхя потом приходится платиться цѣлой страной, результаты протекцій...

Министром внутренних дѣл назначен бывшій московскій губернатор Булыгин; Трепов, Булыгин все это ставленники Сергія Александровича, и хорошо ждать от них трудно.

Как выясняется, депутація ходившая к царю — простой «ход» перед западом, общественное мнѣніе котораго надо было чѣм-нибудь умаслить. Собрана она была по распоряженію полиції, явилась во дворец в видѣ толпы безмолвных баранов для выслушанія заранѣе написанной рѣчи, и тольк... Судя по газетам, пародія эта за границей, ка-

жется, имѣла успѣх. Впрочем, развѣ можно в наше время узнать правду из газет??.

22 января. Министр юстиціи, Муравьев, совершил новый ловкій ход: получил назначеніе в итальянскіе послы...

В достопамятное собрание министров, обсуждавших с государем вопрос о конституції, Муравьев отличился наиболѣе консервативной рѣчью; вмѣстѣ с безсмертным кащеем Побѣдоносцевым они доказали, что государь (это «самодержавный»-то монарх!) не имѣет права ограничивать власть свою.

У революціонных партій Муравьев давно за несен на черную доску; послѣ же татарской рѣчи его с ним рѣшено было управиться, как с Плеве, и Муравьев был извѣщен, что имя его стоит первым в спискѣ осужденных на смерть. Любитель самодержавія, как умный человѣк, почуял, что в воздухѣ дѣйствительно начинает пахнуть бомбами, и увильнул в послы, не теряя значенія и положенія, добытых им в жизни подобными же ловкими изворотами.

Так судят о произошедшем в обществѣ, и вот слова, которыми неизмѣнно сопровождаются разговоры о нем: «ловкая каналья». Этот эпитет Муравьев имѣл полное право включить в герб свой!

Сегодня уже в правительственном сообщеніи число убитых 9 января (перечислены по фамиліям) возрасло до 130. Эта цифра тоже невѣрна, так как в нее включено еще только одиннадцать неопознанных трупов, между тѣм в дѣйствительности неопознанными осталось не мало, да иначе и быть не могло при спѣшкѣ с похоронами и по многочисленности мѣст, гдѣ были разбросаны мертвые.

23 января. Уволена артистка Императорских театров — Кузя.

9 января она проезжала в своей каретѣ мимо стоявшего отряда Преображенского полка и высунувшись из окна, крикнула офицерам: «поздравляю вас с первой победой! Ей пустили вслѣд ругательства, а затѣм донесли по начальству, и в результате Кузѣ было предложено оставить труппу.

На театрѣ войны творится, чорт знает что. По имѣющимся у меня свѣдѣніям из академіи генерального штаба, Гриппенберг дал телеграмму государю, в которой заявляет, что служить болѣе с Куропаткиным и лить понапрасну кровь он не желает и просит уволить его. Поездную битву завязала его армія, одержала уже успѣх, но Куропаткин не только не поддержал, но еще приказал отступить; во время отхода мы потеряли 10.000 чел., между тѣм как атака и взятие японских позицій обошлась всего в 2.000.

Гриппенберг вызван для личных объясненій к государю.

Так торжественно отправленный на войну, чуть не тріумфатором. Скрыдлов явился с ней сильно поджав хвост и, кажется, на этом франтѣ, весь вѣк занимавшемся фокусами и саморекламированьем, поставлен окончательный крест. Еще болѣе раздутая знаменитость—Стессель выясняется все болѣе и болѣе во весь рост и в самом гнусном видѣ... Как это все больно, как это обидно! Все это очень волнует общество.

24 января. Оттепель. На 28 января ожидаем манифеста, которым будет нам «все» дано, что желаем... так будто бы выразился Трепов и Георгій Михайлович (великій князь). Блажен, кто вѣрует!... А пока, в ожиданіи манифеста, по городу

распространяются неизвестно гдѣ напечатанные памфлеты и стихи на царя и царицу.

26 января. На Путиловском заводѣ — пострадавшем болѣе всѣх во время разстрѣливанія, и на резиновой мануфактурѣ опять нелады и забастовка. Рабочіе возмущены приказом Трепова о назначеніи им депутаціи к государю, причем выбрать в депутаты приказано только «из благонадежных», т.-е. по усмотрѣнію полиціи, а не тѣх, кого хотѣли бы рабочіе. Разумѣется, «депутація» эта только и могла, что упасть в ноги и окончательно осрамить их дѣло, к которому свыше, для оправданія себя, так ловко успѣли уже под克莱ить революціонную подкладку. И как быстро гипнотизируется общество: люди, вчера еще знаяшіе истинное положеніе вещей, послѣ увѣренной правительственной лжи, начинают сомнѣваться, а многіе и вѣрят в нее!

Арестованных писателей, профессоров и т. д. выпускают одного за другим. Спрашивается — для чего было сажать их? Для пущаго озлобленія общества?

В учебных заведеніях — говорю про высшій смута. Рѣшаются вопросы об общей забастовкѣ; среди младших курсов недовольство против нея большое, так как, в случаѣ прекращенія занятій в этом году, первые курсы снова должны держать конкурсные экзамены. Трепов вчера, соавав высшіе персоналы институтов и др., заявил им, чтобы было произведено голосованіе среди учащихся относительно продолженія занятій. Если за послѣднее окажется большинство — меньшинство будет исключено, и занятія пойдут своим чередом; если наоборот — всѣ высшія учебныя заведенія будут им закрыты на год, а учащіеся не только навсегда

исключены, но и всѣ высланы из столицы, без права въезда в нее.

28 января. В мастерских Варшавской жел. дороги убит рабочими главный мастер; по слухам, на Путиловском подготовлялось убийство цѣлаго ряда мастеров, но кто-то выдал заговор, и мастера успѣли скрыться, а выдавшій и вмѣстѣ с ним еще нѣсколько человѣк поплатились жизнью. Так говорят в городѣ, добавляя, что убит Смирнов — злосчастный упрямец, из-за которого и начал бастовать Путиловскій завод, гдѣ он состоит директором. Около трех часов дня туда спѣшно поскакал конногвардейскій эскадрон и жандармы; дѣло там несомнѣнно неладно.

В Казанском соборѣ служили сегодня панихи-ду по Михайловском; народа, главным образом, всякаго студенчества, набралось гибель; по выходѣ толпа запѣла «со святыми упокой», но была разсѣяна полиціей и казаками; говорят, опять поработали нагайки; но много ли и как — еще не знаю.

Манифеста, разумѣется, нѣт как нѣт. «Обѣщанного три года ждут», говорит пословица. И получают кукиш, добавлю я от себя!

29 января. Мстят Максиму Горькому: по распоряженію властей снимают вездѣ с репертуара новую пьесу его «Дачники». Ставят, говоря иными словами, Горькаго в угол... то-то умники! По городу ходит басня, будто бы в пресловутые дни этого мѣсяца ожидали революцію и уже было выбрано (кѣм?) временное правительство, среди которого

значился и Максим, вслѣдствіе чего его и арестовали.

3 Февраля. На заводах все еще неспокойно, то тут, то там происходят забастовки. Всѣ слои общества, даже московское купечество, дружно высказываются за конституцію; есть адресы к государю, написанные прямо замѣчательно. Начинаются елейно, а кончаются неизмѣнным припѣвом о земском соборѣ. Эти два слова теперь у всѣх на языкѣ.

В Тенишевском училищѣ произошел водевильчик — по плевенским временам трагедія. Среди уроков явился в один из классов министерскій инспектор (училище это в вѣдѣнїи министерства финансов) и задает одному из учеников вопрос — что вы проходите теперь по исторії? Ученик попался, как на грѣх, недалекій. «Об ограниченіи императорской власти в Россіи» — выпалил простофиля.

Конечно, произошло замѣшательство; кто-то усиленно стал подсказывать «в царствованіе Анны Ioannovны», но впечатлѣніе было уже произведено. Инспектор встал и, заявив: «я, вижу, застал вас здѣсь врасплох!» с многообѣщающим видом оскорбленной добродѣтели удалился. Острогорскій (директор) рѣшает теперь шараду: что будет с ним и училищем; оно давно «в подозрѣнїи» у начальства, или у бюрократіи, как теперь в модѣ выражаться.

4 Февраля. В Москвѣ убит взрывом бомбы главный совѣтник государя, великий князь Сергѣй Александрович. Телеграммы об этом произвели большой и притом радостный эффект в городѣ: «кто будет № 2?» задают вопросы друг другу. Ставленники Сергѣя — Трепов и Булыгин очутились, без почвы под ногами и вряд ли будут долго у власти.

Положеніе Трепова глупѣйшее: сидит вмѣсто государя во дворцѣ безвыѣздно, как в казематѣ, под охраной сыщиков и пр. челяди; как будто может все сдѣлать, но в сущности властен только над маленькими людьми, а большіе щетинятся, особенно Государственный Совѣт.

5 февраля. Сергія разорвало на куски... Кинул бомбу субъект в рабочем костюмѣ лѣт 35, говорит с иностранным акцентом. Работа заграницная, что говорить! И тут нам, видно, «нѣмец» потребовался! Петербуржцы не только радуются, но и поздравляют друг друга с этим убийством. Славную репутацію заслужил покойник!

Выпущен Высочайшій Манифест, по обычаю высокопарно надутый и приглашающій всѣх соединиться в молитвах за упокой души Сергія и выскаживающій увѣренность, что вся Россія раздѣляет скорбь царствующаго дома. Люди радуются, а их скорбѣть зовут!

Интересно, как будут хоронить Сергія; в Питер везти опасно: хватят бомбой в процессію — разом от всей фамиліи только мокре мѣсто останется; полагаю, что выдумают благовидный предлог и погребут его в Москвѣ, гдѣ он царствовал. И чего ради люди так судорожно держатся за власть: живут, как загнанные звѣри в норах, боятся покаться куда-нибудь, дрожат перед каждым шагом и все-таки не хотят поступиться ничѣм! Именно «ничѣм», так как в сущности, что такое, как не Фікція, власть теперешняго государя? — это власть — Плеве — Сергія — Марії Федоровны — Витте и т. д. и т. д... только не его самого. А уж им ли бы не жить, что называется, в сласть?

Пріѣхал с войны Гриппенберг.

6 февраля. Высшіе круги возмущены при-

бытіем Гриппенберга; запальчивый генерал кинул, как увѣряют, армю и прискакал в Питер без всякаго разрѣшенія. Поступок смѣлый, и настолько-крупный, что надо думать, что у Гриппенберга есть и большія основанія к нему.

7 февраля. На заводах вездѣ работают, но поговаривают, что мы наканунѣ общей желѣзно-дорожной стачки; Виндавская дорога уже не работает. Окончательно прекращены занятія и во всѣх высших учебных заведеніях. Оригинальным путем идет у нас революція: забастовками!

Вел. князь Владімір, Марія Федоровна и Трепов говорят, получили и продолжают получать письма с извѣщеніями о приговорѣ их к смерти. Никто из высочайших на улицах не показывается, а еще недавно стоило выйти на Невскій или Морскую, и непремѣнно встрѣтишь кого-нибудь из них.

На три мѣсяца поставлены в угол газеты «Наша Жизнь» и «Наши Дни» за «непрекращающееся вредное направление».

8 февраля Грандіозная обще-университетская сходка студентов приняла резолюцію: прекратить занятія до сентября мѣсяца. Такія же вѣсти приходят и отовсюду. Сходка, между прочим, закончилась скандалом: один из студентов вынул красный флаг с надписью: «долой самодержавіе» и воткнул его в громадный портрет государя, стоявшій в залѣ. Затѣм портрет был разодран окончательно.

9 февраля. Завтра «временно» хоронят в Москвѣ то, что осталось от Сергѣя; ни государь, ни братья убитаго присутствовать не будут...

Прощен жившій до сих пор за границей вели-

кій князь Павел Александрович, попавшій в опалу за женитьбу на баронессъ Пистолькорс.

11 февраля. Воспрещена розничная продажа газеты «Русь». На заводах опять нелады, многие остановились.

13 февраля. Забастовки охватывают всю Россію; на нѣкоторых желѣзных дорогах прекращается движеніе; на Кавказѣ идет форменная рѣзня; прекратили рейсы в Батум пароходные общества русскія и иностранныя... Картинка, в общем, размыщленія достойная!

Напомнили мнѣ сегодня очень давно слышанный мною разсказ об разговорѣ Николая I с известным Авелем. Николай велѣл его позвать к себѣ и спросил, кто будет царствовать послѣ его сына, Александра.

— Александр, — отвѣтил Атель.

— Как Александр? — изумился император. — Старшаго сына его зовут Николай! (в то время послѣдній был жив и здоров).

— А будет царствовать Александр, — подтвердил Атель.

— А послѣ него?

— Послѣ него Николай.

— А потом?

Монах молчал; царь повторил вопрос.

— Не смѣю сказать, государь, — отвѣтил тот.

— Говори!

— Потом будет мужик с топором! — сказал Атель.

Рассказ этот я слышал еще мальчиком в царствованіе Александра II.

Не грядет ли и впрямь царство мужика с топором?

Интересно, как широко охватила идея освобождения не только все классы, но и все взрослые: в гимназии Стоюниной по получении известия о смерти Сергея, священник решил отслужить панихиду и на уроке заявил об этом классу, добавив, что это долг всех върноподданных.

«Совсем мы не върноподданный!» дружно закричали девочки (лыт 14—15), и ни одна на панихиду не явилась. У Гуревича вышло еще проще: на приглашение идти в церковь гимназисты ответили, что если будут служить молебен по случаю происшедшего, то они пойдут, на панихиду же идти не желают. И не пошли.

Святейшие эти безусловно върныя.

Среди забастовок есть и курьезные: забастовала... консерватория. Требование ее сводится к уменьшению платы, и праву бесплатного посещения опер (это тогда только для них одних Мариинский театр существовать будет!) и т. д. Единственный разумный пункт, кроме первого, — требование вежливого обращения со стороны профессоров и профессорши, позволяющих себе отпускать учащимся «дураков» и «дур» и сравнивать их по таланту с коровами и другими, столь же музыкальными особами.

16 февраля. Привалил Стессель; у Знаменья и на противоположной стороне Невского стояли небольшие кучки народа, замечался усиленный наряд полиции — и только. Ничего подобного встретил «Варягов» и «Корейцев»... На вокзале его приветствовали разные «председатели», но в общем все прошло незаметно... Бросалось только в глаза полное отсутствие моряков; между последними и стесселевцами идет какая-то вражда, но из-за чего, почему — неизвестно.

Почтамт во вабудораженнем настроеніи: в экспедиції его подкинули прокламаціі с угрозами взорвать зданіе, если к 19 февраля вся не забастуют. Многіе этой ерундѣ вѣрят и сильно встревожены; трусит между прочим и Ермолай и шатается по экспедиціям в неурочные часы для поддержанія бдительности в своих подчиненных.

17 февраля. На 19 число ждем чего-то грандіознаго во всѣх отношеніях. Со всѣх сторон говорят о новой забастовкѣ, о серьезных погромах и стычках с оружіем в руках против войск. Объщана даже новая Вареоломеевская ночь. Каково настроение у многих — можно себѣ представить; всякий слух принимается на вѣру, и достаточно будет произойти пустяку, чтобы вспыхнула паника.

20 февраля. Полное спокойствіе. Ночи на 18 и на 19 дворники во всѣх домах под командою старших просидѣли спрятанные за воротами; войска были наготовѣ тоже, но и 18 и 19 — сорочины 9 января — прошли тихо, несмотря на многочисленныя прокламаціі, усердно разбрасывавшіяся по заводам и в которых вся призывались к возмездію «Николаю Кровавому».

Этой ночью Петербург казался вымершим: на сравнительно оживленном всегда Невском и пр. улицах совершенно не встрѣчалось обычных путников из интеллигенціі; изрѣдка попадался кое-кто из простонародья. Так напуганы питерцы объщаніем Вареоломеевской ночи!

26 февраля. В 4 ч. утра сегодня в меблированных комнатах «Бристоль», что против Исаакіевского сквера, произошел взрыв. Выбиты рамы и стекла во всей серединѣ дома, причем особенно сильно пострадал второй и первый этажи. В 10 ч.

утра я проходил мимо; проезд для экипажей около дома закрыт конной полицией; окна сплошь исправляются. Передают, будто виновник взрыва — какой-то субъект в формѣ студента; катастрофа произошла в его комнатѣ; есть убитые и раненые, так как разрушены и соседнія комнаты в обоих этажах. Вѣроятно, приготовлялась бомба, угодившая в самого автора...

На войнѣ новый разгром: взят японцами Мукден, сожжены наши миллионные склады и т. д., и т. д.
4 марта. Высочайшим приказом смѣщен Куропаткин и назначен Линевич.

6 марта. Носятся слухи об арестах в Пажеском корпуſѣ. Взрыв в «Бристолѣ», разорвав на куски виновника и превратив в щепки всю комнату, случайно не тронул чемодана, в котором отыскались переписка и разныя бумаги, указавшія на прикосновенность к дѣлу камер-пажа, фельдфебеля роты Его Величества, Верховскаго При обыске у послѣдняго нашли будто бы бомбы... Кроме него, говорят, арестованы и посажены в Петровавловку еще три пажа.

9 марта. Уже недѣли двѣ или болѣе, как измѣнены (безо всякаго оповѣщенія публики) баннероли на папиросах: с них исчез государственный герб — орел. Это подало повод к толкам, что акциз с табака и винный негласно проданы правительству Ротшильду. Говорят об этом усиленно.

14 марта. Слух об арестѣ в Пажеском корпуſѣ подтверждается. Биржа угнетена страшно, и реята наша опустилась еще. Объявлен новый заем по курсу 96 за 100 и 5½% заем этот внутренній, так как виѣшній не удался... между тѣм заем японцев прошел с успѣхом! Вѣсти со всѣх сторон плохія: в Варшавѣ пошли в ход бомбы, в десятках

других городов — стрѣльба губернаторов, полицей-майстров и даже городовых. Мужики грабят помѣщиков; словом, разлад и безпутица полнѣйшія... Настроеніе у большинства какое-то устало-подавленное: первы притупились. Всѣ разговоры, сходки, волненія наши, порывы — все это толченіе воды в ступѣ! Уж теперь ясно видно, что пресловутая конституція будет простое надувательство, «обман глаз», как говорит народ, и ничего болѣе. Ждать пути приходится только от бомб и только на них и начинает расчитывать все большее и большее число людей. Указывают на май мѣсяц, как на срок наступленія революціи; я в это не вѣрю — слишком много называли нам сроков, и ничего в эти сроки не было!

17 марта. Около 1 $\frac{1}{2}$ ч. дня на Морской произошло загадочное событие. Трое одѣтых в штатское платье проходили мимо стоявшаго на углу Почтового пер. посыльного; один из них толкнул его; посыльный огрызнулся, и в ту же минуту двое других штатских разом схватили его сзади. Посыльный успѣл вырвать из своего кармана револьвер и сдѣлал два выстрѣла, но оба впустую. В ту же минуту у мѣста свалки оказалась карета; в нее втиснули схваченнаго, и всѣ трое штатских умчались с ним. Оказалось, что штатскіе были сыщики и уже два дня выслѣживали посыльного. Исторія послѣдняго такова: нѣсколько дней тому назад на упомяннутом углу появился новый посыльный; мѣстные артельщики стоявшіе на противоположном углу, конечно, сейчас же примѣтили коллегу, но никто не знал его. На другой день они дали знать в полицію, что появился самозванец в формѣ их артели; учредили за ним надзор, и посыльный оказался совсѣм другой птицей. Кого караулил

незвѣстный — не знаю; говорят, будто Трепова, ко-
торый впервые за все время сегодня рѣшился, на-
конец, выѣхать в Государственный Совѣт.

Придет же в голову нелѣпая затѣя переодѣ-
ваться в форму артельщиков, знающих друг друга
на перечет, и помѣщаться перед глазами у них! Не
богат мозгами, видно, попавшійся.

18 марта. Из двух источников слышал, что
на наслѣдника, маленькаго Алексѣя, произведено
было покушеніе. По одним версіям его хотѣли
украсть, по другим задушить, причем мамка яви-
лась спасительницей его. Преданіе свѣжо, а вѣрится
с трудом!

21 марта. Говорят, будто на Морской в
Трепова стрѣляли, но неудачно. Не преувеличила
ли молва происшествіе на уг. Морской и Почтамс-
каго пер.? Даже количеством выстрѣлов они
сходятся.

Всюду толкуют о близкой революціи, полити-
ческие разговоры просто отточняли: гдѣ собрались
двоє, там уже идут горячие дебаты о политикѣ; вся
Россія, можно сказать, состоит теперь из министров!

3 апрѣля. Многіе с тревогой ждут наступ-
ленія мая; со всѣх сторон на него указывают, как
на мѣсяц, в который должна произойти революція.
Так ли или не так, только правительство, видимо,
подготовляется к худшему; с Дона, напр., выписаны
еще казаки, ни одна гвардейская часть не посы-
лается на войну и т. д. Слышал, что рабочіе воору-
жены чуть не поголовно; деньги и оружіе будто
бы в большом количествѣ непрерывно идут к ним
из-за границы. Вообще толков и арестов много;
многіе обыватели намѣреваются покинуть Питер и
переселиться на дачи до 1 мая; дачи в Финляндіи идут

нарасхват, так как только эта окраина признается теперь наиболѣе безопасной от грядущего террора.

Не мало разговаривают о каком-то загадочном происшествії: застрѣлился молодой гвардейскій офицер и двѣ родственницы, кажется, племянницы Трепова; причина — открытие их участія в чём-то политическом.

6 апрѣля. Все сильнѣе разгораются толки о грядущих беспорядках. Срок наступленія их перенесли уже на первый день Пасхи, и намѣченными жертвами называют не болѣе и не менѣе, как всю питерскую интеллигенцію. Слухи об этом ходят повсюду; многіе уезжают, другіе собираются выѣхать из города; общее настроение тревожное. Слышал, будто бы нѣсколько лиц, пользующихся нѣкоторой популярностью среди рабочих, получили анонимныя дружескія предупрежденія от них; затѣм будто какая-то дама, учительница, встрѣтила в глухом мѣстѣ вечером бояка и на просьбу его о милостынѣ дала ему, со страха, все, что имѣла с собой — рубль. Бояка, оказавшагося безмѣстным рабочим, это так тронуло, что он в видѣ благодарности сообщил учительницѣ, что на первый день будут избенія, и она хорошо сдѣлает, если оставит город на всю Святую.

10 апрѣля. Весь город говорит о близких избеніях; уверят, что народ будет врываться в квартиры и избивают интеллигенцію на подобіе Пскова и др. мѣст. В литературных кружках заявляют, что избеніе это организует поліція и пострадают наиболѣе непріятныя правительству лица.

14 апрѣля. Погода теплая и хорошая. Вчера заговорили о тревожащих всѣх слухах «Биржевые Вѣдомости»; сегодня отзвались «Петербург-

ская газета» и «Русь»: в Думу сдѣланы запросы, какія мѣры примет город для предотвращенія погромов.

Лично я в возможность их не вѣрю; Петербург не Кишинев, и правительству устраивать Варфоломеевскія ночи не время; хулиганству же, на которое, между прочим, тоже указывают толки — такая затѣя не по плечу: интеллигенціи адѣсь все же больше, чѣм их братій.

В общем — огромное большинство общества сильно утомлено политиканством, во многих домах гостям ставят условія — о войнѣ и политикѣ не говорить. И правильно!

Осточертѣли всѣ эти нелѣпые толки вкривь и вкось; проку от них нѣт, а только одно раздраженіе и надсадка ушей и горла. Нервничаем всѣ сильно.

15 апрѣля. На улицах расклеены объявленія Трепова, призывающія обывателей успокоиться и завѣряющія, что слухи об избіеніях ложны, и что всякая попытка к чему-либо подобному будет немедленно энергично подавлена.

16 апрѣля. На перекрестках усиленное количество полиції: во дворах многих домов поставлены отряды солдат; вѣсть об этом подействовала успокоительно.

17 апрѣля. Вот и 17 число... Вездѣ тихо и мирно, хотя пьяных хоть пруд пруди с самаго утра. Полиція расправляется с ними энергически. «Ташши» и «непушшай» сегодня дѣйствует в полной силѣ, да оно так и слѣдует: в праздники из Питера хоть уѣзжай, до того отвратителен он со своими потоками пьяных людей на тротуарах, заражающих воздух запахом водки и сверхъественными ругательствами!

Но наканунѣ большихъ праздниковъ, особенно Пасхи, Питеръ интересенъ.

Я всегда встрѣчаю Свѣтлый Праздникъ на улицѣ; кто хочетъ получить настоящее настроеніе, хочетъ ощутить душой праздникъ, тотъ не долженъ идти въ церковь. Домовыя церкви, куда устремляется большинство интеллигентій — это выставки нарядовъ и противны онѣ донельзя; прочие храмы всѣ до единаго способны привести въ изступленіе: тѣснота въ нихъ страшная, давка самая безцеремонная, пихаютъ васъ какъ на рынкѣ и, разумѣется, тамъ ужъ не до настроеній!

Въ прежніе годы я ходилъ обыкновенно въ Александро-Невскую лавру и изъ сада слѣдилъ за службой. Голоса едва долетаютъ вглубь старыхъ березовыхъ аллей, вокругъ церкви толпится народъ съ безчисленными звѣздочками огней въ рукахъ, на колокольниѣ ярко пылаютъ смоляные бочки, фантастически озаряя бѣлые стѣны и колокола.

Наконецъ изъ дверей церкви, склоняясь, показываются хоругви; это красиѣшія минуты — выходитъ крестный ходъ, раздается торжественное «Христосъ Воскресе».

Вчера очень удаляться отъ дома я не рѣшился, хотя и плохо вѣрилъ толкамъ. Прошелъ къ Смольному монастырю, оттуда вернулся по Суворовскому проспекту.

Извозчики, конечно, отсутствовали совершенно, по обѣ стороны безпрерывно лилъ народъ; встрѣчалось довольно много солдатъ и, кое-гдѣ, офицеровъ. Нѣкоторые шли весьма медленно и, дойдя до 2-ой улицы, поворачивали обратно къ Смольному: вѣроятно въ эту ночь были наряжены негласные патрули...

На улицах у церквей везде устроены длинные скамьи для священія пасх; особенно красива была площадь вокруг церкви Рождества Христова, вся полная народом и огоньками; почти у всѣх в руках были пасхи и куличи. В церковь, конечно, прятаться некого было и думать!

Начал накрашивать дождь и я вернулся домой.

30 апреля. Видѣл скверно напечатанныя пишущей машиной прокламації, вѣрнѣе воззванія «революціонного комитета», призывающія к оружію на завтра. Воззванія эти найдены подброшенными на парадных лѣстницах; написаны онъ глупо и все еще твердят про «январскую кровь»... Питерцы уже поостыли к ней; впечатлѣнія так долго здѣсь не держатся!

Сентябрь. Срамная война с Японіей срамно и окончена: мы отдали половину Сахалина, Манчжурскую дорогу и т. д., и т. д. Мир ратифицирован. Ни одной побѣды, ни одной свѣтлой страницы, на которой бы мог отдохнуть глаз! Разнуданность, воровство, бездарность — вот с чѣм выступили мы в борьбу со сплоченным народом. Как и Крымская война, эта открыла нам глаза, но вопрос всѣм ли и надолго ли? Уроки Крыма забыты были очень скоро!

2 октября. Хоронили ректора Московскаго университета князя С. Трубецкого. У клиники Елены Павловны собралась огромная толпа; впереди колесницы выстроились безконечные пары студентов и разных учащихся с вѣнками; полиція почти отсутствовала и порядков не наводила, а потому он был образцовый. Шествіе тронулось на Суворовскій проспект. Я шел почти сейчас же за гробом, но мало-по-малу отстал. Толпа пѣла «коль славен», но крайне нестройно; в одном мѣстѣ пѣ-

ли начало, в другом конец, а в третьем совсѣм иное.

Против Николаевской академіи вдруг раздались крики, вопли, и толпа, как безумная, шарахнулась к тротуарам; многие бросались и влѣзали на желѣзнную ограду. Оказалось, что жандарм, слѣдовавшій близ гроба и на котораго начали кричать из толпы: «долой поліцію, вон сволочь» повернул лошадь и поѣхал прочь. Ближайшиe, думая, что он хочет напасть на них, перепугались и произвели панику в задних рядах. Кое-как всѣ успокоились, шествіе пошло дальше; часть студентов — вѣроятно распорядителей — шедшая близ гроба, опять запѣла «коль славен», позади раздалась марсельеза и «Вы жертвою пали». Жандармы исчезли окончательно и поступили умно.

Когда вышли на Невскій, гроб уже сворачивал к вокзалу. У забора, ограждающаго до сих пор мѣсто будущаго памятника Александру III, виднѣлись шапки и сultаны отряда конной поліції; мы протѣснились до площади, но дальше пройти возможности не было. Гроб уже скрылся, но всѣ стояли и чего-то ждали.

Очень насмѣшила какая-то женщина — в ро-дѣ лавочницы; протискиваясь она назад мимо нас и во все горло заявила: «вот так погребали, с пѣснями!» Это было так вѣрно и так забавно, что всѣ кругом засмѣялись.

Сейчас же позади нас раздалось пѣніе марсельезы; в революціонных пѣснях, главным образом, слышались женскіе голоса. Как бы в отвѣт на это из-за угла, со стороны Гончарной, показался эскадрон конных жандармов; я успѣл выбраться направо к тротуару и стать под защиту желѣзного фонарного столба. Эскадрон доѣхал до Сѣверной

гостиницы; рыжій подполковник, ведшій его, скомандовал перестроеніе; блеснули обнаженные шашки, и жандармы тихой рысью, почти шагом, по три в ряд, двинулись на толщу. Что тут произошло — неописуемо! С дикими воплями, не видя ничего ринулось все в стороны; на тротуарѣ близ нас нѣсколько человѣк упало; моментально образовалась на них цѣлая гора, и по ней неслись студенты, курсистки и т. п. Слышался плач, визг, треск ломавшейся зеленої ограды вокруг насаженных там деревьев; люди лѣзли на них, бросались к дверям домов, куда попало. Напрасно десятки голосов, в том числѣ и я — кричали: «стойте, стойте, ничего нѣт!» — паника продолжалась.

Тѣснимые безусловно никого не трогавшими жандармами, мы выбрались переулочком на 1-ю Рождественскую улицу, и я направился домой. По дорогѣ вездѣ царило смятеніе: спѣшно запирались и даже заколачивались ворота и двери домов, и торговцы с лотками товаров тщетно стучали в них и молили о впускѣ. Жена увѣряла меня, что были 2 выстрѣла; я слышал треск, но увѣрен, что это трещала деревянная ограда около деревьев.

И вот такая-то братія, нервы которой не могут выдерживать блеска обнаженных сабель, идет устраивать демонстрацію! Кстати, сказать, толпу составляла почти сплошь интеллигенція, простонародье было в видѣ единичных исключений.

4 октября. Газеты полны описаниями похорон Трубецкого; тон возвышенно-лирический, особенно у «Руси»; в дѣйствительности же процессы производила даже на нас, участников, далеко не то впечатлѣніе. Шла огромная орда непонимавших друг друга людей, шла прилично и нестройно распѣвала разныя пѣсни. Увѣренія, что были 2 вы-

стрѣла из толпы в жандармов, слышал от нѣскольких лиц; возможно, конечно, но я их во всяком случаѣ не различил, да и зачѣм же было устраивать такую пальбу.

7 октября. Газеты сплошь заняты телеграммами из разных городов Руси о забастовках, демонстраціях, и п. д. Веадѣ на сценѣ войска, патрули и артиллериа. Гражданская война разгорается все больше и больше.

11 октября. Разрастается желѣзодорожная забастовка.

12 октября. Питер отрѣзан от всей Россіи; всѣ желѣзныя дороги, кромѣ отказаннойся примкнуть к движению Финляндской, забастовали. На Николаевской дорогѣ, около Фарфоровского постустанка, разобран цуть. По городу распространяется паника; увѣряют, что сегодня вечером прикроются и забастуют всѣ магазины, и достать что-либо будет немыслимо. Колбасныя, булочныя, бакалейныя и т. п. осаждаются покупателями; всѣ дѣлают запасы провизіи. Цѣна на мясо шагнула с 16 на 22 коп. за фунт.

Всѣ среднія учебныя заведенія закрылись; распустили сегодня и мы свое коммерческое училище. Нѣкоторыя дѣвочки остались у нас, так как живут на Обуховском заводѣ и попасть туда нѣт возможности. Ожидаем больших беспорядков, и, конечно, дѣтям на улицах теперь лучше не показываться.

14 октября. Окна магазинов заколочены досками и щитами; электричество сегодня не дѣйствует. Внутри магазины тускло освѣщены или парой свѣчей, или какой-нибудь грошевой лампочкой; все имѣет такой вид, что при первой тревогѣ

остается только захлопнуть дверь, задуть огонек, и получится нѣчто в родѣ крѣпостцы.

15 октября. В Петер подходит войска из окрестностей; говорят, пришла пѣхота из Пскова и гвардейская кавалерія из Царскаго. На улицах то и дѣло проѣзжают кавалерійские разъезды; ворота домов заперты; за желѣзными рѣшетками их, видны сидящіе в косматых шубах дежурные дворники.

Газет сегодня нѣт. Это — вторичная забастовка их в этом мѣсяцѣ; в первый раз онѣ, трехдневными прекращеніями работ выражали свою солидарность с московскими типографіями.

Царь находится в Петергофѣ, и там же стоит под пароми императорская яхта «Полярная Звѣзда», готовая принять его и отплыть в Данію. Мѣсто зловѣщее: вспомнил бы он Петра III и попытку его уйти в море!..

На углах улиц еще вчера вывѣшены объявленія Трепова, успокаивающія населеніе, причем добавлено, что всякая попытка к беспорядку будет немедленно подавлена; войск достаточно, и им приказано холостых залпов не давать и патронов не жалѣть.

Любопытен слух о забастовкѣ конных городовых; их, дѣйствительно, что-то совершенно нигдѣ не видно.

Магазины торгуют без перерыва; нѣмецкіе булочники остались совершенно без дрожжей и командировали в Выборг одного из своих. Тот привез 15 фунтов, болѣе не мог раздобыть; на весь город это слишком маловато!..

16 октября. На улицах тихо и малолюдно аптеки вездѣ позабыты наглухо досками, так что появилось правительственное сообщеніе о том, что

нуждающимся в лекарствах таковыя будут отпускаться из госпитальных аптек. Говорят, вчера были разгромлены три частных, не желавших бастовать. Вообще забастовки наши далеко не дружны; бастует меньшинство, и только террором заставляет примкнуть к себе остальную массу. Невский проспект вчера вечером и ночью освещался прожектором, установленным на Адмиралтейской башне; эффект замечательный.

Вечер. Электричество капризничает: то на улицах темнота, то вдруг затащат и всыхивают фонари и опять гаснут через некоторое время. Очевидно, на мостах производств идут свалки и одолевает то одна, то другая сторона. Прожектор освещает Невский и сегодня, но нынче он какой-то желтый и освещает сквозь дождь плохо: будто какой-то огромный ярко желтый глаз глядит из мглы и тумана.

Ходят толки, что «революция» произойдет 20 числа, теперь же будто бы все рабочие и революционеры запасаются оружием. Вся эта, хотя бы и вооруженная банда, конечно, и гроша мелкого не стоит перед регулярными войсками, и весь вопрос в том, на чьей стороне будут они. Старший д-р л.-гв. Гусарского полка, А. И. Воскресенский говорил мнъ, что даже за этот полк ручаться нельзя: солдаты толкуют, что «конечно, что говорить — нехорошо это они (т.-е. рабочие) делят, только как тоже в своих-то стрелять?» Словом, часть войск верна правительству, другая ни шатка, ни валка, примкнет к тому, кто будет энергичне, а третья намерена стрелять в тех, кто станет стрелять в народ. Это слова какого-то офицера, сказанные им на митингѣ в университете среди многочислен-

ной толпы; погоны офицера были при этом закрыты платками.

Кстати, на том же митингѣ произошло следующее: какой-то господин попросил слова и предложил всем записать то чрезвычайно важное, что он имѣет сообщить. Кто мог, достали карандаши и бумагу, и неизвѣстный продиктовал толпѣ рецепт бомб и исчез.

17 октября. Тревожное настроение усиливается. В редакції «Всходов» слышал, что было совѣщаніе газетных представителей Петербурга и всѣх, кромѣ князя Ухтомскаго (редактор «С.-Пб. Вѣдомостей») и еще какой-то маленькой газетки, рѣшили следующее: газетам завтра выйти, причем с ценаурными правилами болѣе не сообразоваться и устроить между собою круговую поруку и поддержку на случай закрытія газет правительством. «Союз союзов» разогнан; Политехникум Трепов приказал очистить от студентов (там огромное общежитіе) в 24 часа и пригрозил, в случаѣ сопротивленія штыками. Всѣ высшія учебныя заведенія заняты войсками и пулеметами; увѣряют, будто царь слышать не хочет ни о каких уступках, и в верхних кругах твердо рѣшили «залить революцію кровью». Похоже на ерунду, но тѣм не менѣе записываю, так как об этом усиленно твердят в городѣ, увеличивая общую тревогу. Рассказывают, будто морской министр Бирилев, поѣхавший на Черное море, взорвался или взорван с каким-то броненосцем, а остальная взбунтовавшаяся эскадра ушла, неизвѣстно куда.

Забастовали, т.-е., вѣрнѣе, распущены чиновники Государственного Банка: остановился, можно сказать, послѣдній жизненный пульс Руси.

Забастовала и Финляндская желѣзная дорога вплоть до Гельсингфорса. Питер теперь отрѣзан совершенно.

В министерств произошли тревоги: в Департамент Государственного Казначейства явились сегодня трое каких-то господ (двою узнаты — какой-то присяжный повъренный и помощник присяжн. пов.). Шипов (директор) вышел к ним в коридор, и они предложили ему от имени «временного новаго» правительства прекратить занятія и распустить чиновников. Шипов крикнул на них: «вон отсюда», и послал за стражей. «Временное» правительство быстро ретировалось.

В зданії, гдѣ д-т Шипова, помѣщается цѣлый ряд их; мгновенно о случившемся узнало все чиновничество, высыпало в коридоры и зашумѣло. Стали раздаваться голоса — какое право имѣл Шипов отвѣтить так за всѣ департаменты и т. д. Начало становится довольно бурно, но... появился Федоров (начальник отдѣла торговли), и чинуши попртихли; на просьбу о сходкѣ Федоров отвѣтил рѣшительным отказом, но добавил, что в виду тревожнаго времени, кто боится за себя или за семью свою, тот может неходить на службу.

В Государственном Контролѣ директор созвал своих начальников отдѣленія и сказал то же самое, прибавив при этом, что сам он будет оставаться на своем посту до тѣх пор, пока его не удалят силой, но чиновников своих подвергать этому не хочет, и оставляет поэтому за ними полную свободу дѣйствій.

На улицах тихо. Окна магазинов попрежнему заколочены, но торгуют вездѣ, кроме аптек и газетчиков. Эти политических забастовок устраивать права не имѣют!

Электричество действует почти повсюду.

18 октября. Ура! Мы свободные люди!!!

- Вчера был в гостях у Сиверса (члена ученаго комитета Министерства Финансов): вдруг за ужином раздается звонок; хозяин выпел посмотреть, кто пожаловал, и быстро возвратился с листком в руки.

— Господа, манифест!

Дважды прочли его и от души чокнулись за новую Россію. Нашлись и в нашем небольшом кружкѣ скептики, но в общем шаг вперед сдѣлан; и большая тяжесть свалилась с души!

Ночью возвращался от Сиверса по Невскому; вездѣ горѣло электричество; по тротуарам и за извозчиками бѣгали мальчишки, размахивавшіе листами бумаги и выкрикивавшіе: «манифест! Высочайшій манифест!»

Сегодня на улицах вывѣшены флаги, на углах у расклѣеных манифестов толпятся кучи прохожих. День сѣрый и тусклый.

Говорят, что сегодня Николай пріѣзжает из Петергофа в Зимній дворец, и что манифест этот дѣло рук Витте, который читал несчастному императору, чуть ли не цѣлые сутки исторію французской революціи с россійскими комментаріями.

Ночью, оказывается, не обошлось без происшествій. Около часу все бывшее на Невском бросилось на Загородный к Технологическому институту: в нем студенты устроили форт Шаброль, и их опѣшили войска. В эти войска из института бросили бомбу, убили городового и извозчика; солдаты отвѣтили залпом.

Затѣм — только что появился на улицах манифест — на углу Литейного и Невского остановился какой-то субъект и, собрав вокруг себя зна-

чительную толпу, начал говорить, что «нѣт, теперь уж этого нам не нужно! Мы должны вести революцію до конца и т. д.». Там же мирно присутствовали пристав и два околоточных. Очевидно, слышавшій эту рѣчь А. Беграмов, струсил, как сам признался, и поспѣшил скорѣй прочь.

12 часов дня. На Невском большое оживленіе; тротуары забиты народом. Конок все-таки нѣт. Николаевскій вокзал закрыт; движеніе поддерживается только частными омнибусами. На углу Невскаго и Дегтярной я и шедшій со мной А. И. Воскресенскій были свидѣтелями любопытной сценки. Видим там небольшую толпу; некоторые из нея (было все простонародье) кричат: «мерзавец! Палкой бы его подлеца по головѣ. Манифест смѣет позорить!»

Оказалось, что какой-то субъект, прочтя прибитый к стѣнѣ манифест, обругал его, за что едва не поплатился боками и должен был удирать во всю прыть.

2 часа дня. Поѣхал с женой на Невскій проспект. Люди и экипажи запрудили его совершенно. Извозчик сообщил, что с заводов прибыли 2 парохода с рабочими, и что сегодня утром он был очевидцем, как у Технологического института гусары изрубили за что-то саблями какого-то господина: он получил три раны в голову.

На Невском угла Суворовского мы встрѣтили толпу рабочих, о которых сообщил извозчик. Впереди шли дѣти, было много простых, но чисто одѣтых женщин, мужчины производили опрятное, хорошее впечатлѣніе. У всѣх на лѣвой сторонѣ груди алѣли красные банты из лент; над процессіей развѣвались два небольших, складных, красных флага.

Тѣснившіеся по тротуарам прохожіе махали шапками и кричали ура. Шествіе отвѣчало тѣм же. Как-то странно и радостно было видѣть эти красные флаги, банты, еще вчера бывшіе под жесточайшим запретом, а сегодня мирно и безпрепятственно двигающіеся по городу! Николаевскій вокзал открыт; около него, как всегда, бѣлѣли ряды носильщиков, подъѣзжали извозчики с кладью и пассажирами — дорога, очевидно, работает.

На углу Владимірской мы свернули с Невскаго и направились к Технологическому институту: я хотѣл провѣрить разсказы о творившемся там. Нѣсколько окон института со стороны Загороднаго проспекта пробиты пулями; дырки в стеклах второго этажа виднѣлись чрезвычайно отчетливо, но их очень немного, не болѣе трех. Против подъѣзда стояла полурота гвардейской пѣхоты; из-за стекол закрытаго подъѣзда выглядывали солдатскія лица и виднѣлись штыки. Толпа вокруг стояла значительная; около подъѣзда и на тротуарѣ тѣснилась самая разношерстная публика. Мы сошли с извозчика и вмѣшились в нее.. Один из технологов развязніил, что в институтѣ заперты под караулом 83 студента и 2 профессора; из окна института была брошена бомба, «никого не убившая и, несомнѣнно, провокаторская». Ночью прїѣзжал в институт Витте для разбора происшедшаго, и теперь арестованных держат до «выясненія дѣла». Около нас, конечно, сейчас же собралась порядочная группа, один — брюнет, довольно посредственно одѣтый, нѣчто вродѣ рабочаго, сообщил, будто в Путиловцев сегодня опять стрѣляли.

«Одной рукой дают, другой берут. Вот вам и манифест!» слышались негодящіе голоса.

Мѣста, гдѣ произошел взрыв бомбы, я не мог

найти — никаких следов повреждений мостовой нет, или же оно было занято солдатами. Последние в ответ на бомбу стреляли, но как я уже говорил, следы пуль на окнах единичны, и из студентов никто не ранен.

Окружавшие нас говорили, что у Казанского происходит митинг, на который навалилась «черная сотня», что там идет побоище, и присылали просить помощи.

Мы с женой сели на извозчика и направились туда. Сквозь колоннаду собора увидали двигающиеся по Невскому флаги; их было семь: два белых с черными надписями «да здравствует свобода и царь» и пять обычных, торговых цветов. За флагами валила огромная толпа любопытных; митингов и драк не было и слева. Мы вмешались в толпу и последовали за процессией; флаги свернули на Морскую, к Зимнему дворцу и остановились перед средними воротами. Раздалось пение «спаси Господи люди твоя», затем ура; в воздух полетели шапки, замахали руки, платки. Толпа, притиснувшись к самым воротам, из-за запертых решетчатых створ чернели косматые шашки гренадер. Толпа занимавшая все пространство между дворцом и колонной, состояла почти сплошь из простого люда, рабочих, лавочников и т. п. Один полный, бородатый старик плакал, плали от души. Зазвучал гимн, опять «спаси Господи», ревели «ура» — царь не показывался. Большой он враг себя, царь Николай! Позади, ближе к колонне и дальше, теснились не участвовавшие в демонстрации: там публика была отборней; окна департаментов, что против дворца, форточки — все было открыто и отовсюду высывались головы чиновников.

Флаги двинулись наконец влево, к адмиралтейству, но их остановили крики — «назад, назад»; — в окнах правого выступа дворца показались какая-то фигуры. Грязнуло новое ура, опять полетели вверх шапки и толпа, крича: «бить анархистов! Долой анархистов!» повалила к выступу. На подъезд под ним стояли конногвардейские или кавалергардские офицеры; фигуры дам, принятых за царскую семью, и офицеры скрылись.

Толпа в этот момент была снята каким-то фотографом, с аппаратом стоявшим на извозчикѣ. Народ повалил затѣм на Милліонную, мы же вернулись через Морскую на Невскій; там творилось Вавилонское столпотвореніе: лошади могли слѣдовать только шагом; стѣна пѣшеходов едва передвигалась. Порядок тѣм не менѣе был замѣчательный. Медленно доплелись мы до Думы; около часовни Спасителя и на ступенях широкой лѣстницы в Думу чернѣло сплошное море голов; с первой площадки горячо говорил какой-то рыжеватый кудрявый человѣк с подвязанной щекой, без шапки, в пальто с барапковым воротником. Видом он походил скорѣй на рабочаго. Только что мы успѣли перейти пол-улицы — он кончил и раздались апплодисменты. И вдруг часть толпы, слушавшей рѣчь, в безпричинном страхѣ шарахнулась прямо на веерицы извозчиков; нѣсколько минут происходила паника. Мы благополучно успѣли перебраться обратно; знакомые, слышавши оратора, тут же рассказали содержаніе рѣчи: он призывал не вѣрить правительству, стоять на своем и требовать амнистії и освобожденія всѣх политических арестованных. Затѣм неизвѣстный оратор назвал всѣх, кто славит царя, кто поет Боже царя храни и т. п. — провокаторами, но приглашал ли их бить — я не

успѣл узнать. Легко клеймится у нас люди! Не наш — стало быть, провокатор!

Может быть у Зимняго Дворца и были ставленники правительства, но что много было и искренних людей — свидѣтельствую. Они дѣйствительно пришли благодарить царя, уваженіе и любовь к которому истинно русскій человѣк всасывает, вѣрнѣе всасывал, с молоком матери!

Послѣ рыжаго говорили еще какіе-то ораторы, но мы их не слушали. На углу Садовой повстрѣчали пѣлый лѣс длинных красных флагов на высоких шестах и в видѣ хоругвей; явились они с Садовой, неспѣе их производили чисто хулиганское впечатлѣніе: испитые оборванцы — мальчишки и молодежь, ухарскаго, кабацкаго вида. За этим пугачевским отрядом толпы не было, «ура» тѣм не менѣе гремѣло им с обѣих панелей Невскаго. Среди хоругвеносцев выдѣлялся какой-то солдат, форму полка его не успѣл разобрать.

На Аничковом мосту около ресторана Палкина, близ Надеждинской, опять повстрѣчали красные знамена: толпы, сопровождавшія их, производили впечатлѣніе ошалѣвших орд, готовых на что угодно.

Проѣхал извозчик, на котором сидѣл какой-то весьма довольный собой субъект, а над ним развѣвался красный флаг, с черною надписью: «свобода». Этот был совсѣм шут гороховый.

Настроеніе напряженное; на улицах не праздник, а ожиданіе грозы, и если ея не произойдет сегодня — будет чудо!

Пишу эти строки в 5 ч. вечера ; скоро отправлюсь опять на Невскій: нужно видѣть все самому, чтоб имѣть право судить о происходящем. Переживаем величайшій миг русской исторіи!

В 6 часов на углу Суворовского и 2 Рождественской показалось множество красных фонарей и флагов на высоких палках; на улицах полутьма, электрические фонари горят через два в третий. Громадная толпа, сопровождавшая эти флаги, остановилась против больницы, и кто-то из нея начал держать речь. Казалось, будто кровавое зарево стоит над самою улицей.

Речь то и дико прерывалась громовым ура; в окнах соседних домов показались люди, и вдруг освещенные квартиры одна за другой стали погружаться в мрак: гасили огни из боязни разгрома со стороны толпы. Приказчики спешно бросились закрывать щитами двери и окна магазинов. Толпа с революционными песнями двинулась дальше по Суворовскому; по обе стороны ея в большом количестве разбрасывались прокламации.

— Товарищи, за нами! — кричали проходившие: — разгромим тюрьмы, выпустим всех!

Буйство и безобразие никаких не происходило. Невский полутемен и, сравнительно с утром, — пустынен. Магазины сплошь заперты и закрыты щитами и досками. На перекрестках чернют что-то обсуждающаяся кучки людей; больше всего их около Гостиного двора и Казанского собора. Экипажное движение почти отсутствует — извозчиков можно пересчитать по пальцам. На обратном пути от Морской около Троицкой встретили новое шествие с красным фонарем и флагами; толпа сопровождала их многолюдная, но, состояла, главным образом, из подростков и мальчишек простонародья; бородатые лица виднелись лишь изредка.

Ни городовых, ни войск не видно — и к лучшему. Тьм не мене, все наготове, и в любом мъ-

стѣ быстро могут появиться и заговорить пулеметы и артиллерія.

В центръ города день прошел мирно.

19 октября. Улицы имѣют обычный вид; флаги убраны, сборищ не видно. Только конок нѣт. Из газет вышли опять только Градоначальническая да Правительственная. На стѣнах домов бѣльют новые извѣщенія Трепова — «День 18 октября», написано в них, «...к сожалѣнію не обошелся без насильственных столкновеній разных групп населенія между собой, а также с полиціей и войсками»... Далѣе идет предвареніе о рѣшительных мѣрах, которые будут употреблены впредь при подобных случаях.

Какія были столкновенія, гдѣ — еще не знаю.

В типографіи, куда я зашел, смущеніе: всѣ встали на работу, как вдруг явились какіе-то субъекты с требованіем продолжать забастовку под угрозой расправы. Типографія вся, как один человѣк, против забастовки, но работать боится. Стыдил их за глупый страх и повиновеніе каким-то оборванцам, желающим только анархіи и слишком самонадѣянно считающим себя чѣм-то вродѣ наставников и распорядителей судеб всего общества. Тѣм не менѣе, кажется, и послѣ обѣда типографія не работала.

На Невском тоже особенного ничего не замѣтно; сегодня в Казанском соборѣ назначен торжественный молебен и, может быть, туда, а может и на какой-нибудь митинг — их теперь нѣсть числа — шло много людей.

Витте со дня ратификаціи мира, объявил, что обсуждается вопрос об амнистії лиц, арестованных по политическим дѣлам.

6 часов вечера. Сейчас был преподаватель П. И. Шелков. Рассказывал, что, когда он возвращался вчера домой в 9 час. вечера по Невскому проспекту, у Казанского собора стояла многотысячная толпа, мирно обсуждавшая разные вопросы. На Аничковом мосту он повстрѣчался с другой, меньшей, чисто хулиганского вида. Толпа эта срывала флаги с домов, ревѣла «Боже царя храни» и сшибала древками флагов шапки с прохожих, не успѣвших снять их. У Казанского произошла драка, обошедшаяся без вмѣшательства войск, причем вторая толпа пострадала и была разсѣяна.

Сейчас университет оцѣплен войсками; около него убиты два студента. Как, кѣм — Шелков не знал.

83 студента, сидѣвшіе под арестом в зданіи Технологического института, сегодня выпущены.

Как обострены теперь страсти! При малѣйшем сомнѣніи в чьей либо ультра-краснотѣ у людей появляется чуть не пѣна у рта; слова: «provокатор», «черносотенец», как прежде «шпіон» — сыплются без всяких колебаній и разсужденій!

20 октября. Вечером был вчера у Константина Яковлевича Бодиско и вернулся опять в смутном, подавленном настроеніи.

Константин Владимирович Крапивин, начальник отдѣленія департамента торговли и мануфактур, рассказывал, что он сам был очевидцем, как вчера в половинѣ пятаго дня на углу Конюшенной, жандармы ни с того ни с сего принялись разгонять собравшуюся толпу и избивать ее сперва нагайками, затѣм саблями. Затѣм — через руки его проходят телеграммы со всей Россіи, даже тѣ, что не попадают потом, благодаря цензурѣ, в газеты — и

он говорит, что содержаніе их ужасно: манифест принят веадъ восторженно, во всѣх городах устраивали радостные митинги, и почти вездъ опять выступили на сцену против них нагайки и залпы.

18-го на Невском у дома Елисѣева разыгралась кровавая свалка между огромными шествіями «националистов» — и «краснофлажцев». Пущены были в ход револьверы, были пострадавшіе. Подобная же свалка с выстрѣлами, а также безпричинные паники, от которых в хаосѣ неслись, как безумные в общем потокѣ, давя и сшибая все на пути своем, извозчики, пѣшеходы, дамы и сами манифестанты, происходили во многих мѣстах; сильнѣйшія, повторю безпричинные, паники были у Полицейского моста и на углу Загороднаго и Лешукова переулка. Это показывает, в каком теперь состояніи нервы у массы.

Стачечный комитет (Петербургскій) объявил продолженіе забастовки, и вчера опять стали начавшія работать желѣзныя дороги. Московскій наоборот объявил о началѣ работ.

Представители періодической печати собрались к Витте и указали ему, что манифестом дарована свобода слова, но не печати; Витте отвѣтил, что в настоящее время она еще невозможна, благодаря анархіи; тогда ему заявили, что газеты не будут выходить совершенно... Нѣт их и сегодня.

Что это за дичь, как может существовать в свободном государствѣ несвободная печать, как мог Витте говорить и устраивать подобную шутку— понять нельзя! Недаром, видно, на одном из недавних митингов какой то оратор сказал «Витте не либерал, Витте не консерватор он просто каналья». Добавлю: преумная!

6 час. вечера. От многих слышал подтверждение о вчерашних избиениях казаками на Невском; уверяют, что они безпричинные.

Митинги 18го постановили между прочими пунктами требовать — освобождения политических заключенных и увольнения Трепова. О нем толкуют чуть не со скрежетом зубов; говорят, 18-го числа войска получали то и д'ло приказы то от Витте, то от Трепова; от первого: не смеять пускать в д'ло оружие, от второго — стрелять.

Царь, подпадающий под влияние того, кто говорил с ним последний, вероятно вчера поговорил с Треповым, и, благодаря этому, повеселились казаки, и уже прежней свободы собираясь на улицах сегодня нет.

И все-таки, несмотря на такие неблагоприятные слухи, огромное большинство общества с 18-го числа на стороне правительства и желает спокойствия.

На улицах сегодня расклеено воззвание к благородству общества; указывая на полную невозможность мгновенно пересоздать законы, оно призывает к порядку и снова обещает все действующие пока законы и постановления принять согласно манифесту. Да, но казаков следовало бы убрать куда-нибудь на задние дворы!

Убитых за вчерашний день и 18-е число насчитывают порядочное количество; свозили их в Обуховскую больницу; большинство погибло в междуусобных свалках.

Бухгалтер редакции журн. «Всходы» и разыльный ея же вчера были свидетелями нескольких убийств у Казанского собора: встретилась толпа с красными флагами, среди которой было много студентов, и другая — поменьше, с национальными

флагами. Студенты начали стрѣлять из револьверов, и трое из послѣдней партіи упало с ранами на головах. Публика кругом ринулась бѣжать, націоналисты, покидав флаги тоже.

Курсистки вчера против Казанского собора и Гостиного двора производили демонстрацію: появились цѣлые полчища их с перевязками красного креста на рукавах.

На вопросы прохожих: «что значат эти перевязки и такое количество их?» — отвѣчали: «а вы гарантированы от того, что вас не изрубят и не разстрѣляют сейчас здѣсь?» Словом, явились будто для поданія на мѣстѣ помощи лицам, могущим пострадать от «насилій войск».

Раненых на этот день много ожидало и правительство: весь двор армянской церкви, что против Гостиного двора, полон был лазаретными фурами и повозками. Солдаты сидѣли наготовѣ, скрытые во многих мѣстах, но бойни к счастью не произошло.

Путиловцы начали было работать, но туда явилась толпа, человѣк до 500 студентов, и опять взбаломутила пол-завода; между забастовщиками и желавшими работать пошла драка, в которую вынуждены были вмѣшаться войска, и опять были жертвы. Многострадальный этот завод!

Эти дни много разъѣзжал по городу на извозчиках и разговаривал с ними. Всѣ, как один человѣк, против забастовок и против студенчества. Особенно возмущен был один, котораго какой-то студент укорял в безчувственности к общему дѣлу и между прочим сказаал, что революція стоила французам 100.000 человѣк.

— Что же и у нас, стало быть, хочешь, чтоб легло 100.000? — спросил он его, добавив крѣпкое словцо и схватив кнут. Студент скрылся. Вообще,

кромъ заводов, в городах пропаганда их особым успѣхом не пользовалась.

Этот же извозчик — пожилой уже мужик — насмѣшил меня.

— Господа! — воскликнул он, дергая возжами.— Чего уж теперь больше нужно: одно слово — слобода! Вот, надысь, стою я на Вознесенском проспектѣ, вижу извозчикъ ѳдет. Сидит на сѣдоцкой подушкѣ, а ноги на козлы положил. Что ты, говорю ему, сукин ты сын дѣлаешь? А городовой тут же стоит и ничего, глядит только.

«Не сукин он, говорит, теперича сын, а гриждинин!»

Сейчас приходил старшій дворник с извѣщением, что на завтра ждут больших безпорядков; ворота домов приказано запереть и всѣм дворникам никуда не отлучаться от них.

Вместо газет теперь раскидывается и раздается революціонный листок «Ізвѣстія совѣтов рабочих депутатов».

Электричества нѣт нигдѣ: опять пришла лафа керосину и стеариновых свѣчам. «Ізвѣстія» обѣщают полную забастовку всего, до магазинов включительно. Даже между докторами собирали подписку о забастовкѣ.

21 октября, 11 часов утра. На улицах усиленное движение, но спокойно. «Правительственный Вѣстник» опровергает сегодня дѣйствительно нелѣпую корреспонденцію, помѣщенную в «Русских Вѣдомостях»; в ней сказано, между прочим, будто манифестантов шло 300.000; в дѣйствительности ни одна толпа краснофлажцев не превышала, пожалуй и 1.000 человѣк; нельзя же считать за манифестантов народ, тѣснившійся по всему Невскому! Националистов было и того менѣе.

Неправ и «Правительственный Вѣстник», говоря, что на всем Невском было 40—50 тысяч человѣк; прибавить ноль позади и будет вѣрнѣе.

Вѣсти идут самыя революціонныя.

Но никто так дружно не ругает теперь царя, как консерваторы; вот человѣк! Не легко пріобрѣсти такое расположеніе и своих и чужих!

18-го числа кучка манифестантов явилась в зал Консерваторія и шумно потребовала прекращенія спектакля. Произошел переполох, дамы падали в обморок, и спектакль вынуждены были прекратить. Оттуда «закрыватели» двинулись к Маріинскому театру; их встрѣтил полицеймейстер и очень вѣжливо сказал им, что в театр толпой входить неудобно, так как может произойти паника, а пусть они выберут человѣк 10 и пошлют их в зал говорить с публикой. Тѣ так и сдѣлали. Надо замѣтить, что перед началом спектакля публика потребовала гимн и нѣсколько раз повторила его — настроеніе, стало быть, было повышенное. Не успѣли депутаты кончить своего предложения, поднялась буря: раздались свистки, крики — вон, долой их! Стоявший ближе всѣх какой-то офицер принялъ бить их ножнами шапки, и цѣлая масса народа кинулась лупить злополучных закрывателей. Из лож легѣли в них стулья. Избитые депутаты едва нашли выход и исчезли. Весь театр стал требовать исполненія гимна, но музыканты, перепуганные начавшейся дракой, разбрѣжались — кроме семи человѣк, и Направника, сидѣвшаго на своем дирижерском мѣстѣ. Направник тѣм не менѣе нашелся, подал знак поднять занавѣс и вызвал на сцену спрятанных за кулисами солдат трубачей, тѣ под его управлением, исполнили

гими. Оперу не продолжали за исчезновением оркестра, и публика разъехалась.

6 час. вечера. Николаевский вокзал открыт и работает, электричество действует всюду. Есть вести, что здешний стачечный комитет постановил вчера — стать всем на работы с 12 часов сегодняшнего дня.

Движение по улицам очень большое: точно черные потоки лавы движутся по панелям. Всюду патрулируют усиленные разъезды казаков, конногвардейских полков и жандармов. Везде флаги, знаменующие (по полицейскому приказу) радость населения по случаю 11-летнего юбилея восшествия на престол Николая II.

Министры уходят в отставку один за другим; остаются из старых только Ламздорф да Бирлев; первого-то бы слѣдовало фукнуть, как слѣдует. На мѣсто преподобных мощей — Побѣдоносцева — в Св. Синод назначен кн. Оболенский, бывший генерал от пехотных дѣл. Не по-русски: наш народ из церкви в кабак идет, а этого из кабака в церковь поставили!

10 час. вечера. Сейчас вернулся с Невского; порядок полный, и о каких-либо происшествиях не слышно. Обычной иллюминации нет и слѣда; только на 1-й Рождественской видѣл с десяток подвѣшенных перед домом на проволокѣ, фонариков — вот и вся иллюминация в этой части города. Да и в этой половине задул какой-то проходившей пьяный мужик. Очевидно домовладѣльцы опасались битья стекол и т. п. удовольствій в случаѣ появления щитов, вензелей и им подобных обычных украшений.

Слова Крапивина о рубкѣ людей на Конюшенной не подтверждаются: лупка была, а рубки дру-

тіє не видали. Причина — нежеланіє толпы разойтись, несмотря на многократныя требования.

Один пострадавший там мъщанин со злобой говорил: «свободу личности дали, ну а насчет спины видно распоряженья еще не вышло!»

22 октября. Высыпали как грибы вся газеты и раскупаются нарасхват. Первые, действительно свободные №№!..

Трепову, принцу Ольденбургскому и им подобным достается жестоко. Есть описание стрѣльбы на Гороховой и в других мѣстах; напечатаны между прочим и треповские приказы. Все это, конечно, не так страшно: надо помнить, что мы еще не привыкли к свободѣ, а гг. Треповы не привыкли к уздѣ. Собака на цѣпи всегда сперва мечется; мечется теперь и предержащая власть в большинствѣ городов Руси. Это в порядкѣ вещей. «Образуется», как говорят мужики!

В городѣ, как будто ничего не происходило: звонят колоколы, торгуют, идут и ѿдут люди.

Завтра готовится нѣчто грандиозное. Во всѣх газетах помѣщено извѣщеніе, вѣрно опубликовано распоряженіе разных комитетов, чтобы «тѣла всѣх борцов, павших за свободу», к 12 часам дня были доставлены к Казанскому собору, причем каждой части города назначен особаго цвѣта значек; затѣм вся процессія должна двинуться оттуда по Невскому проспекту на Волково.

Забастовку рѣшили прервать на 3 мѣсяца, т.-е., дали срок правительству сдержать обѣщанія и проявить себя. Но городу идет запись на получение от рабочаго комитета револьверов Браунинга; каждый револьвер, стоящий в магазинах по 22 руб., будет выдан по 10 руб.; цѣль — вооружить в те-

ченіе этих трех мѣсяцев всѣх граждан для возможной революції.

Ходит упорный слух, будто к Петербургу идут англійская и германская эскадры, каждая для охраны своих посольств.

23 октября. На улицах расклеены два объявленія: одно генерал-губернатора, написанное весьма сдержанно и предваряющее, что похороны в том видѣ, в каком они предположены, допущены быть не могут. Другое от городской Думы, управляющее жителей быть благоразумными во время похорон.

Народа шло гибель; в 11 часов утра я уже стоял на лѣвом крылѣ Казанского собора, между колоннами и смотрѣлъ на площадь. На панелях Невского чернѣли сплошные стѣны людей; движение экипажей и конок тѣм не менѣе продолжалось совершенно свободно. Крылья собора и ступени тоже были полны народа; в скверѣ стояли и ходили небольшія кучки. В нѣсколькоих мѣстах говорили какія-то рѣчи; около фонтана вдруг над толпой взлетѣли на воздух бѣлые листки, за ними взлетѣла другая пачка их, затѣм третья. Их жадно подхватывали, вырывая друг у друга.

По скверу бѣгало десятков пять уличных мальчишек; сперва они вскидывали вверх красный флаг с увязанным в него камнем, потом вдруг с криком «ура» шарахнулись в сторону; часть толпы из сквера перепугалась и бросилась бѣжать; я видѣл очень хорошо, как нѣкоторые из этих же мальчишек обрабатывали карманы сосѣдей.

Войск не было и признака, хотя в толпѣ и говорили, что окрестные дворы полны ими. На панелях, поодаль, стояла большою частью интеллигентная публика; в скверѣ и у собора, главным об-

разом, фабричные и простонародье; студенческих фуражек виднѣлось с десяток не болѣе.

Стоявшіе около меня увѣряли, будто одних студентов было убито 60 человѣк.

Без десяти минут двѣнадцать внизу к нашему крылу подопла кучка заводских рабочих и громко объявила, что похорон не будет. Я сошел в сквер разузнать причину; никто, даже студенты ничего толком не знали. Одни говорили, что полиція ночью распорядилась похоронами, другие будто рабочіе сами отказались от затѣи.

Я сильно промерз и отправился домой; панели Невскаго и углы улиц были полны публикой, главным образом, зѣваками; порядок вездѣ был образцовый.

Вернулся домой и узнал, что во всѣх газетах было помѣщено извѣщеніе от союза рабочих, что от проектированных похорон они отказываются, и шествія не будет. Удивительная странность: перед уходом я читал «Русь», но этого объявленія не замѣтил; притом это произошло не только со мной, а и с три-четвертью обывателей Петербурга, заполнивших не только Невскій, но и всѣ улицы, по которым предположено было везти убитых.

Прочел сегодня о диком назначеніи; Дурново, этот завѣдомый палач, попал вдруг в министры внутренних дѣл!

Он — друг Витте, и Витте многим ему обязан, тѣм не менѣе такое назначеніе болѣе, чѣм чорт знает что!

А обязан ему Витте вот чѣм: Плеве был на ножах с послѣдним, и наконец, Плеве удалось при помощи шпіонов и документов установить несомнѣнныя связи Витте с революціонной партіей. В присутствіи Дурново, Плеве имѣл неосторожность

высказать, что пѣсенка Витте спѣта, и теперь осталось немного: арестовать его и засадить в Петропавловку. Дурново сейчас же сообщил это Витте, а на другой день Плеве был убит. Дурново в качествѣ товарища министра тотчас же явился на его квартиру, опечатал кабинет с бумагами и «убрал» дѣло о Витте со всѣми документами.

24 октября. «На Шипкѣ все спокойно».

Газеты полны сообщеній о кровавой гражданской войнѣ, идущей по всей Россіи. Во многих городах перевѣс уже за монархистами, кстати сказать, сплошь называемыми теперь «черной сотней». Революціонеры хотѣли смѣшать их с грязью, дав имя, знаменовавшее не так давно простонародье, подкупленное полиціей, но даже такие отчаянные монархисты, как Д. М. Бодиско открыто приняли его.

Москва — шедшая во главѣ движенія — избивает студентов и заподозрѣнную в либерализмѣ интеллигенцію. Нѣкоторые города, не так давно еще требовавшіе увода войск и замѣны их милиціей, потребовали войска обратно для охраны от погромов.

Газеты, особенно «Русь», настойчиво требуют удаленія Трепова, все упирая на знаменитый приказ его: «патронов не жалѣть». Витте выступил его горячим защитником.

В васлугу Трепова ставлю вчерашній день, когда он предупредил грандиозное побоище: на Съянной площади собралась громаднѣйшая толпа торговцев и простонародья, к которым примкнула часть рабочих с заводов и хотѣла идти к Казанскому, разгромить собравшихся туда на похороны «героев». Трепов послал войска, приказав не допускать их, хотя бы силой оружія.

25 октября. На улицах то и дѣло стали попадаться нищіе, поліція не преслѣдует их и вообще из ръяно-ретивой сдѣлалась удивительно безучастной ко всему. Стоит, напр., городовой, перед ним начинается какой-нибудь скандал — он отворачивается и отходит в сторону.

Ларинская гімназія опять забастовала. Мальчишки в ней устроили сходку и постановили требовать исполненія начальством цѣлаго ряда пунктов; между прочим один гласит, чтобы гімназія управлялась не только директором, а и старшинами из гімназистов, начиная с 4-го класса. Занятія гімназисты сами постановили прекратить до января, о чём и увѣдомили родителей.

Эти «дѣятели», пишущіе слово зеленый через два ять, мнят о себѣ теперь, чорт знает, что; вообще анархія не только в учебных заведеніях, но и в большинствѣ семей безмѣрная. Знаю примѣры, когда эти, недавно надѣвшіе штаны, революціонеры осмѣливались в пылу спора заявлять в видѣ угрозы своим родным — «погодите, вот придет январь, мы вам покажем себя»!

На январь, как на мѣсяц, в который должна произойти «настоящая» революція, указывают многіе.

26 октября. Прекращены занятія еще в нѣскольких мужских гімназіях и в нашем Рождественском Коммерческом училищѣ.

Директор б гімназіи Мор разставил помощников классных наставников на улицах, ведущих к гімназії (она у Чернышева моста), для того, чтобы возвращать гімназистов с дороги; родителям он разослал довольно неграмотныя извѣщенія о том, что в настоящее время он не ручается за безопасность учеников на улицах и потому — находит

лучшим временно прекратить занятия. Во многих гимназиях начальство совместно с учащимися ходить в штатском платье... Этот Мор славен своей глупой выходкой: во время всеобщей забастовки ученики среднеучебных заведений тоже устроили митинг, на который явился и он и громогласно заявил, что он приехал взглянуть, нет ли на митинге кого-нибудь из его гимназистов, и что таковой будет немедленно им исключен. Мальчишки, само собой, разумеется, устроили скандал и выставили его вон.

Распространились тревожные слухи, будто Кронштадт весь в огне, и город бомбардируют форты и наши же военные суда. Причина — восстание, но где оно — в городе, или крепости, и кто по ком стреляет — разобрать нельзя.

Собирается забастовать для поддержки москвичей ресторанная прислуга.

Среди чиновников в министерствах большая волнение: ожидается увольнение чуть ли не половины их; это, конечно, несправедливо — следовало бы уволить три четверти!

27 октября. Вчера вечером Н. М. Яковлев передал мне по телефону, что вести о Кронштадте — правда: бунтуют солдаты и матросы, и туда на баржах послали войска. Газеты сегодня поместили ряд телеграмм и статей о Кронштадских событиях: погром там полный.

Петербург заволнован усиленными слухами о готовящемся на завтра еврейско-интеллигентом погроме. Газеты твердят, что есть какой-то руководитель и организатор «черных сотен» и кивают на полицию.

Между тем я знаю истинного организатора, върнище, двух таких г. г. Один — автор монархически-патриотических брошюр, генерал Богданович,

другой прибывшій изМосквы московскій купец, устроитель особых московских черных сотен—Полторацкій. Послѣдній — невысокій человѣк, очень смиренной и скромной наружности (мать его, по его словам грузинка) лѣт 40, с просѣдью. Впечатлѣніе производит скорѣе послушника, чѣм мірскаго человѣка, рѣчь тихая, вкрадчивая.

Мой дядя — извѣстный консерватор Дм. Мих. Бодиско, многих взглядов котораго я не раздѣляю и с которым тѣм не менѣе часто видимся, так как оба не признаем нетерпимости, сообщил мнѣ недавно, что он был на обѣдѣ у Богдановича и познакомился с Полторацким. Послѣдній очень его заинтересовал, и они вели долгую бесѣду.

— Да, — сказал Бодиско: — я монархист, но я против Николая II.

— Плох он, плох... — тихо подтвердил Полторацкій. — А все-таки он царь. Надо его любить!

Разговор коснулся пропаганды Полторацкаго.

— Вот-с как я ее веду... — начал своим вкрадчивым, размѣренным голосом послѣдній. Приду на фабрику, на завод, а то и еще гдѣ бесѣдованіе устраиваю. Покажу народу на красный флаг: братцы, говорю, скажите мнѣ, знаете ли вы, что он значит?

Больше все — «нѣт» отвѣчают; другіе «свобода», мол, «значит». Нѣт, говорю, не то: кровь он знаменует, кровь он зовет вас лить, братцы, своих же людей. А я к вам с крестом пришел... Вот так поговорю с ними, и знаете ли — сколько слушает человѣк, так всѣ, всей толпой и крикнут: «за тобой идем! Долой красный флаг!» Сейчас мы подпишем клятву, дают за царя стоять, старшин выберем. Только мы не насилием, а словом дѣй-

ствуем: такое обѣщаніе у нас, чтобы кровь не лить, развѣ уж защищаясь только!

Между прочим у Полторацкаго вырвалась интересная фраза, что у них организована во дворцѣ охрана, и, что бы ни случилось с царем — наследника они спасут и уберегут.

Сюда, в Питер, Полторацкій пріѣхал с цѣлью вести такую же пропаганду и среди здѣшних рабочих. В разных мѣстах он устраивал уже митинги, мѣст и времени их не указывает и видимо не хочет, чтоб на них были даже единомышленники из другого круга. Это странно...

Производит он впечатлѣніе человѣка ограниченного, фанатика; я встрѣтил его у Бодиско один раз, не знал даже, кто он, бесѣд с ним не вел, но мнѣ почему-то показалось, что он должен быть раскольником.

Его девиз — крест, и слово «бить» не из его лексикона; думаю, что пріѣзд его или только совпал с проявлением дѣятельности настоящей черносотенной сволочи, или же молва придала его пропагандѣ такой характер.

30 октября. Вчера ѿзил к себѣ в Кемерѣ, по Финляндской жел. дор. Поѣзд был битком набит до того, что всѣ 3 часа пути пришлось простоять на платформѣ с 6 пассажирами. Поразило меня обилие еврейских лиц; стал присматриваться — вижу, публика исключительно еврейская; говорить старается намѣренно громко и только по-русски; студенчества среди них было изобилие. На каждой станціи я выходил, желая узнать, куда именно стремилось это великое переселеніе, но ни в Перкярви, ни в Теріоках никто не оставался: всѣ стремились в Выборг.

Дѣло в том, что наша красная печать уже нѣсколько дней как бьет тревогу: всѣ №№ газет выходили со всякаго рода возваніями, предостереженіями, указаніями градоначальнику о готовящемся с 29 на 30-е (эка удивительная точность!) еврейско-интеллигентском погромѣ. По городу ходили самые невѣроятные слухи, будто еврейскіе магазины и квартиры отмѣчаются крестами; к дворникам будто являются неизвѣстныя личности, выспрашивающія о составѣ жильцов дома и т. д.

Словом, все петербургское еврейство, начиная с четверга, ударилось в бѣгство, в единственную сторону, гдѣ разсчитывало на полную безопасность — в Финляндію, в ближайшій город Выборг.

Что там происходило — узнал в тот же день вечером на обратном пути.

Вхожу в почти пустой вагон и вижу в нем опять-таки только нѣсколько евреев; возвращеніе их в Петербург в ночь, назначенную для избѣнія, было странно. Я разговорился с ними и узнал причину. Выборг набит прѣважими из Петербурга до такой степени, что нѣт ни №№ в гостиницах, ни угла в частных квартирах: все разобрано; в каждый № набилось по 2 по 3 семьи; вокзал переполнен тѣми, кому не хватило пристанища, до того, что спали ночь на стульях, на полу и даже просто на корточках, прижавшись спиной к стѣнѣ. Тѣм не менѣе каждый поѣзд из Петербурга приносил новыя тысячи людей с дѣтьми.

Возвращавшіеся со мной не могли вынести такого ада болѣе суток и рѣшили проскользнуть через Петербург и уѣхать на нѣсколько дней, пока не успокоится все, в Вильну, гдѣ имѣлись у них родные. Магазины и квартиры бѣжаліе заперли и оставили пустыми на произвол судьбы. В

Лѣсном паника доходила до того, что люди бросали все, захватив только дѣтей и бѣжали, как бы из горящих уже домов, позабыв даже запереть их.

Напрасно я убѣжал, что всѣ эти слухи вранье,пущенное какими-нибудь мерзавцами, что в Петербургѣ ничего подобного произойти пока не может — никто не намѣревался даже заѣхать взглянуть на свою квартиру.

«И Бог с ней, и пусть все пропадет, только бы самим живыми оставаться!» отвѣчали мнѣ.

Прямо эпидемія паник!

Город, когда я ъехал на извозчикъ, был пустынен (в половинѣ двѣнадцатого ночи); извозчик рассказывал, что дома на Садовой всѣ заколочены; тоже и на большинствѣ окрестных улиц, гдѣ много еврейства, «людей как метлой вымело — одни кавалигварды да жандары ъздрят».

К бунту и разгрому в Кронштадтѣ возница мой, лѣт ему на вид 35—40, относился очень недобрительно.

«Ну погуляли день, а погом што? Под разстрѣл пойдут, да в каторгу на всю жизнь. Нѣт, это все студенты проклятые натворили!»

— Почему студенты?

«А так — на это их взять, людей смущать! А потом разстрѣл! Небось с красными-то флагами как ходили — сами не носили их, нашему брату, дураку, в руки совали, ну и носили их, куда хошь, за полтинник да за рупь!»

Высшія учебныя заведенія закрыты до января мѣсяца.

31 октября. Гучков, один из отказавшихся от министерского кресла, сказал, что отказ их вызван тѣм, что Витте хотѣл сдѣлать из них ширму, из-за которой намѣревался управлять сам.

Всю ночь ъездили и ходили патрули; «Русь» сегодня увѣряет, будто почти всякое движение в городѣ к вечеру замерло; в 8 часов вечера я по Суворовскому вышел на Невскій, затѣм поѣхал к Крапивину на Загородный просп. — народа вездѣ была гибель, пожалуй даже больше обыкновеннаго. Магазины и рестораны, правда, позакрывали щитами окна, но торговали. Врут вообще теперь газеты всѣх лагерей жестоко и беззастѣнчиво.

Любопытный факт: отец Ioann Кронштадтскій, пользующійся там страшным вліяніем, во время разгрома города бѣжал...

1 ноября. На заводѣ С.-Галли произошло кровавое столкновеніе между забастовщиками и желавшими работать. Говорят, первые пострадали сильно, есть убитые.

2 ноября. В Либавѣ поймали какого-то несчастнаго чинуша, подозрѣвавшагося в подстрекательствѣ к погрому; привели его во двор завода, устроили суд, и этот суд приговорил его к смертной казни, которая и была исполнена тут же выстрѣлом из револьвера. (Сегодняшній № Руси). В том же № Руси появилось сообщеніе от Совѣта Депутатов Рабочих, что они требуют отмѣны смертной казни над матросами Кронштадта и на основаніи этого, «сознавая свою политическую мощь», всѣ рабочіе в Петербургѣ с 12 ч. сегодняшняго дня забастовывают.

4 ноября. Заводы стоят, желѣзныя дороги тоже; из газет вышли только «Правительственный Вѣстник» с новым манифестом о крестьянах и о сложеніи с них с 1 января 1907 г. выкупных платежей... опять опозданьице!

На Владимірской ул. разгромили окна огром-

ной аптеки, непожелавшей примкнуть к забастовке.

5 ноября. Возвращался домой в 2 часа ночи; стоял сильнейший туман; улицы казались погруженными во тьму, и только совсем вблизи неясно просвечивали сквозь него высокие электрические фонари. Окна магазинов забиты наглухо. По улицам, словно по громадным, темным ущельям, бродили патрули.

Рассказывали, будто где-то разграбили несколько квартир, но по Садовой, на Невском и на Бассейной, по которым я выхал, была полная тишина.

Э. С. Монвиж-Монтвид, только что вернувшись из Харькова и Киева, утверждает, что погромы на юг были организованы полицией и властями. Весьма возможно; кому-кому, а им, жившим только произволом, разумеется, новые порядки не ко двору; конечно, без борьбы сдаться старая власть не могла, но все — таки как-то не вьрится мнение в подлинность, напримѣр, одесских ужасов. Что-то уж слишком 16-м вѣком пахнет!

По городу сегодня расклеены воззвания градоначальника, приглашающие давать мирный отпор группам забастовщиков, ходящим по городу, и тотчас же сообщать о появлении их полиции, которой даны надлежащія инструкціи: тон уж не сколько поднялся!

Забастовка в общем не удалась. Насколько первая была стихийная и дружная — еще небывалая в міръ, настолько эта никуда негодная. Бастует, да и то частями, только Петербург; раздражение на эту забастовку чуть не всеобщее.

6 ноября. Часов около 4-х дня конки пре-

кратили движение: на Васильевском островѣ что-то неспокойно, улицы полны хулиганами и рабочими; конки на окраинах, за Средним проспектом были заброшены камнями.

Возвращавшаяся около 9 часов вечера наша бонна с Литейного моста видѣла над Васильевским островом громадное зарево. Вечером по всему городу замѣчался усиленный наплыв фабричных; электричество то дѣйствовало, то вдруг все погружалось во тьму; На Невскій проспект опять глядѣл прожектор.

6 ноября. Вчера начали работать нѣкоторые дороги; газет все еще нет.

7 ноября. Вчера бесѣдовал с Ф. К. Геккером (он же Ф. Плетнев — художник, получившій нѣсколько лѣт тому назад 1-ю премію на выставкѣ «блан и нуар»), только что вернувшимся с родительского совѣщенія из Ларинской гимназіи, гдѣ учится живущій у него уже 12 лѣт племянник.

Передаю разсказ его вкратцѣ.

Вопрос, подлежащій обсужденію родителей, был — когда и как возобновить занятія, но его, разумѣется, и не обсуждали, а по россійскому обыкновенію говорили обо всем, кромѣ главнаго.

Один из ярко-красных родителей предложил пригласить на совѣщеніе и старост; всѣ согласились. Тогда встала какая-то дама и энергично воспротивилась этому, так как находила невозможным дѣлать гимназистов свидѣтелями неурядицы и хаоса среди самих родителей. Согласились и с ней. Тѣм не менѣе старост вызвали с тѣм, чтобы только выслушать их и узнать толком, чего хотят они.

Старосты явились — парни лѣт 16—17.

На предложеніе высказаться начали держать рѣчи.

В общем желанія г. г. гимназистов таковы:

- 1) полная свобода в гимназіях;
- 2) предоставлениe им права выбирать учителей и устанавливать способ преподаванія.

Т.-е., в переводѣ на общепонятный язык добиваются полного произвола. Что мальчишки воображают, будто они все знают и сами могут учить других — это понятно: такой період переживает каждый из нас; но что между родителями находятся люди, неспособные уразумѣть всей нелѣпости таких требованій — это удивительно!

В заключеніе отличился и деректор. На вопрос той же дамы, «что же, будут или не будут заниматься в этом году», он отвѣтил, что «старшіе классы разрѣшили четырем младшим классам начать теперь занятія». Это «разрѣшили» — превосходно!

О Витте вѣрнаго ничего не слышино; несомнѣнно что-то приключилось с ним, но что именно — неизвѣстно; толков о нем много: говорят даже будто бы его хотѣли арестовать и даже был подписан приказ об этом... Во главѣ дворцовой партіи, по слухам, стал новый главнокомандущій питерскими войсками — великий князь Николай Николаевич. Человѣк он энергичный и настаивает на военной диктатурѣ; его поддерживают болгарско-российской мазурик, гр. Игнатьев, Штурмер, Стишинскій и К^о. Словом на чеку стоит новое министерство, готовое начать поливать Россію кровью.

Возникают русскіе союзы и общества, в общем в большинствѣ направленные к умиротворенію страны. Первой появилась партія Правового порядка и др.

Укорял Д. М. Бодиско за манифест «священнаго патріотического союза», написанный исклю-

чительно для черного народа, и содержащей скверную фразу, призывающую охранять самодержавие. Охранять то, чего уже нет с 17 октября — нелепо, а призывать к охранению простой народ — значит призывать к реваншу.

Оправдывался, что не он писал манифест. Конки опять работают.

Сейчас узнал, что за Невской заставой очень неспокойно: вчера там дело дошло до стрельбы, есть убитые.

Был сейчас Э. С. Монвиж-Монтвид и рассказывал о вчерашнем собрании редакторов.

Теперь любопытная минута: даже если бы кто-нибудь и желал выходить попрежнему, с цензурой, — не мог бы этого сдѣлать. Изданій в СПб.—250 (кромъ газет); из них только 50 прислали своих представителей, да и тѣх, почти половина пребывала в нерѣшительности и не знала, как быть с цензурным вопросом: махнуть ли рукой на цензуру, или вести дѣло по старому.

Рѣшительнѣе оказались наборщики; союз их прямо заявил, что они освободят всѣх от цензуры; собрание наборщиков постановило не набирать ничего, что будет имѣть цензурную дату; тѣ же типографіи, которая не подчинятся, будут ими «сняты» с работы; на случай же артаченья владѣльцев, рѣшили бороться с ними частными забастовками и на такой случай образовали фонд, куда уже журналы, издатели и пр. внесли около 15.000. Первая война будет с Каспари, издателем, «Родины», жаждущим подчиненія цензурѣ; вторая, посерѣезнѣе, с вдовой Маркса, издательницей «Нивы».

9 января. Был у А. Я. Острогорской-Малкиной, издательницы журнала «Юный читатель».

Муж ея, присутствовавший в воскресенье на

«польском» собраниі, рассказывал с негодованіем слѣдующее; в числѣ ораторов выступили и соціал-демократы, и один из них заявил, что наша интеллигенція только примазывается к великому дѣлу, произведенному рабочими, что она не при чем в нем, и смысл его наглой рѣчи был — давайте свои двугривенныи и убирайтесь вон. Присутствовало много литераторов; со стариком Анненским даже сдѣлалось от волненія что-то вродѣ обморока.

Раздраженіе против новых узурпаторов — самозванаго и невѣдомаго никому правительства — растет сильно даже среди либеральнѣйших кругов. Дѣйствительно — наглость его и его агентов начинает становиться чрезмѣрной!

Взять хотя бы способ печатанія его лейб органа — «Ізвѣстія совѣта рабочих депутатов». Ночью врывается в типографію, (непремѣнно имѣющу ротаціонную машину), толпа вооруженных револьверами темных личностей, арестовывает находящихся в ней, берет самовольно бумагу и приступает к печатанію «Ізвѣстій», которых затѣм увозятся на извозчиках. Так были напечатаны номера в «Сынѣ Отечества», «Нашей Жизни», «Руси», «Новой жизни» и др. Третьяго или четвертаго дня очередь дошла до «Нового Времени» и там напечатали 7-й номер — и вѣроятно — по крайней мѣрѣ таким образом — послѣдній, так как «Новое Время» опубликовало об этом происшествії.

Оно, конечно, курьезно, что Суворин напечатал 30.000 революціонных листков, но с другой стороны такое насилие и грабеж непозволительны!

Брат Малкиной, А. Я. Острогорскій, директор Тенишевскаго училища, рассказывал такой курьез. Являются к нему третьеклассники и просят разрѣшенія собраться.

— Да вѣдь вы уже собрались, — отвѣчает он, прикинувшись непонимающим в чём дѣло.

— Нѣт, это не то: мы хотим устроить митинг!

— Какой митинг, о чём?

— Поговорить хотим...

— Да о чём?

— О необходимости у нас демократической республики...

А. Я. разсмѣялся и прогнал их.

На другой день приходит в класс, и на столѣ под тетрадью находит лист бумаги, а на нем надпись: «Александр Яковлевич — второй Трепов».

Кстати о прокламаціях.

Встрѣтился на-днях с капитаном I ранга Н. Дибичем — Владивостокским героем: рассказывал, что экипажи прямо засыпаются этими листками; часть матросов в несомнѣнном броженіи, другая, — огромное большинство,—относится индиѳферентно.

10 Ноября. Получил от книжников любопытное свѣдѣніе о Максимѣ Горьком; дѣло в том, что сочиненія его, продававшіяся раньше «как хлѣб» по выраженію торговцев, теперь совершенно не идут.

«Знаніе» товарищество, основанное им начинает трещать и над Горьким вот-вот разразится крах.

Это знаменательно! Посмотрим, что скажет тогда этот босяк, вспоенный, вскормленный и за уши вытащенный из грязи интеллигентіей, которую он обливает теперь помоями!

Погода сърая, на улицах грязь. Нищенство вездѣ усиленное и наглое. А. Беграмов и Д. Н. Бодиско, шедшие по Невскому пр. были остановлены одним из Горьковских типов просьбою о милосты-

нѣ. «Сегодня я прошу», заявил этот тип, «а завтра я у вас сам возьму!»

15 ноября. В Севастополь и съехали грѣх. Взбунтовавшиеся матросы выгнали от себя всѣх офицеров, но порядок поддерживается образцовый; ночью ходят патрули и забирают... безбилетных и пьяных матросов. Вчера в день рождения Маріи Феодоровны устроили молебен, а послѣ него парад, который принимал фельдфебель; словом, все идет, как будто там ничего не произошло.

Это не простой бунт, на него надо взглянуть поглубже!

Много разговоров возбуждает арест фельетониста «Руси» — Шебуева; забрали его и запечатали типографію «Труд» за выпуск и напечатаніе первого номера «Пулемета», Шебуевскаго сатирическаго журнала. Особо остроумнаго или интереснаго в нем нѣт ничего, и только на послѣдней страницѣ находится манифест 17-го октября с отпечатком на нем кровавой ладони и подписью: «генерал Трепов руку приложил».

Трепов скоро станет чѣм-то вродѣ тещи юмористических журналов прежних лѣт. Пора бы уж и забыть его!

Говорил с офицерами, только что вернувшимися с Дальн资料 Vостока. Настроение арміи по их словам злобное: солдаты и офицеры воамущены отношением к ним страны и происходящим теперь в ней.

17 ноября. Ходит вездѣ слух, будто великий князь Борис Владимирович стрѣлял в Николая и ранил его в плечо.

В Московском гв. полку происходило что-то вродѣ восстания; говорят об этом глухо, но со всѣх сторон. Тѣм не менѣе гвардія считается болѣе или

менѣе надежной; лучшіе круги общества настроены пессимистически. Причина — двуличіе правительства: устранивших по дружному требованію общества разных господ вродѣ одесского Нейдгардта и ему подобных, опять назначают в другіе города губернаторами... Вѣрят в близость диктатуры и даже предполагают провозглашеніе ея в эту субботу, т.-е. послѣ завтра.

Вѣсти из глубины Руси плохія — всюду сильно растет реакція и самая грубая — холопская.

Забастовал почтамт: злосчастные паріи не выдержали таки гнета этого ломброзовскаго типа — Дурново! Удивляюсь только изумительному долготерпѣнію их!

18 ноября. Есть слух, что среди гусар и желтых кирасир неспокойно и будто бы, в Царское передвигают семеновцев. Увѣряют, что в первых двух полках произведено много арестов. Не в связи ли это с дѣлом в. кн. Бориса — гусара?

Слышал повѣствованіе генерала Волкова, человѣка, честность котораго, кажется, вѣнчанія, о недавно умершем генералѣ Церпицкому, герой войны. Повѣствованіе удручающее!

Неужели и впрямь нѣт честных людей на Руси?

В знаменитую Китайскую «войну» грабительством занимались всѣ, но особенно выдѣлялись Стессель и Церпицкій, грабившіе храмы, частные дома и увезшіе цѣлые возы драгоцѣнностей из Китая. Церпицкій ради выставленія себя героем, жег мирныя деревни и городки и о таких побѣдах писал яркія реляціи...

19 ноября. Почтовая забастовка продолжается; она всполошила даже иностранныя посоль-

ства. За этот год, можно сказать, мы прошли через огонь и воду и мѣдные трубы: испытали, как жилось людям в XV вѣкѣ в городах без фонарей, как они обходились без продуктов во время осады, видѣли войну на улицах, наконец, узнали, как жилось без дорог, без почты и телеграфа. Разореніе принесла и несет послѣдняя забастовка — страшное. Рента сегодня — 78. Такого курса не бывало и послѣ Цусимы! Дисконт поднят до 8 проц. Золотая валюта висит на волоскѣ. Всѣ, кто имѣет малѣйшую возможность, берут свои деньги и уѣзжают за границу: за какой-нибудь только мѣсяц переведены туда десятки миллионов (в том числѣ и великими князьями).

20 ноября. Крестьянское движение растет. Разореніе и истребленіе всего идет безмысленное и беспощадное; у одного помѣщика, напр., вырѣзали весь конскій завод, у другого перерѣзали и бросили в овраг 5.000 баранов и т. д., Все бѣжит в города. Здѣсь проживающіе помѣщики спѣшно уѣзжают в имѣнія разорять их, т.-е., продавать все живое и всю движимость, чтоб не совсѣм даром пропала она.

В министерствѣ земледѣлія получаются шифрованные сообщенія о движении аграрных беспорядков, и впечатлѣніе от них такое: растет девятый вал.

22 ноября. Необыкновенно гнусные, темные дни. Опять начинают поговаривать о новой и близкой «мертвой» забастовкѣ. Предполагается ее будто бы устроить на 6 недѣль и притом абсолютно всеобщую.

Почтово-телеграфная забастовка продолжается; забастовщики страшно возмущены тѣм, что у

нас в Петербургъ выступили добровольцы и разбирают вмѣсто них письма. Любопытнѣе всего, что между этими добровольцами много студентов.

Доходящіе со всѣх концов Руси вѣсти нерадостны: в Кіевѣ, Воронежѣ, Батумѣ — вездѣ начались возстанія войск — все это вразброд, все без связи и, конечно, безреaultатно.

23 ноября. Убит в Саратовѣ генерал-адъютант Сахаров, посланный для усмиренія аграрщины. Застрѣлен женщиной, объявившей, что она дѣйствовала по приговору соціалистов-революціонеров.

Положеніе сильно напряженное... живем точно на пороховом погребѣ!

И весь сыр-бор горит из-за одного человѣка, упорно непонимающаго положенія вещей! Из министров вреднѣйшій — Дурново: всѣ распоряженія, всѣ дѣйствія его, уничтожают по частям манифест 17 октября. Кой чорт может тогда успокоиться и «вѣрить» такому правительству?.. Больше мѣсяца прошло с объявленія свободы, и что же? — Собраний попрежнему начинают разгонять, предсѣдателей и делегатов арестовывают, высылки из города продолжаются и т. д., и т. д. Общество сильно винит Витте и право: если нельзя сломить дворцовую камарилю, то надо уйти прочь, не тянуть волокиты, чтоб общество ясно увидѣло, с чѣм имѣет дѣло и приняло соотвѣтственныя мѣры.

Курьеz: вдова гофмейстера Софья Петровна Хитрово, обратилась к моей женѣ с просьбой найти лектора и устроить у нея в домѣ нѣчто вродѣ сообщенія о происходящих событиях, причем общество будет исключительно, конечно, из высшей аристократіи. Причина такого желанія та, что ари-

стократической дамы не могут читать теперь газет, так как почти ничего не понимают в них. «Там все такие слова... напр. автономія, эсдеки, эсэры, что это такое?» — нужно объяснить, словом, всѣ жупелы гг. аристократкам. Нѣкоторые из них даже схватились теперь за Добролюбова и спрашивают по знакомым: «не знаете ли вы, гдѣ найти его?». Такую плебейскую книгу в их домах сыскать, конечно, трудно!

Хитрова, имѣющая свой дом на Песочной ул., перѣехала теперь на Сергиевскую — излюбленную улицу нашего «большого» свѣта. Причина — боязнь близости фабрик и заводов.

На дверях почтамта вывѣшено объявленіе, что в услугах посторонних лиц почтамт болѣе не нуждается. Это не значит, что почтовые чиновники вернулись к своим занятіям, а только то, что добровольцев и числившихся «кандидатами» на должности вполнѣ достаточно.

Не во-время забастовала почта! Примкни она-ко всеобщей, прежней — получила бы все. Теперь же еще большой вопрос...

Удивительная разрозненность дѣйствій: забастовки, бунты — все это вспыхивает то здѣсь, то там, или преждевременно, или очень поздно и дает бить себя по частям. Нѣт Наполеона у нашей революції!

24 ноября. Видѣл А. И. Воскресенского. Спрашивал его, как обстоят дѣла у них в Царском Селѣ и в их Гусарском полку. Вытаращил на меня глаза и сказал, что гусары спокойнѣе, чѣм кто-либо, и ровно никаких броженій у них не происходило.

И врут же у нас в Питерѣ, могу сказать!

26 ноября. Несмотря на резолюцию почтовой сходки, напечатанной во всех газетах о продолжении забастовки она сорвана. Очень многие вернулись на работы, и почта действует.

На помощь бастующим двинулись рабочие и сегодня была на Почтамской ул. перестрелька: рабочие не пускали ходивших на работу почтальонов; говорят, были убитые.

27 ноября. Пасмурно: такие же и толки кругом.

Газеты сообщают об аресте совета рабочих депутатов. Сдѣлали это совсем легко и просто... оказалось, что для этого требовалось только немногого рѣшительности, которую и проявил Дурново.

Общее недоумѣніе и раздраженіе вызываетъ высочайшая благодарность, объявленная казачьим полкам за их вѣрную службу противъ «внутреннихъ» врагов. Это вызовъ; очевидно, близокъ послѣдній бой съ самодержавіемъ. Впрочемъ, со дня смерти Александра III, нѣтъ самодержца на Руси, а есть только самодержавные министры.

На сегодня всюду назначены собрания и совѣщенія.

28 ноября. Нѣчто об о. Гапонѣ. С. П. Хитрово, попечительница какого-то пріюта, рассказала мнѣ слѣдующее. Г. Гапон получил мѣсто въ их пріюте, причемъ ни нравственностью, ни воспитанностью не отличался. Любил покутить и нѣсколько разъ каким-то образомъ ухитился попадать въ спальню къ дѣвушкамъ. Однажды встрѣтилъ на улицѣ какую-то изъ нихъ (воспитанницу пріюта), и отправился съ ней въ меблированные комнаты. Объ этомъ узнали и предложили ему оставить пріютъ.

Г. Гапонъ, кончивъ служить свою послѣднюю

объдни в нем, вышел с крестом на амвон и произнес очень рѣзкую рѣчь, в которой предлагал дѣвушкам не слушаться начальства, не желающего им добра и т. д. Закончил рѣчь еще болѣе странным возгласом: «а кто любит меня, тот иди за мной!»

В тот же вечер дѣвушка, бывшая с ним в меблированных комнатах, пропала. Впослѣдствіи она приходила в пріют в весьма жалком видѣ, беременная и брошенная Гапоном.

Далъше: С. П. Хитрово увѣряла, будто 9 января Гапон в толпѣ рабочих не был — были передѣтые в рясы студенты — а сидѣл он в Вольно-Экономическом обществѣ, ожидая прихода депутацій, с тѣм, чтобы идти во дворец «за министерским креслом».

С. П. Хитрово — дама, во многом очень освѣдомленная и наблюдательная — высказывала предположеніе, что Гапон по всей вѣроятности незаконный сын митрополита Антонія; он выдѣльвал такія штуки, какія другому не сошли бы с рук. Между прочим Гапон за нетрезво-развратное поведеніе отсиживал в Черной кельѣ — замѣняющей тюрьму у духовенства, но выпущен был очень скоро, далеко не отсидѣв присужденного срока.

Газеты сегодня вышли только частью. У газетчиков есть липь Новое Время, Слово и П. Листок.

29 ноября. Слышал от офицера военного телеграфа, как произошла в дѣйствительности исторія в электротехнической ротѣ, перевранная газетами.

Электротехники поставлены так, как не снилось солдатам даже гвардейских полков, и потому петиція, поданная ими командиру об улучшении пи-

щи и т. п. являлась простым результатом пропаганды.

1) Солдаты - электротехники свободны послѣ служебных часов, и им не препятствовали заниматься частными работами, что давало им солидный заработка.

2) За работы во время забастовок солдаты получали по 2 руб. в день (по освѣщенню города), унтера от 4 до 6., а офицеры по 14 руб.

3) Деньги эти, якобы задержанные их командиром (по словам их петиції) в дѣйствительности не были еще даже получены им от градоначальника.

4) Солдаты являются в этой ротѣ, в сущности говоря, бесплатными учениками, по выходѣ из которой сейчас же получают прекрасныя мѣста по 60—100 и болѣе рублей.

Вот такіе-то молодцы (220 из 270) подали командину, под вліяніем агитатора-механика, заявленіе, в котором требовали исполненія в опредѣленный срок всѣх пунктов (точно их не помню).

Командир обѣщал отвѣтить, ушел и дал знать по начальству и градоначальнику.

В 5 ч. вечера (а не ночью), когда было уже темно, во двор безшумно вошел батальон Павловскаго полка; с ним явился и сам командир полка нѣсколько в нетрезвом видѣ и приказал командиру бунтовщиков «обезоружить» их.

Тот приказал вызвать к себѣ роту наверх, якобы для отвѣта, и когда тѣ явились — нижнее помѣщеніе, гдѣ стояли ружья, были заперты дневальными, поставленными из числа вѣрных людей.

Наверху он заявил, что переговорит с ними на болѣе просторном мѣстѣ — во дворѣ. Ничего не

подозрѣвавшіе бунтовщики стали сбѣгать с лѣстницы и попадали прямо в объятія павловцев.

Когда вся рота была окружена и арестована, ей выкинули матрасы и шинели и повели в Петровпавловскую крѣпость, гдѣ и размѣстили в маленьком манежѣ.

С почтовой забастовкой неразбериха: газеты твердят, что она продолжается, между тѣм письма весь Петербург получает исправно.

30 ноября. От П. М. Кошкина, члена совѣта Министра внутренних дѣл, слышал подтвержденіе разсказа Хитрова о Гапонѣ.

Гапон, как и Зубатов, оказывается, тоже получал содержаніе из Министерства Внутренних дѣл и является никѣм иным, как правокатором.

1 декабря. Государь, здоров и весел. «Цвѣт», по выраженію видѣвших его лиц. Толки о стрѣльбѣ в него и ранѣ тѣм не менѣе держатся.

2 декабря. Послѣ полудня сегодня у газетчиков конфисковано 7 газет: в них помѣщен «Манифест» Совѣта Рабочих Депутатов, соціал-демократов и т. д. Манифест предписывает бойкот государственных бумаг, бумажных денег, обратное требование вкладов и т. п.

На Невском проспектѣ буквально нѣт прохода от всякаго возраста субъектов, выкрикивающих и предлагающих каждый день все новые и новые юмористическіе журналы и газеты. Плодятся, как, грибы, теперь!

4 декабря. Лѣвых газет в продажѣ нѣт до сих пор. Вчера в редакціи «Руси» мнѣ сказали, что она выйдет на днях под другим именем; также поступят и остальные 6 газет.

В ночь на сегодня произведено много арестов.

У газетчиков поліція отбирала разные юмористические журналы.

5 декабря. На улицах расклеены правительственные афиши, предупреждающие, что лиц, подстрекающих к забастовкам, будут штрафовать на 500 р., или сажать в тюрьму на 3 месяца.

Газета «Русь» вышла под именем «Молвы»: прочел в ней правительенное сообщение, взваливающее вину за все происходящее только на крайнюю партию.

Цель этих сообщений — еще более разъединить общество и в этом отношении Дурново ведет политику умело!

Огромная масса общества уже струсила и под влиянием забастовок и рабочих манифестов попала на попятный; то и дело слышишь всюду нападки на революцию, уже именуемую «безобразием».

Да, свобода, нам действительно еще «не к рылу», как выразился один мой приятель!

Слышал сегодня толки, будто Семеновского полка офицеры, «запретившие» недавно «Руси» писать что-либо о них, явились третьего дня в редакцию этой газеты и перепороли розгами всех, начиная с Алексея Суворина. Кто только пускает такие утки?

7 декабря. С часа на час ждем новой всеобщей политической забастовки. Финансовое положение многих ужасное; рента, хотя биржевые бюллетени, составляемые казенными маклерами показывают ее в 79—80 р., на самом деле уступается по 60. Банки дают под залог ея только по 25 р. Разорение будет полное, но лучше пройти и через него, только поскорей был бы какой-нибудь конец!

От Л. В. Краивина слышал нерадостные рассказы. Это отставной штабс-капитан, отказавшийся

стрѣлять по толпѣ и самовольно бросившій полк, и за это попавшій под суд.

Теперь он бѣдствует, живет в углах с рабочими на Шлиссельбургском трактѣ и постоянно вращается в их кругу.

Настроение среди рабочих, несмотря на всѣ увѣренія газет — плохое; «жрать нечего» — это выраженіе Л. Крапивина я слышал не раз и от других лиц.

А тут еще праздники на носу, и всякий думает о лишнем грошѣ. Вдобавок, начинается возмущеніе против своих депутатов: вышла какая-то темная исторія с деньгами, которые собирались с рабочих в видах самопомощи.

Правительство играет в пятнашки: каждый день ловят и отбирают то № газет, то №№ еженедѣльных журналов; вместо них появляются десятки новых, опять с остервенѣніем накидывающихся на ловителей и т. д. без конца.

8 декабря. Объявлен бой: в 12 ч. дня назначена всеобщая забастовка. Лавки полны покупателями. Ночью арестован в типографіи номер 3 «Сѣверного голоса». «Молва» («Русь»), «Набат» («Русская газета»), «Наши дни» («Сын Отечества») — полны резолюціями разных обществ и комитетов и так вызывающи, что навѣрное конфискуют и их.

Оружіе (револьверы) припасено в каждой семье, но оно хорошо только против хулиганщины.

Полчаса седьмого вечера. Электричество у нас на песках горит; в частных квартирах на Невском потухло в 3 ч. дня.

У газетчиков отобраны всѣ юмористические журналы. Правительство круто повернуло на путь Плева.

Из Кронштадта, для работ на электрических станциях привезли минеров; на Морской, тъм не менѣе, темнота.

9 декабря. Признаков забастовки на улицах не замѣтно, конки ходят, магазины торгуют попрежнему. На стѣнах домов расклеена «дурная» литература, «успокаивающая», благонамѣренных граждан и извѣщающая, что всякия попытки «снимать с работ», или прекращать торговлю, будут немедленно подавлены.

10 декабря. На вокзалах вездѣ войска. Вчера ѿздил вечером в Царское Село и вернулся около 2 ч. ночи. У всѣх дверей внутри вокзала стояли часовые семеновцы. Электричество на улицах всюду работало исправно. На Загородном проспектѣ обогнал низкій, длинный фургон с вентиляторами на крышѣ и маленькой рѣшеткой в верхней части двери, везшій арестованных. Четверка добрых вороных коней довольно быстро везла этот странный экипаж плевенского изобрѣтенія, обращавшій на себя вниманіе прохожих.

В городѣ вакханалия арестов. Из газет вышли только Новое Время и Свѣт. Двор типографіи первой половины «охраняющими» казаками. На Васильевском островѣ вчера были кровавые столкновенія рабочих с казаками и полиціей, но в городѣ спокойно, и жизнь идет обычной чередой. Настроение у думающих людей смутное, подавленное: успѣх забастовки висит на волоскѣ...

Москва бастует дружно и сильно; к ней призывают другіе города, и только у нас дѣло не клеится. Союзы разных профессій засѣдают усиленно, но надежда на хороший исход плохая: слишком безучастно у нас большинство!

Сегодня на Аничковом мосту нѣсколько под-

ростков продавали газеты и выкрикивали: «Новая финансово-политическая газета — Виттова пляска! Витте пляшет, Трепов барабанит! Витте пляшет, Трепов барабанит!»

Публика улыбалась и раскупала листки.

Забастовали гимназисты; сегодня кучки их ходили и закрывали женскія гимназіи. Союз учителей тоже постановил прекратить занятія.

11 декабря. Из Москвы доходят ужасныя вѣсти: там баррикады и форменная война с пальбой из орудій включительно. Это безнадежно! Вооруженное восстание одной толпы, без войск, немыслимо! Теперь не XVIII вѣк; перед современными орудіями всякая баррикады пустая мечта!

Наша питерская забастовка ползет врозь: бастуют только рабочіе на заводах кругом города, в городъ же жизнь идет нормальной чередой.

На Митрофаньевском кладбищѣ сегодня хорошили убитаго молодого рабочаго; толпа в нѣсколько тысяч человѣк провожала его. Кладбище было полно войсками и полиціей.

Как тревожно населеніе окраин показывает слѣдующее: жена, ъздившая на могилу матери, купила для посадки нѣсколько елок; понес их сын хозяина ларька, гдѣ продаются вѣнки. Парень рассказал женѣ, что они открыли один из склепов, снесли туда самовар, углей и кое-что из вещей и при первой тревогѣ всей семьей хоронятся туда. Увѣрял, кромѣ того, будто бы на кладбище рабочим доставили нѣсколько возов оружія.

12 декабря. Нужда среди рабочих ужасная; многія семьи голодают, и, продлись еще забастовка — между самими же рабочими может вспыхнуть рѣзня, так как бастовать желает только значительное меньшинство.

В газетах было помещено много писем от желающих на время забастовки кормить у себя на дому детей рабочих, но на эти призывы отклика нет. Во-первых, неудобно посыпать детей за десяток верст, а во-вторых, рабочие не хотят этого из гордости.

Архангельская, одна из заведывающих столовой для бедного люда около Смольного, передавала тяжелая наблюдения; к ним в столовую приходит много изголодавшихся людей, главным образом, детей и женщин. Рабочие не могли бы, даже если бы хотели, посыпать обедать в город своих ребят, так как не во что одеться, и рваные одеженки надеваются детьми по очереди.

Всё взгляды забастовщиков устремлены были на Николаевскую жел. дор. — забастуй она, и весь город стал бы! Но она примкнуть отказалась: всё главари и дядятели прошлой забастовки схвачены и арестованы, и руководителей нет у нея.

Аресты продолжаются без конца.

По случаю объявленной 17 октября «свободы» все собрания разгоняются; разогнано было даже такое, как «Женского взаимного благотворительного общества», где бывают только женщины и совещаются об устройстве школ, чтений и народных столовых.

В позапрошлую субботу арестовано на митинге около 200 чел. боевой организации; бездействие Петербурга понятно...

Газет, кроме Нового Времени, попрежнему нет. Это большая ошибка. Точно нарочно представили монополию Суворинщине распространять свои идеи возможно шире! Поневоле теперь все покупают эту газету, чтобы узнать, что творится кругом.

Сейчас слышал подтверждение рассказа (вчерашняго) об убийствѣ на Шлиссельбургском трактѣ околоточного надзирателя.

Группа рабочих, человѣкъ около 300, собралась около одного дома слушать оратора. В это время явились казаки и околоточный надзиратель и арестовали говорившаго; когда его у вели, показался другой околоточный — очень нелюбимый в тѣх краях. Толпа бросилась на него; он побѣжал и вскочил на проходившую мимо конку; рабочіе, выламывая на бѣгу колья из палисадов, помчались за конкой. Бывшіе впереди, услыхав крики: «держи конку», остановили ее, — опустив шлагбаум; рабочіе ворвались в вагон, выволокли отстрѣливавшагося из револьвера околоточного на тротуар и измоловтили его на смерть. Остервенѣніе было так велико, что даже стѣнка вагона разнесена ими вдребезги. Дикая расправа эта происходила в нѣскольких саженях от окон квартиръ Новиковыkh, видѣвших и сообщивших мнѣ о ней.

13 декабря. Вчера на окраинах происходили мелкія стычки рабочих с войсками, есть убитые и раненые.

Из Москвы идут странныя свѣдѣнія. Там цѣлый корпусъ войск и вот уже сколько дней не может одолѣть возставших — очевидно правительственные сообщенія не точны, как всегда. Второе: в «битвах» принимают участіе только казаки, драгуны и артиллерія — про пѣхоту не упоминается. А между тѣм в ней перед самым восстаніем были бунты. Гдѣ же, на чьей сторонѣ теперь она?

Вечером вышел № «Молвы».

14 декабря. Аресты без конца. Поліція запечатала 38 типографій. В Москву сегодня уходит

экстренно вызванный Семеновский полк: стало быть, положение войск там не из блестящих. Бой на улицах Москвы продолжается.

В центръ Петербурга спокойно, но с окраин идут тревожные вѣсти. На Выборгской сторонѣ, напр., казачьи разъезды стрѣляют даже по небольшим группам людей, совершенно к движению не причастных. Были убитые и раненые.

Вниманіе всѣх приковано к Москвѣ; у нас ждут беспорядков 9 января, на день годовщины массовых убийств. В 9 января не вѣрю: если ждать чего-то лишь весною! С юга к нам идет чума, на борьбу с которой мудрое правительство наше назначило 9.000 р., тогда как разные гг. Дурново на «подъем» с одного мѣста на другое получают по 40.000. Чуть не во всѣх губерніях надо ждать голода; промышленность остановилась и частью прекратилась совсѣм.

Положеніе рабочих отчаянное. Немногим лучше и других — не чиновников. Журналы, напр., сотрудникам уже не платят, так как подписчиков нѣт абсолютно. Даже такой ходкій прежде журнал, как «Мир Божій» до сих пор не имѣет ни одного. Под залад вещей ломбарды дают гроши — менѣе половины того, что давали за тѣ вещи раньше. Продавать что-либо — немыслимо, так как предложений много, а желаній купить нѣт совершенно.

16 декабря. Москва воюет и разстрѣливается артиллерией. Адмирал Дубасов, генерал-губернатор ея, способен всѣх мирных москвичей превратить в боевиков — революціонеров: пушками разбивают дома, откуда был хотя бы один выстрѣл, и гдѣ живут сотни неповинных людей; жарят шрапнелью по всякой толпѣ без разбора, открывают ружей-

ную стрѣльбу по кучкам в 3 человѣка, по глядящим в окна женщинам и т. д.

В центрѣ Питера тихо и ожидать чего-либо скоро нельзя. Аресты продолжаются.

На окраинах, особенно по Шлиссельбургскому тракту, голод; среди рабочих раскол, так как большинство хочет стать на работы; вожаки всѣ арестованы.

Телеграммы изо всѣх городов приносят вѣсти о безконечных арестах. Хватают всякого, зря, по старому — до выясненія причин.

25 де к а б р я. Революція подавлена... пока что, конечно! Пишу эти строки в Кемере. Из Петербурга и со всей Руси вѣсти прежнія, темныя: повальные обыски, аресты и даже разстрѣлы.

Дурново и к-о торжествует.

Рузумъется, ни одно государство не потерпѣло бы ни барrikад на улицах, ни «манифестов», в родѣ выпущенного рабочими, но ни одно государство и не истребляло бы так безсмысленно жестоко людей, как у нас, и не надругивалось бы со своей стороны над своими же законами.

У меня в Кемере скрывается в настоящее время один из членов первого Совѣта Рабочих Депутатов — рабочій Семянниковского завода Н. Ф. Климчинскій. Он был изрублен 6 ноября казаками; по выходѣ из больницы Э. К. Пименова (писательница) направила его ко мнѣ.

Это огромнаго роста человѣк, лѣт около 30, из крестьян Могилевской губерніи, брюнет. Лицо умное, с глубокой складкой между бровей. На коротко остриженной головѣ у него краснѣют три больших еще свѣжих рубца; кромѣ этих трех ран у него было прикладами сломано 2 ребра, и пе-

ренести такое избиение могла только подобная железная натура; раньше он подымал 18 пудов.

Среди боевой организаций зародилась мысль овладеть Кронштадтом.

Сперва у нас опаздывало во всем правительство, теперь начинает опаздывать революция!

31 декабря. Реакция торжествует по всей Руси.

Петербург готовится к выборам в Государственную Думу.

Наступающий год встретим мрачными глазами. Много еще должно пролиться крови и разориться людей, прежде чьим настоящий мир воцарится на Русской земле!

1906 год.

28 марта. Три месяца не прикасался к этой книге. Чуть не повальные обыски и бесконечные аресты, идущие и по сейчас в Петербург, заставили меня увезти ее в Кемере и хранить там, подальше от жандармских рук.

Несмотря на весь ухищрения Дурново и Витте, несмотря на аресты, запрещения собраний, разстрэлы, провокацию и всяческие приемы такого рода — одолела конституционно-демократическая партия: в Питер в выборщики прошли только ее кандидаты и почти во всех городах тоже. Успех неожиданный!

В день выборов в Питер было очень оживленно: у Соляного городка, куда направился и я,

как житель Рождественской части, с 9 ч. утра толпа. Распорядители были столь умны, что для входа и выхода многотысячной толпы предоставили только одну дверь, так что давка происходила, как на пожарѣ — одна волна втискивалась в зданіе, другая опрокидывала ее.

Я пришел к десяти часам. У входа в изобилії раздавали разные черносотенные воззванія и приглашения голосовать за партію правового порядка; — раздатчики лѣвых партій, даже кадеты допущены не были, и воззванія послѣдних отбирались и уничтожались полиціей.

Огромный сарай, предоставленный для выборов, имѣл вид собачьей выставки, гдѣ у стѣн, за черными рѣшетками, как в клѣтках, сидѣли за столами приемщики. Над каждым столом возвышалась палка с буквами алфавита и №№, по которым должны были раздѣляться податели голосов. В загонах сидѣло по три приемщика; один принимал повѣстку и опускал ее в «урну», имѣвшую вид огромного почтоваго ящика, густо вымазанного сажей; сидѣвшій посрединѣ отмѣчал в книгѣ фамилию. Я подал голос за «кадетов», перед самыми выборами переименовавших свою партію болѣе понятным для массы образом — в партію народной свободы.

Оправдает ли она наши ожиданія??.

Несмотря на драконовыя мѣры не только против редакторов сатирических изданий, но даже и против типографій, печатавших их, — число послѣдних дошло до безумной цифры: с 17 октября вышло болѣе шестидесяти названій. Их конфискуют, жгут, рѣжут, а они растут себѣ, как ни в чем не бывало.

4 апрѣля. Ждали к Пасхѣ амнистіи поли-

тическим заключенным, число которых по официальным свѣдѣніям свыше 70 тысяч, и ничего не дождались. В насмѣшку говорили, что амнистія будет дана только устроителям погромов!

На смѣну нам идет совсѣм другое поколѣніе. Кто из нас в дѣтствѣ имѣл понятіе о забастовках, политических ссылках и т. п.? Теперь дѣти, даже у родителей, намѣренно скрывающих от них все творящееся на Руси, — играют в забастовки, в митинги, с жадностью хватают газеты, так безконечно скучными казавшимися нам в 10—12 лѣт. Напр., дѣвочки в нашем коммерческом училищѣ играют в митинги, и когда старшія являются угомонять возню, то пресервенно отвѣчают, «как же быть — мы играем в митинг, нодо же нас разгонять!»

Грошевыя соціальные брошюры идут нарасхват и покупаются, главным образом, подростками и рабочими. Кто в наше время в 12—13 лѣт промѣнял бы Жюля Верна на Маркса и Майн-Рида на Бебеля?!

20 апреля. Напряженно ждем Думу. А пока что — лупят нас нагайками, разгоняют даже самая невинные собраія и усиленно обыскивают. Такой свободы давненько, со времен Грознаго, не было еще на Руси!

Жена недавно была на одном из обычных, исключительно дамских, так называемых «воскресных» собраіях общества попеченія о молодых дѣвицах. Никакой политики это общество не касается; тѣм не менѣе к ним пожаловал нѣкій чин с оранжевыми кантами и весьма развязно усѣлся среди дам слушать их разговоры; возмущенные дамы отомстили ему тѣм, что сейчас же очистили мѣста близ него, а хозяйка дома — (собраія эти происходят поочередно у дам) — патронесс на

квартирах) приказала обнести его чаем. Чин однако этим не смутился: кожа на них высокой выдѣлки!

21 апрайля. Пропаганда среди войск идет усиленная. Соціал-демократы издают специальную газету для них «Казарму», конечно, нелегальную. От членов военной организаціи их слышал, что Кронштадт настолько опять подготовлен к восстанию, что боятся, как бы не вспыхнуло оно у них преждевременно. Из питерских войск очень надѣются на преображенцев, за исключением какой-то одной, кажется, царской роты, и на Петропавловской гарнизон. В Царском, Гатчинѣ и др. окрестностях солдаты начинают устраивать митинги и видимо пробуждаются... Преданіе свѣжо...

Много говорят и пишут в газетах всѣ эти дни о пресловутом Гапонѣ. Окончательно выяснилось, что за гусь и какую скверную, хотя все же еще загадочную, роль играл он в дѣлѣ 9 января. Он дѣйствовал на два фронта и увлекался, и там и тут.

26 апрайля. Опубликованы «основные законы», — вѣрнѣе послѣднія судороги самодержавія. Кѣм надо быть, чтобы придумывать и издавать новые законы чуть не за день перед Думой?..

На этих днях ушли в отставку Витте и Дурново, а с ними и прочіе министры. Дурново в награду за труды получил 200.000 р.

По Питеру їздят и ходят войска, как перед генеральным сраженiem; вокзалы переполнены солдатами и жандармами; обыскивают пассажиров без стѣсненій, и на-днях обыскали даже нѣскольких депутатов.

27 апрайля. Вот и великий, долго жданный день! На улицах флаги, но праздничного оживленія

не замѣтно. Фабрики всѣ работают. На углах улиц бѣлѣют плакаты, объявленія нашего остроумнаго градоначальника, распорядившагося прекратить движение по двум мостам через Неву.

Вышел на Невскій; народа даже меньше, чѣм в обыкновенные будни. Только на углах Морской, да под аркой штаба толпились небольшія кучки любопытных; ни к Александровскому саду, ни на Дворцовую площадь, ни по Мойкѣ не пропускали никого. Постоял нѣсколько минут под аркой, посмотрѣл на красную и бѣлую линіи казаков и кавалергардов, выстроенных перед дворцом, и пошел обратно. Во дворцѣ происходил в это время пріем Думы.

6 ч. вечера. К 4 ч. члены Думы съѣхались в Таврическій дворец. Войск и полиціи нагнало было к нему вдвое больше, чѣм публики; толпа стояла все же весьма порядочная; преобладало студенчество, курсистки и интеллигентія. Чувствовали себя всѣ чрезвычайно свободно и вскорѣ начали зadirать войска: раздались свистки, крики «долой» и «прочь», словом, начался скандал, и только появленіе обер-полицеймейстера, обѣщавшаго удалить войска, успокоило толпу. Войска, дѣйствительно, сейчас же ушли, и публика взялась под руки, устроила цѣпи и успокоилась. Какой-то министр хотѣл подъѣхать к самому дворцу в каретѣ; раздался вой, лошадей ухватили под уздцы и заставили его высадиться и шествовать пѣшим mannerom. Члены Думы пробирались гуськом, кланяясь, жали тянувшіяся к ним руки; их встрѣчали и провожали аплодисментами и криками: «амнистію, амнистію!» Болѣе всѣх оваций выпало на долю Родичева.

10 ч. вечера. От бывших на пріемѣ во двор-

цѣ слышал, что государь тронную рѣчъ свою, состоящую всего из трех-четырех фраз, читал по бумажкѣ; Марія Федоровна выглядѣла презлющей, молодая императрица сидѣла вся пунцовава, и обѣ, не досидѣв до конца, удалились. Богатая, хотя неподновленная и грязная, обстановка особаго впечатлѣнія на депутатов-крестьян не произвела. Вообще всѣ выборные были очень сдержанны и скорѣе угрюмы: значит, чувствуют, какая ответственность перед избирателями лежит на них! Один крестьянин глядѣл, глядѣл на раззолоченный мундир какого-то придворнаго и сказал вполголоса: «ежели б с одного его зада золото снять — двѣ деревни цѣльный год прокормить хватило бы!»

30 апреля. Об амнистії по-прежнему ни слуху, ни духу. Дума собирается, газета членами ея издается, но ни о каких рѣшительных шагах, не слышно...

К 1 мая заготовляют войск больше, чѣм их дѣйствовало в Ляоянѣ у Куропаткина. На войнѣ пулеметы у нас отсутствовали, а теперь чуть ли не на каждого жителя по такой штучкѣ найдется! На Троицкій мост и набережную Петербурга стороны наведены со стѣны Петропавловки два вновь ввезенных орудія. Отечески пекутся у нас о спокойствії народа!

2 мая. Первое мая прошло мирно; заводы, конечно, не работали; в городѣ прецессій не было, и только огромная толпа рабочих в красных рубахах и с красными флагами прошла из-за Невской заставы на Преображенское кладбище, к могилам жертв 9 января.

Ухлопали командира Петербургского порта, сильно жавшаго рабочих и вообще слишком герой-

ствовавшаго среди подчиненных; убито и нѣсколько рабочих, главарей черносотенцев, свирѣпство-
вавших на Семянниковском заводѣ.

Слухи о смерти Гапона подтвердились: тѣло его нашли на пустой дачѣ в Озерках; он висѣл на веревкѣ, и вскрытие показало, что он был повѣшен живой; тѣло его сильно разложилось, но лицо можно было узнать, и факт установлен окончательно... Кто убійцы — неизвѣстно, хотя, в газетах помѣщено было заявленіе боевой организаціи о том, что Гапон приговорен ею к смерти, и что приговор приведен в исполненіе. Заявлению этому почти никто не повѣрил, и считали его простой мистификацией. Вот и новая интересная тема для газетнаго романа!

Дума еще засѣдает, только надолго ли? Дворцовая камарилья уже точит на нее зубы.

5 іюня. Понемногу ухлопывают на окраинах черносотенцев. Опять берет верх революціонная партія, задавленная было арестами. На заводах происходят курьезы. На Семянниковском, напр., черносотенцы доведены до такого перепуга, что по малѣйшему окрику приносят свои значки — «истинно русских» людей и револьверы — по большей части скверные. Любопытно, что на квартирах двух убитых — Лаврова и Снесарева — главарей черносотенцев и страшилищ цѣлых районов — рабочими обнаружены склады награбленных ими кошельков, часов, шапок и т. п. У одного напр., — у Лаврова, отыскано было 40 кошельков, 17 часов, 25 шапок. Эти франты со своими шайками с начали репрессій занимались вездѣ на окраинах, под видом обысков, грабежом прохожих. Управы на них, кромѣ самосуда, никакой не было.

Настроение в общем, как перед грозой—душно, дышать хочется!

7 іюня. Бесѣдовал со многими издателями и вот неожиданное сообщение их: книжный рынок пресытился, словно захлебнулся тѣм страшным количеством книг и брошюр, что выбрасывается на него теперь ежедневно. Перестали даже идти разные социальные брошюры — еще так недавно напрасхват разбирающиеся публикой. Мы пережили период книжной вакханалии: печать вырвалась из проклятых лап цензуры и закрутилась, как дервиш в плясъ. Одно время книги, особенно брошюры, шли поразительно бойко; теперь «стали» и онѣ. Казалось бы, при таком спросѣ, издательства и бумажные фабрики должны бы были процвѣтать, между тѣм явление получилось обратное: всѣ жалуются на упадок дѣл — даже газеты, поглотившія теперь все вниманіе публики. Причина проста: фабрики в большинствѣ случаев отпускают бумагу в кредит, иначе онѣ стали бы совсѣм, так как наличных денег теперь сильно поубавилось на Руси; издательства берут в кредит, и печатают; но продать теперь можно только что-либо очень рѣзкое, и книги по выходѣ в свѣт весьма скоро конфискуются полиціей. Результаты ясны. Газеты, несмотря на страшный спрос на них, в желѣзных тисках и держатся только продажею в розницу в С.-ПБ. Дальше их не выпускают: конфискуют или в почтамтѣ, или же цѣльными тюками на мѣстах получений. Даже дѣла такой распространенной газеты, как «Наша Жизнь», висят на волоскѣ; юмористические журналы поумирали уже почти всѣ, а с 17 октября выпрыгнуло их в свѣт около 80.

Пріѣзжающіе из провинцій рассказывают об особом родѣ нищенства, распространившемся на

Руси: на станціях бабы, подростки и мужики выпрашивають у проъважих «газетку»... И это у нас, на Россія! Основательно же пробудил нас японскій приклад!

20 і ю н я. Бесѣдовал с Д. М. Бодиско, только что вернувшимся из своей Тульской губерніи. Он, еще недавно увѣрявшій меня в глубоком монархизмѣ крестьян, рассказывал, и не без горечи, что слово «царь» теперь мертвый звук для народа. Мертвый потому, что народ раньше разсчитывал, что царь и никто другой даст ему землю, теперь же всѣ упованія свои перенес на Думу. Потрунил я над ним. Царь-то у нас совсѣм как некрасовскій барин, которого «все нѣту», который «все не єдет!»

1907 год.

30 мая. Кемер е. В Петербургъ открыли опять всѣ игорные дома, в изобилії высыпавшіе за послѣдній год. Градоначальник было закрыл их, но сердце не камень и против предложенныхъ 100.000 не устояло. Один Купеческій клуб за право сохраненія азартныхъ игр заплатил 20.000.

4 і ю н я. Вторая дума распущена.

Извѣстіе об этом привезла в Кемерѣ К. Н. Новикова. Колонія наша всполошилась. Питер равнодушен; если б не разѣзды жандармов и казаков на улицах — и подумать нельзя было бы, что случилось нѣчто незаурядное.

8 і ю н я. В Питерѣ аресты и обыски без

конца. Волнуется и бурлит молодежь, а громадное, подавляющее большинство взрослых людей, «публика» — почти равнодушно. Кто устал от политики, кому наплевать на все, кроме загородных садов и кабаков.

18 июня. Вчера приезжал и сегодня уехал В. Л. Бурцев — один из редакторов «Былого».

Немного выше среднего роста, худощавый, с небольшими остроконечными волосами, покрытыми вихрами седоватых волос, человек этот находится в юном младенчестве: идеалист, доверчивый, наивный, он производит на незнакомого человека несколько странное впечатление. Встречался я с ним несколько раз в редакции «Былого»; человек он искренний и простой.

В этом году он заработал около 12.000 рублей и много отдал на дело революции, но еще больше разобрали у него друзья, т. к. счета деньгам он сам вести не умеет. Ходит всегда неряшой и имеет вид человека, не успевшего вымыться; сегодня с увлечением занимается рыбной ловлей, причем стоял на мостках на солнцепеке без шапки и в сюртуке, без воротничка и манжет. Рассказывал об идеи устроить музей революции, и что многие уже деятельно собирают материалы для него; рылись мы с ним в моей библиотеке.

25 июня. Приехал Бурцев — приехал погодиться к Яковлевым (Богучарским). Страшно увлекается рыбной ловлей, сидит целыми часами на мостках и удит каких-то злополучных окуньков. Червей у них на участке нет и он приезжал ко мне за червями, ползал на коленях, в юном своем сюртуке, по навозу и ковырял в нем палкой, уверяя, что предложенный мною для этой цели нож — не поэтичен.

Насмѣшил он нас с Яковлевым: послѣдній — страстный охотник и возился при нем с ружьем; Бурцев и говорит: — послушайте, уберите эту штуку — я, как истинный террорист, весьма боюсь ея!

В этом шутливом замѣчаніи сказался весь Бурцев. Чѣм больше присматриваюсь к нему, тѣм прочнѣе убѣждаюсь, что это настоящее, хотя и сѣдѣющее уже, дитя.

Междуда прочим: у него не хватило червей для ловли и он на крючок стал насаживать кусочки копченой колбасы; я ему совѣтовал для успѣха нацѣпить на другой крючок рюмку водки; сумасшедших окуней, к большому его сожалѣнію, в нашем озерѣ так и не оказалось.

10 іюля. Вчера їздил в Петербург. Народу, по обыкновенію, в поїздѣ была гибель. Теріоки теперь в нѣкотором родѣ черта осѣдлости разных приговоренных к крѣпости редакторов, издателей и т. п.

На вокзалѣ видѣл Бурцева, присяжного повѣренного Маргуліеса и др. Послѣдній, чтоб пройти в Думу, вздумал создать новую партію, «радикальную».

Присутствовал раз и я на собраніи этой партіи, послушал разных «товарищей» и ораторов и написал об этих каррикатурах в «Руси». Единственный, настоящій говорун в этой «партіи» был Маргуліес; говорит он хорошо, но особаго впечатлѣнія произвести не может: глубины нѣт. Затѣя его, конечно, лопнула, и в послѣднее время, когда он являлся на какое - нибудь собраніе, его привѣтствовали: — «а, вот и вся радикальная партія пришла!»

Вчера же был очевидцем грабежа, или, как принято теперь выражаться по модному, — экспропріаціи.

Иду днем домой — по Суворовскому проспекту и вдруг слышу на 7-ой Рождественской сухие удары молотков по доскѣ, затѣм крики; вижу, народ бѣжит к углу со всѣх сторон. Поспѣшил и я и увидал, что по направлению к Греческому скверу летит четверо людей; навстрѣчу им выскочило двое городовых и двое же гнались за ними; убѣгавшіе отстрѣливались, очевидно, из браунингов; дыма видно не было, а слышались только удары; одного из убѣгавших, здоровенного верзилу, поймали, остальные исчезли; несмотря на усиленную пальбу, ни раненых, ни убитых не было.

Против нашей квартиры, у чайного магазина Парамонова, толпилась публика; одно из окон его было разбито. Оказалось, что грабители вошли в магазин, выхватили револьверы и велѣли горбатенькой старушкѣ-хозяйкѣ подать деньги.

Она открыла конторку, вынула оттуда желѣзную коробку с мѣдью и, нежданно, запустила ее в окно. Стекла посыпались на тротуар и к магазину бросились любопытные.

Грабители в перепугѣ метнулись вон, успѣв захватить лишь сверток с 50 копѣйками.

16 іюля. 14-е и 15-е числа провел в Петербургѣ.

Был, между прочим, в «Трудѣ», книжном магазинѣ на Невском, смотрѣл новинки. Декадентщина вытѣснила в настоящее время всѣ другія книги.

Кликушество и порнографія — вот что теперь заполонило и журналы и книжный рынок. Любопытно, что чуть не всѣ поголовно ругаются и смѣются над корифеями этой марки, а... покупают только их! Одни объясняют такія свои покупки тѣм, что надо же быть в курсѣ современных тече-

ній в літературѣ, другіе — модой и любопытством.

На вопросы мои, что требует и читает теперь провинція, сообщили, что провинціи это теченіе пока не коснулось и что декадентщина оттуда не требуется. Купил нѣсколько конфискованных книг для своей библіотеки; продаются онъ, конечно, совершенно открыто и грозное когда-то слово «конфисковано» — в настоящее время звук пустой.

21 іюля. Перестал читать газеты: их довели до того же положенія, в каком находились онъ при Щедринѣ; опять требуется эфіопскій язык и ухищренія для маскировки мыслей. Политическій горизонт так же сѣр и скучен, как погода.

23 августа. В Петербургѣ за это время произошло освященіе храма Воскресенія, знамени-таго не только тѣм, что он построен на мѣстѣ убийства Александра II, а и тѣм, что двадцать шесть лѣт, все время своей постройки, весьма сытно кормил высоких особ. Не мало язвительно поострили на этот счет петербуржцы.

Освященіе происходило весьма оригинально. Во-первых, прекращено было всякое движение через Неву по мостам, на пароходах и даже яликах; во-вторых, войска и полиція оцѣпили весь квартал, гдѣ стоит церковь, и без билетов никто рѣшительно, даже в собственные квартиры, в этой части города расположенные, не пропускался; в-третьих, у каждого окна по пути слѣдованія стояло по городовому и всякое приближеніе к окнам жильцам было воспрещено...

Его Величество прослѣдовало благополучно, и затѣм градоначальнику было объявлено благоволеніе за «отличный порядок».

Порядок, действительно, был великолѣпный: на улицах было — хоть в кегли играй!

21-го числа происходили новые казни: покончили на Лисьем Носу трех главных заговорщиков... О казнях приходится слышать или читать каждый день; положеніе в общем не лучше, чѣм до «свобод». Печать опять гнут в бараній рог: штрафуют за всякую ерунду без милосердія.

28 а вгуста, Ізидил на Сайменскій канал в гости к Д. Ф. Чепикову — пріятелю и компаньюону извѣстнаго книгопродавца Карбасникова; послѣдній имѣл прежде книжный магазин на Литейном просп., затѣм, этим лѣтом, перебрался в Гостиный Двор. Купил там рядом с Вольфом небольшое помѣщеніе за 136.000 рублей, и послѣдній теперь предлагает ему 50.000 отступнаго.

Карбасников только поглаживает бороду да посмѣивается. Это лысый невысокій человѣк с рыжеватой бородой, длинной, как у Черномора. Как собесѣдник — человѣк незамѣнимый: весельчак и балагур.

20 октября. Состоялись, наконец, выборы; как и слѣдовало ожидать, благодаря всяким беззаконным «законам» Дума будет полна черносотенцами.

В Петербургѣ поразило меня, послѣ долгаго лѣтняго отсутствія, обиліе новых училищ, курсов и т. п. Особенно общеобразовательных курсов и коммерческих училищ развелось, как грибов. Всякіе курсы — бухгалтерскіе, техническіе, общіе — полны. Обиліе новых коммерческих училищ объясняется тѣм, что они находятся в вѣдѣніи Министерства торговли, а не просвѣщенія, откуда бѣжит, или выживается, все мало-мальски ра-

зумное. Три года тому назад сбъжали и мы из этого милого министерства.

Чтоб описать всю дикую хосность его — нужны томы; расскажу кое-что о нѣкоем окружном инспекторѣ, Санчурском, под игом которого находилось и наше училище.

Дѣло у нас было молодое, но открытая женой школа (3 го разряда) уже имѣла два или три класса. Надо было хлопотать о правах второго разряда и вот тут-то господин Санчурский поломался всласть. Является, между прочим, в училище, приходит в первый класс.

— Ну-с, заявляет: — я желаю проэкзаменовать дѣтей по Закону Божію...

Начинается экзамен, вызывает дѣвочку.

— Скажите мнѣ, кто у нас Государь Император? Наслѣдник? Дядя Государя? и т. д.

Это, по мнѣнію г. инспектора, относилось к Закону Божію...

В другом классѣ экзаменует по естествовѣдѣнію.

— Скажите, какія деревья приносят плоды?

Дѣвочка отвѣтает: яблони, груши, сосна...

— Как сосна?.. изумляется инспектор.

— Да, у нея есть плоды.

— Какіе? Гдѣ вы их видѣли?

— А шишки?

— Да развѣ это плоды? Плодами называется только то, что есть можно...

И господин с такими познаніями назначается на пост почти безапелляціонного судьи над десятками школ.

Интереснѣе всего, что когда этот субъект, умершій года два назад от прогрессивнаго паралича, почти уже утратил рѣчь и вместо связных

фраз произносил неповинующимся языком непостижимую ерунду, он еще более полугода продолжал быть фактическим инспектором школ, с которым продолжало считаться министерство.

23 октября. Сегодня перебаллотировка выборов в Государственную Думу.

Перед первыми выборами я ъездил в Финляндию и на вокзалѣ встрѣтился со Львом Федоровичем Рагозиным — предсѣдателем Медицинского Совѣта. Со стариком я в очень хороших отношеніях и он рассказал мнѣ слѣдующее.

Перед выборами к нему явился чиновник особых порученій из Департамента Полиціи и, всячески извиняясь и раскланиваясь, сказал, что он пріѣхал от Директора Д-та с порученіем «усиленно просить ваше превосходительство» о подачѣ голоса за столь полезного человѣка, как М. Меньшиков.

Курьезнѣе всего, что по подсчетам за Іудушку, оказалось, подано было всего... тринадцать голосов. И это при содѣйствії величайшей власти в Россіи — Директора Департамента Полиціи!

25 октября. В Питерѣ побѣдили кадеты. Прошли все тѣ же: Милюков, Родичев и Колюбакин.

26 октября. Слышал разсказы лейтенанта князя В., офицера, с императорской яхты «Штандарт», так блестяще усѣвшейся на камни в Финских шхерах.

По рассказам его, Государь страшно любит и балует наслѣдника. Трех-или четырехлѣтній мальчик этот дѣлает рѣшительно все, что ни забредет ему в голову.

Напримѣр, явился во время поѣздки по шхерам к вахтенному офицеру и потребовал, чтобы играла музыка. Тот вытянулся, держа под козырек,

перед крошкой и доложил, что музыка играла вчера, а сегодня по расписанію ея не полагается.

Наслѣдник потребовал, чтобы музыканты явились; вахтенный доложил капитану и приказаніе было немедленно исполнено.

Сыграли марш, другой, затѣм Алексѣй вытребовал матросов и стал командовать ими, потом заставил командовать офицера, причем велѣл ему «быть папой». Матросы хором отвѣчали «рады статься, Ваше Величество» и т. д.

Важнѣйшею фігурою при Дворѣ является барон Фредерикс; с ним Государь бесѣдует часами, между тѣм как министрам и даже премьеру — Столыпину удѣляет на дѣла не больше четверти часа, и сух с ним настолько, что появленіе на «Штандартѣ» Столыпина производило впечатлѣніе не большее, чѣм пріѣзд какого-нибудь разночинца.

Николай, не стѣсняясь, заявляет, что «вообще я штатских не признаю... даже чиновников».

А насколько он высокаго мнѣнія о себѣ и обо всем, с чѣм он соприкасается, показывает слѣдующая фраза. Когда «Штандарт» напоролся на камень и остановился, Николай сидѣл в каютѣ и что-то писал. Дежурный офицер бросился к нему с докладом об аваріи.

— Императорская яхта сѣсть на камень не может! отвѣтил Николай II.

В общем, мнѣніе петербуржцев о Николаѣ II довольно единодушное. Было время, когда добрая половина города его жалѣла и защищала. Теперь, с кѣм ни заговори, всякий машет рукой и отвѣчает бранью.

Забавно, что гг. монархисты и «истинно русскіе», тѣ, что с гордостью, заслуживающей луч-

шаго приложеñія, юменуют себя черносотенцами, ненавидят Николая еще болѣе лѣвых.

8 ноября. Был на днях у Богучарских. Василій Яковлевич уѣхал в Париж, а без него стряслось несчастье — закрыли «Былое». Конфискованы были двѣ книги под ряд — сентябрьская и октябрьская, — первая за записки сенатора Безобразова, в которых попало царской семьѣ, вторая просто, должно быть, за компанію, так как инкриминируемые записи Бороздина рѣшительно ничего грѣховнаго не содержат.

Говорят, что сентябрьской книгой так были возмущены великие князья, что насыли на кого слѣдует и вынудили администрацію прикончить с журналом. Жаль, материала заготовлено уже книг на шесть и болѣе!

Как передавала Богучарская, в ея отсутствіе на кухню к ним пришел какой-то неизвѣстный субъект и предупредил, что на днях у них будет обыск. Моментально она выгрузила всѣ документы в огромный чемоданище и, спросив предварительно согласіе, отвезла его к Прокоповичам.

Э. В. Яковleva — одна из дѣятельных и видных участниц нашего нелегального Краснаго Креста; когда к ним ни приди — в передней у нея всегда высятся груды узлов со всякой всячиной, предназначеннай для передачи политическим арестантам в тюрьмы; разносят их, помимо членов, еще и курсистки; послѣднія в весьма большом числѣ.

Разсказывала мнѣ о непріятном впечатлѣніи, произведенном на нее и других членов Креста выходкой евреек. Крест, конечно, никогда никакой разницы между ссыльными ни по націям, ни по

религіям не дѣлал, между тѣм вдруг еврейки, вы-
зывав предварительно все нужное для веденія дѣла
в Крестъ, заявили, что онъ хотятъ выдѣлиться и на-
мѣрены помочь только своимъ, евреямъ.

В общемъ, состав революціонеровъ страшно по-
нился. Всякая сволочь прикрываются теперь кра-
снымъ флагомъ.

Отовсюду приходится слышать жалобы на по-
стоянныя посѣщенія квартиръ «политическими лично-
стями», выпрашивающими пособія и которыя, по
проводу, оказываются просто шантажистами. Все
это вводитъ Красный Крестъ въ большія затрудненія.

6 декабря. Давно не заглядывалъ въ эту
тетрадь: писать нечего. Все одно и то же: обыски,
казни, грабежи. Все это стало такъ обычно, что не
вызываетъ ни интереса, ни разговоровъ.

Сегодня Питеръ разукрашенъ флагами, коврами,
вензелями и пр. по случаю царскаго дня. Въ газе-
тахъ типа «Нового Времени» восторженныя описанія
иллюминацій, убранства города, ликованія и т. п.
А на дѣлѣ градоначальникъ объявилъ домовладѣль-
цамъ, что если убранства домовъ окажутся недоста-
точными, то они будутъ оштрафованы на 500 руб-
лей.

Усиленные аресты и обыски идутъ и въ Фин-
ляндіи. Давно ли я писалъ, шутя, о Теріокахъ какъ о
чертѣ осѣдлости нашихъ революціонеровъ? Теперь
ея нѣтъ!

10 декабря. Встрѣтилъ на Литейномъ похо-
роны министра торговли Философова, внезапно
умершаго 6 декабря въ ложѣ № 13 Маріинскаго
театра. Гробъ сопровождало почему-то множество
жандармовъ съ винтовками за плечами; кто его со-
бирался экспроприровать — неизвѣстно!

12 декабря. Навѣстил Л. Ф. Рагозина. Смѣется. Удивительный чудак этот человѣк! Доброты он безмѣрной, сановничьей важности и малѣйшей, довѣрчив при этом Лев Федорович тоже безмѣрно.

Вся жизнь его — это сплошная цѣль увлеченій. Нѣсколько лѣт тому назад он страстно увлекался часовым мастерством; я часто заглядывал к нему и, как ни придешь, сейчас же тащил показывать новинки: он чуть ли не каждый день ходил на толкучку и скучал там всевозможную дрянь, преимущественно карманную. Инструментов у него была гибель. Главное удовольствіе Л. Ф. состояло в том, чтобы починить часы и повѣсить их затѣм над кроватью, гдѣ их у него тикало в ящикѣ за стеклом штук восемнадцать.

Когда наступало время бить часам — в домѣ начинался Содом: во всѣх углах, на всѣх стѣнах принимались звонить, трещать и отжаривать часы всяких видов и размѣров.

Особенно неистово и рѣзко, словно молотком по стальному котлу, били у него часы в кабинетѣ; это окаянное произведеніе ежечасно начинало свои концерты и я первое время каждый раз привскакивал в креслѣ от неожиданных, точно пистолетных, выстрѣлов над ухом.

Всякій другой в такой обстановкѣ впал бы в бѣшенство через двадцать четыре часа, а Л. Ф. только гуляет по комнатам да радуется.

Увлеченіе часами смѣнилось увлеченіем топорами; как-то прихожу — тащит смотрѣть топоры: развѣсили их на стѣнѣ цѣлую коллекцію; послѣ топоров появились на сцену ружья, из которых он вряд ли когда-нибудь стрѣлял и будет ли стрѣлять — неизвѣстно.

Курьезнѣ всего, что этот человѣк, имѣющій,

кромъ имѣнія в Калужской губерніи, еще свыше 12.000 р. жалованья в год и, наконец, 60 лѣт на плечах, всегда, сообщая о цѣнѣ той или другой купленной им вещи, прибавляет: — «только, смотрите, Александръ Петровнъ (жена Л. Ф.) не проговоритесь; я ей сказал вдвое меньшее!»...

В домѣ у них, кромъ шляющихся по комнатам бульдогов и злющей собаченки какой-то невообразимо паскудной породы, торчит клѣтка с попугаями и скворцами, а в столовой, вѣроятно для возбужденія ароматами аппетита — клѣтка с обезьянами.

Докторов Л. Ф., будучи главой медицинскаго міра в Россіи, — ругает наповал. И зачѣм существует этот Медицинскій Совѣт, поглощающій такую уйму денег — уму непостижимо!

Л. Ф. бывает в Петербургѣ только по зимам, так с октября мѣсяца по апрѣль, жалованье же получает и с апрѣля по октябрь; рѣдкія засѣданія этих свѣтил — ряд курьезов, заслуживающих историка.

Так, напримѣр, идет у них засѣданіе. Секретарь «что-то читает, (записываю словами Рагозина) в это время проф. Тарновскій, — он очень хотѣл сбыть свое крымское имѣніе под ѡеодосіей Рагозину — передает ему через стол записку. — «Покупайте, продаю дешево, не упускайте случай».

Рагозин отвѣчает запиской же. — «Погодите. Продам сперва татарину штаны: не хватает денег».

И т. д., и т. д. Остальные члены кто дремлет, кто рисует что-нибудь на бумажкѣ.

Таким манером просидят люди часок, другой и разъѣзжаются с сознаніем исполненнаго долга.

По политическим взглядам Л. Ф. чиновный либерал старых времен.

Заходил в «Труд». Здорово подтянули теперь и

книжные магазины: нѣт уже цѣлыхъ выставокъ исключительно конфискованныхъ книгъ, всѣ такія книги тщательно прячутся, а главное — ихъ уже магазины боятся.

18 декабря. Сейчасъ вынесенъ приговоръ суда надъ депутатами I-ой Думы за Выборгское воззваніе: приговорены къ заключенію въ тюрьму на три мѣсяца. Были овациі.

Меньшиковъ въ «Новомъ Времени» на судившихся членовъ Думы извергалъ изъ своей плевательницы гнуснѣйшія статьи; читалъ одну, озаглавленную — «Сто шестьдесятъ шесть носовъ», въ которой онъ глумится надъ подсудимыми и находитъ, что они «гордо поднявъ кверху сто шестьдесятъ носовъ, входятъ въ залу суда».

19 декабря. Въ Петербургѣ идутъ усиленные грабежи; что ни день, то новые случаи, удивительные по своей наглости.

Телеграммы изъ Россіи въ газетахъ хоть не читай; вся первая страница ихъ сплошь занята извѣстіями о казняхъ, убийствахъ и грабежахъ.

21 декабря. Густѣйшій туманъ; съ тротуара съ трудомъ можно различить что-либо на серединѣ улицы.

22 декабря. Былъ у меня Будницкій, рабочій Семянниковскаго завода, только что вернувшись изъ Севастополя, кудаѣздилъ съ товарищами въ командировку отъ завода для работъ на подводныхъ лодкахъ.

Настроеніе, говорилъ, среди матросовъ весьма острое; накалены, что называется, до бѣла, постоянно происходятъ по ночамъ убийства, или покушенія на офицеровъ-моряковъ и все это — дѣло рукъ матросовъ.

Режим у них, послѣ привольной жизни, установлен крутой: позже восьми часов вечера выход из казарм воспрещен, посѣщеніе гостиниц и т. п. мѣст тоже; всѣ рабочіе Семянниковскаго завода были строго изолированы от них и посѣщеніе их матросам не дозволялось.

Между тѣм, эти же рабочіе плавали вмѣстѣ с ними на своих подводных лодках во время испытаний; матросы удирают из казарм в штатском платьѣ. Вражда между ними и сухопутными войсками — менѣе распропагандированными. — жестокая; убийства и пораненія происходят при всякой встречѣ.

1908 год.

2 января. Были у меня Д. Н. Бодиско, Ольвіопольскій земскій начальник и пристав его; Бодиско сбѣжал из Ольвіополя болѣе мѣсяца тому назад: туземные революціонеры приговорили его к смерти — по его словам — за слишком большія добродѣтели, поведшія к тому, что народ отшатнулся от революціонеров и «всей душой прилѣпился к нему».

О приставѣ он мнѣ рассказывал много и раньше, как о каком-то чудѣ Россійской имперіи. Пристав этот не берет взяток — явленіе дѣйствительно сверхъестественное! Его тоже приговорили к смерти, ...причина для такого приговора как будто нѣсколько странная.

Бесѣдовал с ним о современных безконечных разбоях, а также об Одесских исторіях, о которых

рассказывают невъроятныя вещи всѣ газеты. Пристав — очень спокойный и положительный человѣк; так же он относится и к сообщеніям из Одессы, дѣла которой он знает хорошо.

Говорил, что всѣ сообщенія оттуда сильно раздуты. По его словам выходит, что партія с.-р. опустилась у них до сліянія с самыми простыми разбойниками и хулиганами*). Курьезно очень то, что все-таки ниже всего оба ставят в один голос партію Союза Русскаго Народа: «это самые подонки!». таков отзыв их.

4 января. Была Э. В. Яковлева (Богучарская), просила меня спрятать чемодан со всевозможными документами из закрытаго «Былого»: вчера к ней явилась какая-то незнакомая, очень хорошо одѣтая дама и, не называя себя, рассказала, что она была в одном, «очень важном домѣ», где слышала, что у Богучарских рѣшено произвести обыск, и поэтому она сочла долгом пріѣхать и предупредить ее.

Против нелегального Краснаго Креста начались большія гоненія; Савинкова, напр., выслана по подозрѣнію в участіи в нем; издан циркуляр, запрещающій помочь заключенным.

5 января. Лопнул «Труд» — книжное предпріятіе богача Скирмунта. Я был поражен этим извѣстіем. Магазин его, находящійся на Невском, наискосок от Аничковскаго дворца, вѣчно был переполнен публикой. Когда, бывало, ни заглянешь — в нем всегда стояла толчея; к огромному столу, находившемуся по серединѣ магазина и заваленному книжными новинками, едва можно было притискаться.

*) Имѣются в виду «максималисты». Редакція

Приказчиками служили студенты и интеллигентная бѣднота; «Труд» был в нѣкотором родѣ клубом эсдеков; весь состав служащих исключительно из них, и туда заходила в огромном количествѣ ихняя братія поболтать, узнать новости и пропглядѣть книги.

Захаживал к ним частенько и я, но с другими цѣлями: вся конфисковавшіяся книги, а также вышедшия нелегальным путем, расходились, главным образом, оттуда; их-то я и добывал там для своей библиотеки.

Картина этот эсдековскій муравейник представлял любопытную; во-первых, на хлѣба к Скирмуунту эсдеков набилось в качествѣ служащих пятьдесят человѣк, не считая мальчиков — цифра для книжного магазина дикая.

Крали у них неимовѣрно. Порядка в магазинѣ и в отчетности не было никакого. На-днях один букинист мѣтко сострил про них. — «Торговали, сказал, — веселились — подсчитали — прослезились!»

А прослезиться есть с чего! Во дни «свобод» Скирмуунт начал это дѣло с 600.000 руб. капитала, а в настоящую минуту, послѣ двух лѣт, дошел до того, что банки не принимают к учету векселей с его подписью и поручительством.

7 января. С юга приходят тревожныя вѣсти: в Севастополь со дня на день может вспыхнуть воастаніе; настроеніе среди войск крайне напряженное. Желѣзно-дорожный союз (тайный, конечно) спѣшно послал туда делегата с тѣм, чтобы задержать взрыв насколько возможно. Если не удастся, будет только безрезульватное повтореніе Кронштадта и Свеаборга.

9 января. Безобразно растут на все цѣны: 3-х коп. булки превратились теперь во что-то такое миниатюрное, что скоро из прежней булки их будет выходить три. Дроза догнали до 7 р. 80 к. за сажень; не только бѣдному люду, но и людям средней зажиточности скоро придется отказаться от мяса, сколько-нибудь приличных квартир и т. п.

10 января. Положеніе политических заключенных из очень недурного сдѣлалось приглядным.

Вчера был в издательствѣ О. Н. Поповой (умершей в прошлом году) и встрѣтился там с редактором, служившим у нея. Он приговорен к году тюремы и должен сѣсть на-днях; слышал от него, что политическим воспрещено теперь имѣть собственную одежду, всѣх облекают в арестантскіе халаты, всѣх будут «выгонять» на обязательныя работы, вродѣ клейки коробочек и т. п.

В газетах прочел, что «полиціей, наконец, установлено, что Рагозинникова скрывалась в Келломяках и, приѣхав оттуда, убила Максимовскаго». И полиція и газеты плохо освѣдомлены: она жила у Э. К. Пименовой, у нас, в Кемере.

17 января. Заходил к Богучарским. Э. В. больна, тѣм не менѣе вышла. Вспоминали с Василием Яковлевичем о Щегловѣ, сидящем теперь в Коломенской части за неимѣніем мѣст ни в Крестах, ни в других тюрьмах. Чтоб добиться помѣщенія в одиночной камерѣ, или даже в общей в Крестах, нужна теперь протекція; так все набито битком. А еще вольтерьянцы говорят, что в Россіи легко в тюрьму попасть!

Щеглов — бывшій соредактор «Былого» — настолько толст, что сразу бросается в глаза в какой угодно толпѣ; его выслали из Питера, а эта туша взяла да и возвратилась, и мало того,—стала

показываться вездѣ на улицах; конечно, ее скоро изъяли из обращенія. Газеты, описывая этот случай, сообщали, что Щеголева арестовали на улицѣ и, два сыщика усѣлись по сторонам его на извозчика; — что его арестовали — вѣрно, что его увезли — тоже вѣрно, но чтобы с ним мог усѣсться на извозчикѣ еще кто-нибудь — это уже от лукаваго!

Толковали с Василем Яковлевичем о судьбах новаго его журнала «Минувшіе годы», являющагося замаскированным «Бытым». Плохо вѣрит в его долговѣчность, тѣм не менѣе дерзает. Замаскировали они его отлично, только сдѣлали одну ошибку: указали в публикаціи о нем адрес — Знаменская 19 — старое мѣстожительство «Былого».

На это мнѣ В. Я. возразил, что и другой адрес не помог бы: теперь, куда он ни отправляется, за ним всюду слѣдят два шпика.

Рассказывал мнѣ, между прочим, любопытный факт. Какое-то земство, чуть ли не Вятское, точно не помню, подпишавшееся у них на «Минувшіе Годы», вдруг присыпает письмо и просит вернуть обратно деньги. — Мотив — губернатор запретил к обращенію в библиотеках его губерніи журнал... который, еще не родился и первый № котораго еще должен выйти 20 января!

Петербург весь усѣялся разными «иллюаіон», «мѣстер» и т. п. театралами живой фотографіи; буквально чуть не на каждой сколько-нибудь людной улицѣ устроилось их по нѣскольку. Всѣ они выросли в теченіе какого-нибудь года; вечером вывѣски и входы в них иллюминируются разноцвѣтными электрическими лампочками; выглядит необычно и довольно оригинально.

Идет суд над компанией эс-эролов, арестованных

в прошлом году на сходкѣ в университетѣ; преобладает зеленая молодежь.

19 января. Заходил Л. И. Пименов, сказал, что предполагавшійся на завтра (воскресенье) вечер в память Некрасова в Нобелевском Народном домѣ на Выборгской сторонѣ, отмѣнен. Я был приглашен читать, поэтому он уполномочен был предупредить меня.

Градоначальник предъявил между прочим, слѣдующія требованія: 1) представить двѣ рукописных и затѣм двѣ печатных программы, причем в первых двух точно указать имена и адреса исполнителей; 2) представить в двух экземплярах всѣ вещи, которыя предполагаются к исполненію в программѣ, и тѣ, что будут прочитаны на бис.

Как будто, до сих пор Некрасов еще настолько неизвѣстный поэт, что не достаточно одного наименованія его произведеній? Все это, конечно, легко можно было бы обойти, купив и послав г. градоначальнику для поученія 2 экземпляра сочиненій Некрасова, но дѣло в том, что из Александровского района комитет, устраивавшій такой же вечер, сообщил что вся процедура была им исполнена, афиши напечатаны, и вдруг в день вечера его запретили. Градоначальник, дозволившій его сперва, сообщил, что по его мнѣнію по недостаточному развитію рабочих, Некрасовскія произведения им будут непонятны..., а потому вчера он не разрѣшает.

20 января. Вечер был у В. Л. Рагозина (сына); собрался небольшой кружок, и хозяин прошел нѣчто вродѣ доклада о теософіи. Весь стол у него завален книгами по этому вопросу.

Вообще усилилась мода на теософію. Поя-

вилось нѣсколько журналов, посвященных ей, создался ряд кружков.

Рассказывали, между прочим, вчера о медіумических сеансах, в которых участвовали двое из присутствовавших; обоих нельзя назвать вполнѣ нормальными, тѣм не менѣе и на них сеанс произвел впечатлѣніе жульничества.

Пріїзжій медіум, конечно, дѣйствовал, как всегда, в темнотѣ, и «дѣйствія духов» выражались в легких пощечинах, давленіях ног и т. п. глупостях. Плата за это удовольствіе взимается обществом изслѣдованія психических явлений—по три рубля.

23 января. Проходил сегодня по Литейному проспекту. В помѣщеніи, гдѣ находился недавно книжный магазин Карбасникова, устроился «магазин правой русской печати». Так гласит вывѣска над ним. Огромная витрина в окнѣ уставлена издѣліями, вродѣ брошюра «Быть меня, собака».

Внутри магазина за прилавками спят в разных позах приказчики; публики ни души. Эту картину я наблюдаю почти ежедневно, проходя мимо.

Пріобрѣл кое-какія книги у антиквара Соловьева, из библіотеки покойного проф. Помяловскаго. Дочь послѣдняго продала ему, да еще в кредит 40.000 томов за 5.000 рублей. Вчужѣ душа болит, когда слышишь о таких дѣлах!

Соловьев в теченіе двух-трех мѣсяцев выручил за нее 50.000 рублей, причем в видѣ плюса у него на руках осталась еще пѣлая стѣна латинских книг из этой библіотеки.

Любопытна судьба рукописей. В них копался Лихачев и отобрал кое-что для Публичной библіотеки; остаток, что-то около тридцати шести пудов, купил Саницын — один из наших «вѣсовых» собирателей книг — за шестьсот рублей. Разбирая ру-

кописи, он нашел между ними продолжение записок Болотова, записки Толя и целый ряд ценных документов, незамеченных Лихачевым. Слышал последнее от антиквара Шилова, которому говорил все это сам Синицын.

25 января. Третьяго дня отмѣтил судьбу библиотеки Помяловского; вспоминаю по этому поводу исторію, касающуюся библиотеки покойного отца моего, Р. Р. Минцлова.

В ней числилось свыше 14.000 томов, главным образом, иностранных книг; отдѣлы соціальных наук и особенно юридической — были подобраны замѣчательно; слабо были представлены русская исторія и русская литература.

Когда, внезапно для нас, отец заболѣл психическим разстройством, пришлось нанять артель, уложить книги в ящики и сдать их в Кокоревской склад, гдѣ они и простояли что-то около двух или более лѣт. Обстоятельства заставили подумать о продажѣ их.

Я отправил рукописный каталог к букинистам для оценки, но за эту работу никто из них не взялся даже за плату: им, конечно, не было расчета опредѣлять настоящую стоимость библиотеки, готовящейся к продажѣ.

Не желая дробить собранія — плод заботы всей жизни отца — и желая помѣстить его в хорошия руки, я пробовал обращаться сперва в разныя учрежденія, вродѣ Совѣта присяжных повѣренных и т. д., затѣм к многочисленным знакомым отца — никто не изъявил желанія пріобрѣсти библиотеку.

И. И. Янжул, с которым отец разошелся в послѣдніе годы жизни, рассказал мнѣ слѣдующее.

Он тоже имѣет громадную библіотеку и, подумывая о смерти,—рѣшил заблаговременно пристроить ее в надежное мѣсто даром.

Первое предложеніе его было Академіи Наук, гдѣ он состоит членом, академія отказалась; обратился на женскіе курсы и в другія мѣста—всюду был тот же отвѣт. Причина—или недостаточность помѣщенія, или недостаточность средств.

Наконец, Московскій университет соблаговолил принять подарок, с прибавкою к нему 5.000 руб. со стороны Янжула. Одним из условій передачи Янжуластавил, чтобы библіотека его была помѣщена в отдѣльных комнатах и называлась его именем. Янжула отправил в Москву большую часть книг, оставив себѣ в пожизненное пользованіе только нѣсколько шкафов с ними. Затѣм, будучи через нѣсколько лѣт в Москвѣ, заѣхал в университет взглянуть на свое дѣтище. И что же? Дѣтище это он нашел сваленным на чердакѣ и покрытым слоем пыли и голубиным пометом.

Старик разсказывал это волнуясь и с нотою оскорблений в голосѣ.

Грустно стало мнѣ от его рассказа! Зашел от него к антиквару Мелину — этот вампир предложил за всю библіотеку тысячу рублей; В. Ключков, к которому я обратился затѣм, от покупки всей библіотеки отказался; заявив, что купит из нея кое-что, рублей на 500—600.

Продал я ее, в концѣ концов, Н. А. Рубакину за 5.000 рублей.

2 февраля. Познакомился вчера с Германом Александровичем Лопатиным. Бодрый старик с умными, нѣсколько суровыми глазами и широкой бородой с просѣдью. Полная противоположность со своим сотоварищем по несчастью Н. А. Морозовым.

Как-то давно уже завтракаю я у Богучарских (Яковлевых), слышим звонок, и вслѣд за ним в передней раздается как-будто дѣтскій, удивительно чистый и пріятный голос.

Смотрю — входит невысокаго роста человѣчек с сильною просѣдью в черных волосах. Это и был Морозов. Он только-что был выпущен на свободу. С тѣх пор я довольно часто встречался с ним, и первое хорошее впечатлѣніе сохранилось во мнѣ.

Чуть ли не четверть вѣка просидѣл человѣк в одиночкѣ и побѣдил ее, вышел из нея не задавленным и разрушенным в конец, а полным кипучей жизни и просвѣтленным.

Тормошили бѣдного Н. А. безбожно. Кажется, не было вечера, на котором он не выступал бы в качествѣ участника.

7 февраля. Возвновил опять свои занятия в Публичной библіотекѣ, конечно, не в читальном залѣ, а в отдѣлах, что очень удобно тѣм болѣе, что милый и обязательный хозяин Русскаго отдѣла, Вл. П. Ламбин, давно предоставил мнѣ право самому лазить и рыться по всѣм шкафам и полкам.

Бесѣдовали с ним о конфискованных книгах; оказывается, теперь совсѣм перестали доставлять таковыя в библіотеку, и Ламбин просил меня, как вѣчно имѣющаго дѣла с букинистами и типами, продающими запрещенное, направить и к ним кого-нибудь из послѣдних.

В позапрошлом году, еще до напечатанія моей статьи в «Былом» об уничтоженных произведеніях печати, Библіотека просила у меня список их и, получив, затребовала по нем все из Главнаго

Управлениі по Дѣлам печати; обращеніе оказалось, конечно, напрасным, т. к. к концѣ 1905 г. и в нача-лѣ 1906 г. никто и ничего в цензуру не представ-лял.

8 февраля. Стессель приговорен к смерт-ной казни. Вмѣстѣ с тѣм, суд обращается с хода-тайством на Высочайшее имя о замѣнѣ казни зак-люченiem в крѣпости на 10 лѣт и исключeniem со-службы.

По городу уже ходит острота: «что-ж такое, что Стесселя посадят в крѣпость; он ее опять сдаст!»

Слышал смутные толки о покушеніи на Нико-лая II; будто бы Царскосельскій дворец оказался чуть ли не минированным. В сегодняшних газетах об этом ни слова, зато цѣлые столбцы заняты описаніем арестов. Захвачено на улицах нѣсколько лиц с револьверами и бомбами.

9 февраля. Откуда-то прошел слух, будто молодая императрица помѣшалась; недуг будто бы подготовлялся давно и окончательно разыгрался по полученіи извѣстія об убийствѣ португальского короля. Говорят, что она отказывается от ъды и питья и ее кормят искусственно.

10 февраля. Видѣлся вчера в Публичной библіотекѣ с П. П. Семенютой; старик остроумен и зол на язык попрежнему, но сильно подался физи-чески — похудѣл, пожелтѣл и, кажется, протянет недолго.

Говорил с ним, между прочим, о пріятелѣ его, Н. А. Морозовѣ; Семенюта все воюет с ним по по-воду безконечных новых знакомств, на которых так падок Морозов, и против столь же безконеч-ных выступленій его на эстрадах, «в качествѣ

прима-балерины», по выражению Семенюты. Морозов с гордостью показывал ему записную книжку со списком знакомых; список этот заканчивается 1.100 номером.

Внесенiem в книжку новаго знакомства Н. А. не ограничивается, и цѣлые дни уходят у него на посѣщенія. Он радуется, как ребенок, апплодисментам, которыми разражается публика, слушая чтеніе стишков его, и, кажется, не может понять, что не его чествуют люди, а его 25-лѣтнєе сидѣніе в Шлиссельбургѣ.

Сидя в казематѣ, он занимался химіей и сдѣлал цѣлый ряд открытій... но увы, всѣ они уже были сдѣланы свободными людьми! Он осужден был открывать Америку задним числом. Любопытна и много-нашумѣвшая книга его об Апокалипсисѣ; к сожалѣнію, Морозов не знает греческаго языка, плохо изучил исторію тѣх времен, и архимандрит Михаил — ушедшій теперь от преслѣдованій синода в старообрядчество, — разом отнял от его «Откровенія в грозѣ и бурѣ» всякое историческое значеніе. Но книга все же остроумна и любопытна.

11 февраля, Обѣдал сегодня у нас мой кузен, А. А. Гоппе. Учительствовал он в Ревельѣ, доучительствовался до чина статского совѣтника и за время «свобод» попал в «неблагонадежные», за участіе в забастовках 1905 года и приосновенность к дѣлу почтово-телеграфнаго союза.

Уроки в гимназіи он потерял и перекочевал в Питер. Здѣсь ему сразу повезло: получил штатное мѣсто в кадетском корпусѣ, в реальном училищѣ и т. д. Поселился он с семьей в Царском Селѣ.

В один прекрасный день, призывает его к себѣ директор корпуса и смущенно предлагает ему

оставить службу. Что такое? Почему? Оказывается, из Ревеля пришла бумага от Меллера-Закомельского с требованием уволить Гоппе... Между тѣм, никаких освязательных доказательств вин его нет совершенно.

На-днях с ним же вышел курьез. Поѣхал он по дѣлам в Ревель, был там на охотѣ, убил пару зайцев и, уложив их в ящик с другою провизіей, послал семьѣ в Царское.

В Царском этот ящик забрали жандармы и вскрыли с большими предосторожностями; провизія была тщательно изслѣдована, из зайцев повытаскали даже елки, которыми они были набиты, и шарили во внутренностях.

Вернувшись, Гоппе поѣхал на вокзал и стал спрашивать, на каком основаніи вскрывали его ящик; жандармскій унтер галантно пояснил, что основанія эти — усиленная охрана; в концѣ концовъ, счел нужным показать телеграмму от жандармского полковника из Ревеля, извѣщавшую об отсылкѣ в Царское подозрительного ящика.

— Вам же лучше, что вскрыли ящик! закончил жандарм: — теперь отвѣтим, что в нем ничего не оказалось!

Спорить насчет того, что лучше, не приходилось, и Гоппе убрался по-добру по-здравому.

Подтвердил и он слухи о болѣзни молодой государыни; в Царском рассказывают о припадкѣ, случившемся с нею на-днях из-за посыпанных красным песком дорожек. — «Кровь, кровь! Опять кровь!» — будто бы кричала она вѣдь себя.

14 февраля. Наша Финляндская жел. дор. стала притчей во языцѣх. Кажется, все вниманіе синих мундиров направлено на Бѣлоостров;

Важу по ней и каждый раз приходится быть свидетелем то какого-нибудь ареста, то шествия пассажиров для обыска.

Не могу видеть самодовольной физиономии жандармского офицера с выкаченными черными слизями — вместо глаз. Этот господин муряется ими всех гуляющих по перрону с такой вызывающей наглостью, что невольно сжимаешь кулаки.

Между прочим, столкновению с ним подвергся и один из знакомых моих — М. Г. Деммени. Это уже порядочно пожилой, разсъянный и близорукий человек. На днях он женился и поехал с молодоженою на Иматру.

Возвращаясь оттуда, в Балластровъ вышел выпить пива и с удивлением видит, что вокзала нет; — впереди тянутся рельсовые пути: он не знал, что обратный поезд подходит к вокзалу с другой стороны.

Не успѣл он сдѣлать нѣсколько шагов, — к нему летит жандарм.

— Пожалуйте в Управление!

— Зачѣм?

Надо замѣтить, что этот Деммени, по убѣждѣніям черносотенник и отнюдь, ни каким боком к политикѣ не прикасается. Кроме привличного мѣста в Министерствѣ финансов, он занимает еще частное, у великаго князя, по нумизматической части.

Приходит в сопровожденіи унтера на перрон. На него налетает вышеописанный жандармскій офицер.

— Вы куда это изволили направляться?

— В буфет.

— По ту сторону полотна?

— Я ошибся, сошел не на ту сторону.

— Ах, ошиблись! Вас надо обыскать-с. Что у вас в карманах?

Деммени с раздражением начинает опораживать карманы; жандарм слѣdit за ним.

— Теперь что же, раздѣваться прикажете? язвительно спрашивает Деммени.

Жандарм вспыхнул, т. к. дѣло происходило при публикѣ и в нижних чинах.

— Вы что это, издѣваться осмѣливаитесь? начал он орать, наступая на Деммени. — Забываешься? Я вам покажу!.. и т. д. Марш, тащите его, раздѣть и осмотрѣть, как слѣдует!

Деммени повели в жандармскую комнату, раздѣться он отказался; тогда с него сняли пиджак, брюки, ботинки и все это тщательно обшарили. Кроме коробки финских спичек, ровно ничего подозрительного при нем не оказалось.

Оскорбленный грубым обращеніем, Деммени потребовал составленія протокола, но офицер куда-то исчез, приказав его отпустить. Окружающіе — не жандармы, совѣтовали ему не заводить исторію, т. к. по общему убѣждѣнію их мог пострадать только он, Деммени. Такіе примѣры были десятками у всѣх на глазах.

По возвращеніи в СПБ. Деммени через знакомых довел все до свѣдѣнія шефа жандармов. Чѣм все окончится — неизвѣстно.

В каждом вагонѣ Финляндской жел. дор. сидит теперь по шпику; кондуктора знают их и указывают некоторым пассажирам, которые известны им в лицо.

На этих же днях возвращались с Иматры Е. В. Сиверс и А. П. Бодиско; они довольно громко бесѣдовали; кондуктор финн, проходя мимо них нагнулся, как бы за билетами и тихо предупредил,

чтобы были осторожнѣе, т. к у вагонов теперь есть уши.

19 февраля. Завтракал у Пивато с 1 ч. дня до шести вечера.

В этот день именины Л. А. Велихова*) и он пригласил меня и небольшой кружок его друзей, «прогрессистов», как он выразился в письмѣ ко мнѣ. Цѣль завтрака была познакомить и сблизить нас между собой.

Дѣло в том, что Лев Александрович задумал издавать газету и намѣтил состав будущей редакціи, которую и пригласил на свой именинный завтрак.

Были А. М. Колюбакин, член Государственной Думы, приговоренный к тюрьмѣ по желанию свыше; С. Маковскій — молодой лѣт 33—34 поэт и критик, художник Рерих, молодой Сабуров, братья Красовскіе и цѣлый ряд, около двадцати, все болѣе или менѣе интересных лиц.

Говорили рѣчи, не избитые именинныя спичи, а политического характера. Я сидѣл между Колюбакиным и хозяином. Колюбакин недурной оратор с темпераментом и с весьма симпатичной наружностью; он говорил дѣльно, красиво, и преобладающій мотив его рѣчи — надо сплотиться, чтобы защитить, сберечь тѣ завоеванія проплаго, ту культуру, которым угрожает теперь опасность со стороны реакціи.

Ему аплодировали; в тон ему было нѣсколько рѣчей, все на ту тему, что вот, дескать, как хорошо, что Л. А. собрал нас здѣсь, мы теперь сплотимся, этот день пропал не даром и т. д.

*) Член Государственной Думы.

Я попросил слова и встал. Подробно рѣчи своей не помню, но запишу ее вкратцѣ.

— Господа, начал я: — мой тост, вѣроятно, останется одиноким. Я сейчас слышал цѣлый ряд прекрасных рѣчей, но это только слова. Среди нас есть много талантливых, сильных, умных людей, но мы — тот русскій богатырь Илья, который сидѣл сиднем тридцать лѣт и три года; может быть, мы и свершим что-нибудь, когда пройдут эти годы, но теперь — «суждены нам благіе порывы, но свершить ничего не дано». Мы на войнѣ, господа, на войнѣ нужны не слова, а дѣйствія; против штыков и пушек словами не отстоять ничего, а потому, я пью за тѣх, кого забыли упомянуть здѣсь сегодня; за тѣх настоящих бойцов, которые сидят в Шлиссельбургѣ, на Карѣ, в тундрах Сибири. Пью за бомбу, которая даст настоящую свободу Россіи!

Только двѣ руки протянулись ко мнѣ чокнуться; рѣчь моя, как сказал мнѣ потом Велихов, произвела впечатлѣніе бомбы.

1 марта. Сейчас вернулся из Кемере. В Бѣлом-Островѣ поѣзд нападержали почти на час — происходил усиленный досмотр. Сперва явились для этого обычные таможенные чиновники, и вслѣд заѣм дважды перешарили весь поѣзд жандармы под начальством какого-то подполковника. Отвинчивали вентиляторы, крышки на умывальниках и т. д. Семь человѣк из нашего вагона — щало в нем всего душ двадцать — забрали для личного обыска; в сосѣднем вагонѣ подвергли этому удовольствію сплошь всѣх пассажиров. Что они искали и в чем было дѣло — не знаю, только ничего не нашли и никого не задержали. До самаго Питера в вагонах торчали шпики.

4 марта. Высшія учебныя заведенія начи-

нают шевелиться; министр Народного Притуплесія приказал упразднить дѣйствовавшіе в них институты старост.

5 марта. Бесѣдовал кое с кѣм из студентов университета. В послѣднем 11.000 человѣк; лекціи посѣщает от 2 до 4 тысяч, но бывают дни, когда слушателей является не болѣе полуторы тысячи. Любопытны дружныя показанія студентов, об упадкѣ интереса к политикѣ и к ученью массы их.

Закрыта — «Столичная Почта» — многострадальный «Товарищ». Причина — вредное направление и усиленная охрана.

Итого, больших прогрессивных газет у нас в Питерѣ теперь осталось только двѣ: — «Русь», да кадетская «Рѣчь».

19 марта. В городѣ усиленные обыски; не думаю, чтобы много людей теперь вело записки, как я — того и гляди, влетишь с ними в такую исторію, что не обрадуешься. Из осторожности не называю здѣсь многих имен.

28 марта. Пуришкевич, отколовшійся от Союза Русских Людей, основывает теперь новый союз, и на поддержку этой новой опоры правительства получил сорокатысячную субсидію от Столыпина.

13 апреля. Кемерѣ. Сегодня зашел к Богучарским, застал у них новую нашу Кемерійскую жительницу А. Я. Малкину (Острогорскую). Бесѣдовали о необъятном количествѣ маузъя, прикрывающагося теперь флагом революціи.

Уже с год, как выработался новый тип прохвостов, избравших себѣ особое хлѣбное ремесло — шлянье по квартирам прогрессивных литераторов; франты эти объявляют, что они бѣжавшіе с ка-

торги, которым необходимо и не на что исчезнуть заграницу, что они вынуждены скрываться и т. д.

Сначала зарабатывали эти гг. крупно; так, перед Рождеством явилась в Питеръ какая-то госпожа и здорово обработала три редакція: «Былое», «Русское Богатство» и «Товарищ», — назвавшись в одной — бѣжавшей с каторги извѣстной Школьник, в другой — Езерской и т. д.

Обман обнаружился скоро, но, конечно, уже поздно. — Якубович, давшій ей лично 25 р., встрѣтился с Богучарским и с довольным видом сообщил ему, новость — бѣжала Школьник.

Богучарскій в отвѣт ему: — бѣжала Езерская.

Стали описывать друг другу бѣглянок — вышло что-то уж очень похожее. В тот же день из редакціи «Товарища» сообщили, что бѣжала еще третья политическая. Примѣты опять все тѣ же. Послали узнать по оставленному ею адресу (оставила его для доставки ей бѣлья и др. предметов) — и обман выплыл наружу.

Из трех каторжанок не вышло и одной — их именем назвалась какая-то, фамилію ея забыл, особы, никакого отношения к революціонным дѣлам не имѣющая.

Когда самозванку уличили, она разыграла цѣлую трагедію и увѣряла, что она хоть и не та, именем которых она назвалась, но тоже бѣжавшая, пострадавшая и т. д. и вдобавок ко всему попавшаяся в руки шантажистов, которые ее и посылают на такія дѣла.

Шайка имѣет «конторы» в Москвѣ, Киевѣ и др. городах; она давала адреса, предлагала отправить ее и их в полицію и т. д. Конечно, плюнули и ушли.

Публика проучена и стала осмотрительне,

отдѣлывается рублями и просит принести удостовѣреніе из партіи, или записку от кого-либо из извѣстных лиц, что предъявитель именно тот, за кого себя выдает.

Послѣ таких заявлений «пострадавшіе» обыкновенно исчезают безслѣдно.

Знаменіе времени — стѣснили газеты и опять стали возрождаться журналы; дѣла у всѣх у них сильно поправились, на книги же спрос попрежнему только на порнографической.

Между прочим, курьез — запретили и конфисковали роман Арцыбашева «Санин»; книжка эта шла нарасхват, были распроданы уже два изданія и вот теперь наложили арест на напечатанныя одновременно третью и четвертое изданія.

Благовременно, что говорить!

1 мая. С революціей тихо, с обыскамишибко.

Был, между прочим, обыск у М. Морозова; особенного ничего не нашли, но тѣм не менѣе забрали у него всю библіотеку.

Простота полицейских нравов дѣлается все удивительнѣе! Сколько раз приходилось мнѣ радоваться тому, что успѣл заблаговременно укрыть в Кемерѣ свою драгоценную библіотеку и рукописи!

24 мая. Воспользовавшись хорошим деньком, поѣхал на ст. Преображенскую: давно собирался осмотрѣть там кладбище и братскія могилы жертв 9 января.

Ничего нѣт унылѣе этого кладбища! Голая глинистая равнина, бурая вода, выступающая всюду, гдѣ лишь на пол аршина вырыта яма, и бесконечные, безчисленные бугорки и кресты, кресты без конца. Нѣт ни камней на могилах, ни памятников — только маленькие, бѣлые, деревянные кресты. Кладбище бѣдноты.

На военном отдельеніи есть немнога деревьев; там на Божьем смотру выстроились шеренги красивых солдатских крестов. Я изумился числу их. Тысячи этих Иванов и Сидоров, оторванных от своих деревень, пришли со всѣх концов русской земли в Петербург и сложили здѣсь кости.

Обогнув деревянную церковь и домики причта, обнесенные темной деревянной оградой, я увидал у забора небольшую треугольную возвышенную площадку, ограниченную рвами. На ближайшей к военному кладбищу сторонѣ как-то странно в ряд, без насыпей, стояло нѣсколько разноцвѣтных деревянных крестов.

Эта то площадка и оказалась братской могилой; на ней толпилось человѣк пятнадцать простонародья. Кресты были исписаны ругательствами по адресу Николая II.

На крестах значилось нѣсколько имен убитых 9-го января; поставить их разрѣшили с трудом и то только недавно; раньше могила эта представляла собой подзаборный пустырь с бугром.

Поговорил я кое с кѣм из посѣтителей; настроеніе сильно понижено, но не задавлено. Говорят с оглядкой, но то, что говорят, не по вкусу пришло бы жандармам!

Могила в общем не велика; утверждают, что в ней положено 1.500 человѣк, но вѣрить этому не приходится; глубина ея быть сколько-нибудь значительной не могла, благодаря близости подпочвенной воды, и если положено там 200 человѣк, то и этого черезчур много.

Вѣроятно, часть убитых, кромѣ, конечно, отысканных и увезенных родственниками, похоронили в разных мѣстах.

Осмотр братской могилы убѣдил меня в неизмѣрности раздутости цифры январских жертв.

23 іюня. Пріїзжали навѣстить меня — Вл. Л. Рагозин и В. А. Минин. Первый увидал у меня на сараѣ голубей и просил прислать ему в Келломяки парочку. По этому поводу вспоминаю «голубиную исторію».

Я, как любитель птиц, развел у себя в Кемере, между прочим, и рѣдких пород голубей; денег, в концѣ концов, на содержаніе их стало выходить много, и я рѣшил продать часть их в Петербургѣ, гдѣ уже имѣлись на них желающіе.

Оказалось, что из Финляндіи в Россію ввозить голубей нельзя. В бѣлоостровской таможнѣ мнѣ заявили, что для ввоза их требуется разрѣшеніе министра внутренних дѣл, в финляндской же сказали, что разрѣшеніе требуется от министра землемѣрія.

Недоумѣвая, какое отношеніе могут имѣть и тот и другой министры к голубям, рѣшил начать с первого. Пріїзжаю в министерство, прошу к себѣ дежурного чиновника и спрашиваю — как поступать и куда обратиться с моим дѣлом; беспокоить такою глупостью самого министра мнѣ казалось болѣе чѣм неудобным. Чинуш думал, думал, затѣм побѣжал куда-то справляться. Возвращается и говорит, что я должен обратиться в ветеринарное управление.

Я изумился. Эпизоотій у меня в имѣніи, слава тѣ Христе, нѣт, чѣм может мнѣ помочь это управление?

Чиновник категорически заявляет, что вся дѣла о голубях вѣдает ветеринарія.

Дѣлать нечего, отправляюсь на Театральную

улицу. В ветеринарном управлении встречают меня весьма благодушные, круглые старички и говорят, что голуби не по их части.

— Вот если бы, добавляют, свиней вам надо было ввозить — тогда к нам, милости просим! А с голубями вам придется обратиться в Департамент полиции.

— Как в Департамент полиции?

— А так-с, это его дѣло.

— Вы навѣрное знаете?

— Ну, конечно; вы вѣдь не первый обращаешься с этим. А вот, если со свиньями будет надобность — к нам пожалуйте!

Таковой надобности у меня не было; отправился в Департамент полиции, к Цѣпному мосту.

Законов у нас много, а в общем идет такая ерунда, что упаси Господи! В доисторические времена, при царь Горохѣ, запретили ввоз голубей — конечно почтовых, потому что «голубиных» писем, перлюстровать было нельзя, и запрещеніе это красуется в законах до сих пор, несмотря на то, что теперь почтовому голубю никакой шут, никакой тайны не довѣрит. Славу Богу, мы еще не в осадѣ и есть десятки болѣе вѣрных средств переправлять куда угодно и какія угодно письма!

Курьеано и со свиньями. Если я посылаю из Финляндіи живую свинью — ее пропускают, если посылаю окорок или тушу — их конфискуют. Большую свинью за полчаса до издыхавія я могу выѣхать в Петербург, т. к. никаких ветеринарных осмотров в таможнях не производится, а окорок с какими угодно свидѣтельствами о его благонадежности провезти нельзя.

Пріѣхал я в знаменитый Департамент полиции,

вхожу в приемную — вижу народа в ней гибель.

Чувствую себя весьма неловко. Всё эти траурные дамы, озабоченные мужчины и т. п. люди, наполнившие ее, пришли кто хлопотать о заключенных, кто об осужденных на смерть; говорить о голубях в их присутствии казалось дико.

Отзываю в сторону вихрастого, заторможенного чинуша и по секрету рассказываю ему свое дельо. Чинуш смотрит на меня с недоумением; публика пугливо косится и принимает меня за шпика, сообщающего что-либо подсмотренное, или подслушанное.

Наконец, чинуш сует мнъ бумагу и предлагает написать прошениe. Публика всячески сторонится и избегает смотреть на меня. Пишу и отдаю ему. Через двѣ недѣли обѣщает дать мнъ ответ на дом.

В назначенный срок получаю официальное извѣщеніе, что прошениe мое направлено к министру внутренних дѣл.

Недѣли через двѣ ўду опять в министерство. Там мнъ сообщают, что бумага моя отправлена к министру финансов, так как де требуется и его согласие.

Отправляюсь через нѣкоторое время в финансы. Прошу справку; сообщают, что прошениe мое переслано в Департамент таможенных сборов.

Пріѣзжаю в этот департамент. Там, благодаря кое-каким связям, под строжайшим секретом, узнаю «тайну», что бумага моя отправлена в Военное министерство, т. к. без разрешения Военного министра сдѣлать что-либо невозможно.

Вся эта волокита сдѣлалась, в концѣ концов, любопытной. Ўду в Военное министерство. Марсы

отвѣчают, что прошеніе мое передано в Инженерное Управлениe.

Наконец, попадаю в Павловскій замок. Писаря водят меня по закоулкам и безконечным коридорам то снизу наверх, то сверху вниз: никто не знал в каком отдѣлѣ могут вершиться дѣла, подобные моему. Наконец, кого-то осъняет мысль, что, вѣроятно, голуби числятся в воздухоплавательном отдѣлѣ. Юмористическое соображеніе оказывается вѣрным.

Послѣ получасового ожиданія в круглой пріемной, в которой толклось разодѣтое в парадную форму саперное офицерство, ко мнѣ вышел жирный генерал-лейтенант, которому я и изложил свою просьбу. Генерал отвѣтил, что он сдѣлает все, что возможно, но что «окончательное разрѣшеніе» зависит от министра, который «очень серьезно» относится к такого рода дѣлам.

Этим аудіенція и закончилась; я уже собрался уходить, как руководившій мною и вдохновленный полтинником писарь шепнул мнѣ, что надо бы мнѣ поговорить со столонаачальником: «столонаачальник у них вся дѣла вершил». Попал в кузов — называясь груздем!

Подождал еще с полчаса и вершитель судеб — невзрачный и замусленный капитан, наконец, явился и милостиво обѣщал «помочь».

Через мѣсяц получаю из Таможенного Департамента краткое извѣщеніе, что прошеніе мое «оставлено без послѣдствій».

Рѣшаю тогда вести атаку с другого фронта и отправляюсь к министру земледѣлія, или по новому — землеустройства — князю Васильчикову. Министр очень любезно принимает меня, выслушивает, пожимая плечами, всю эпопею с голубиным

вопросом, удивляется возможности такой нелѣпицы и объщает «непремѣнно сдѣлать все, что от него зависит, чтобы добиться отмѣны такой устарѣлой статьи закона».

Через знакомых чиновников для порученій при министрѣ узнаю, что слова князя не остались словами и, что он написал представление по поводу поданного ему мною новаго прошенія.

Бумаги пошли по мытарствам. В свое время получаю новое, столь же лаконическое извѣщеніе: «прошеніе ваше оставлено без послѣдствій»

Военный министр, как оказалось, считает невозможным допустить моих голубей в Россію на том основаніи, что поблизости расположена крѣсть Выборг.

Можно договариваться до глупостей, но не до столь министерских!

Во-первых Выборг от меня в двадцати верстах, во-вторых — что новаго и кому могут сообщить мои голуби об этой крѣпости, как на ладони видной с Южнаго вала в Выборгѣ, на котором не только гулять, но и фотографировать не воспрещено?

Отсутствіе пушек и припасов во время войны в Порт-Артурѣ и Владивостокѣ, по мнѣнію ministra, очевидно опасности не представляло, а мирные голуби и притом совсѣм не почтовые, разводимые гдѣ-то в «районѣ» — это опасность.

Бѣдная Россія, какими врагами переполнена она вся!

Пришлось обратиться к старому способу дѣйствій — к протекціи и голуби мои оказались не опасными во всѣх министерствах.

9 іюля. Заходил провѣдать меня А. Ю. Кайзер; просидѣл часа четыре и много рассказывал о

Туркестанъ и Ташкентъ, гдѣ он служил в 90-х годах. Запишу кое-что о продѣлках мало извѣстнаго; вѣрнѣе забытаго обществом великаго князя Николая Константиновича.

Эпоха концессій и т. п. предпріятій породила невиданный разгул; деньги сыпались в это время без счета — разумѣется, главным образом, по кафе-шантанам и на разных этаулях.

Увлекался послѣдними и Николай Константинович и наконец дошел до того, что тайком снял с драгоцѣннаго образа у матери камни и через подставное лицо продал их что-то тысяч за 50.

Отец его, великій князь Константин Николаевич, не любил Трепова, и когда Александр II, которому он рассказал о пропажѣ во дворцѣ, заявил, что Трепов отыщет», Константин Николаевич возразил: — «Трепов ничего не сдѣлает!»

Слова эти были переданы Трепову и, конечно, задѣли его за живое. Вся полиція и сыщики были поставлены на ноги и по горячим слѣдам гончая стая не только отыскала виновнаго, но и в отместку повела дѣло так, что замять и скрыть его от государя было нельзя.

Попавшагося великаго князя сослали в Оренбург, гдѣ он женился на дочери мѣстнаго полицій-майстера, окончательно впал в немилость и был отправлен в Ташкент. Военную форму с него сняли, запретили войскам отдавать ему честь и в видѣ дядьки приставили к нему генерал майора Дубовина.

При этом изъяли Николая Константиновича из вѣдѣнія генерал-губернатора, и тот мог только посыпать о великом князѣ донесенія, параллельно с Дубровином.

Реляціи эти скоро превратились в сплошную хронику скандалов и безобразій. Николай Констан-

тинович — красивый и представительный мужчина, очень приятный в трезвом виде, опустился до того, что никто из порядочных людей не стал принимать его; компания он повел с разными отбросами общества, вродь щеголяющего теперь в мундире военного ведомства и чине действительного статского советника, известного купца Громова и т. п.

Как-то в добрую минуту великій князь заявил: — «Яшка, дарю тебе мою дачу!»

Громов поблагодарил, но никаких документов Николай Константинович не дал ему: такія мелочи выше его широкой натуры. Прошло недѣли три и друзья разругались.

— Убирайся к черту с дачи, подавай ее обратно! заорал великій князь.

— Документов то не дал, так и назад берешь? заявил Громов: — свинья ты, а не великій князь!

Николай бац его в ухо, Громов — мужчина здоровенный — сгреб его за волосы и оба пошли кувырком по полу.

За эту исторію Громов был выслан из Ташкента, а Николаю приказано сдѣлать выговор через Дубровина. Выговоров этих он получал без числа, и впечатление они производили на него стереотипное: неизменно посыпал всех, вмѣстѣ с выговаривавшим, к столь известной русской «матери».

Этот терп в вѣнцѣ генерал-губернатора получал в год тысячу до ста и, разумѣется, разматывал их. Но вмѣстѣ с тѣм он много тратил денег и на устройство арыков в степи и старался казаться либеральным фрондером — не выходившим, конечно, из масштабов былых московских сановников не у дѣл.

Один из арыков своих он назвал — Искандер-арык, в память ли Александра Македонского, или Александра Герцена — это объяснялось им смотря

по минутъ и по желанію. Дѣти его тоже получили фамилію Искандеров.

Однажды поѣхав куда-то в степь он пригласил с собой доктора; тот поѣхал. По дорогѣ князь напился пьяный и, разругавшись со своим спутником, приказал его закопать по шею в землю. Приказаніе было исполнено; несчастного оставили одного в голой степи и уѣхали; через четыре часа князь вернулся откопать его — но было уже поздно: доктор сошел с ума.

Кайзер видел слѣдующія картины: по улицѣ движется выкрашенная в красную краску арба и на ней в красном халатѣ и в красном же тюрбанѣ важно воасѣдает великий князь. Позади верхом ѿдет джигит, везя за спиной оплетенную кожей четвертную бутыль с ромом; по мановенію руки князя, джигит вытаскивал складной стакан, наполнял его ромом, передавал Николаю, тот залпом осушал его и затѣм ѿхал дальше.

Существует версія, кажется преимущественно в морских кругах, будто Николай этот пострадал за либерализм и даже был завѣдомо лживо обвинен в кражѣ для того, чтобы можно было заслать его к Макару и его телятам.

Когда я упомянул о ней, Кайзер засмѣялся и сказал: — слышал и я об ней, но с тѣх пор как побывал в Туркестанѣ и приглядѣлся к этому франту — рѣшительно перестал сколько-нибудь серьезно относиться к ней!

10 іюля. Условился с Кайзером, что в сентябрѣ поѣдем с ним в Мартышкино, гдѣ на финском кладбищѣ имѣется склеп времен Петра III; в этом склепѣ хоронились его голштинцы; отец Кайзера был в нем и рассказывал, что трупы удивительно хорошо сохранились и лежат в открытых

гробах, в формѣ тѣх времен и с оружием; особенно хорошо сохранился труп красавицы дѣвушки. В царствованіе какого-то из Александров, в виду забродивших в народѣ толков о мощах, склеп приказано было задѣлать. Задѣлан он плохо⁷ и есть надежда, что при помощи всесильного пропускного билета — россійского рубля — удастся пробраться в него и осмотрѣть все.

12 іюля. Побывал у В. Я. Богучарского; пили с ним в лѣсу чай и бесѣдовали о разных разностях, между прочим говорили и о ловкой кражѣ из царской библіотеки: помощник библіотекаря, въкій Леман в теченіе нѣскольких лѣт воровал из нея разныя драгоцѣнныя медали и т. п. предметы, а взамѣн их клал мѣдныя, заказывавшіяся им на Монетном Дворѣ.

Продѣлка обнаружилась случайно и теперь во дворцѣ идет провѣрка инвентаря.

Вспоминаю по этому поводу исторію, учиненную со мной лѣт 12—15 назад Императорским Эрмитажем.

Жил я тогда в Бессарабіи, в Новоселицѣ, и был, между прочим, в очень хороших отношеніях с одним помѣщиком. Однажды, узнав что я собираю старинные монеты, он сказал, что года два назад у него в имѣніи отыскали небольшой горшочек с серебряными деньгами; горшочек он «кокнул» об угол дома, а монеты спрятал, но так как онъ ему были ненужны, то он обѣщал привезти их мнѣ. Сказано — сдѣлано. Монеты оказались странными: какими-то разных величин кружками, тонкими, как лист почтовой бумаги; с одной стороны на них были выдавлены грубые изображенія, другая представляла изнанку чекана со впадинами; на нѣкоторых имѣлись надписи, но шрифта — не то

древнегерманского, не то греческого — разобрать я не мог.

Денег он с меня не взял и, чтобы не остаться в долгу, я подарил ему большую подзорную трубу, за которую заплатил 35 р.

Приблизительно через год пришлось мнъ пріѣхать в Петербург. Загадочные монеты я захватил с собой. Пошел с ними в нумизматическую торговлю к Бѣлину, тот разсмотрѣл их и самоувѣренно отвѣчает, — это не монеты, это отиски!

— Помилуйте, возражаю, — да кто же из чистого серебра отиски дѣлает? Вѣдь они чеканенные!

— Не знаю-с. По моему, это не монеты!

Пошел я от него в другія мѣняльные лавки, там невѣжество, конечно, еще большее: у нас хорошо, да и то не вездѣ, знают только болѣе рѣдкіе типы русских монет.

Вспомнил я тогда про Эрмитаж и рѣшил обратиться туда.

В нумизматическом отдѣлѣ сидѣл А. К. Марков, теперешній завѣдывающій им, а тогда помощник Иверсена. Я познакомился с ним и показал монеты.

— Это брактеаты, заявил Марков, взглянув на них: германскія монеты 12 и 13 вѣков, чеканившіяся в Майнцѣ.

— Сколько же может мнѣ предложить Эрмитаж за них? спросил я Маркова.

— Рублей 70, не менѣе, отвѣтил он. — Впрочем, вы подождите Иверсена, поговорите с ним, я завѣдываю восточным отдѣлом.

Через нѣкоторое время пришел Иверсен и попросил меня оставить ему монеты для лучшаго ознакомленія с ними дня на два.

В назначенный день и час я пришел и застал Иверсена над моими монетами, разложенными в чрезвычайном порядке в обитом сукном ящичке. Вид у старика был какой-то недовольный.

— Видите ли что, начал он с сильным нѣмецким акцентом: — ваши монеты не интересны; они все есть у нас, наконец, среди них двѣ испорченных...

— Но остальные 115 штук зато превосходно сохранились!

— Да, но повторяю онъ у нас есть...

У меня и руки опустились. — Вот тебѣ, думаю, и 70 рублей!

— Так что же значит, спрашиваю, — вы их не купите у меня?

— Нѣт, отчего же... купить можно, но мы не можем предложить вам болѣе 25 рублей.

Деньги нужны мнѣ были до зарѣза и я согласился.

Иверсен сразу расцвѣл, разговорился со мной и, узнав мою фамилію, воскликнул, — а, так вы сын К. Минцлова? Это был очень хороший мой знакомый!

Я отвѣтил, что я его внук а не сын; Иверсен очень стал приглашать меня к себѣ и я обѣщал прийти.

Через два—три дня зашел к нему, и старик блеснул передо мною своею дѣйствительно великолѣпною польскою и русскою коллекціями монет. С его разрѣшенія я стал посѣщать Эрмитаж и цѣлое лѣто проработал в нем.

Перед отѣхадом я опять завернул к нему чтобы проститься. Старик был чрезвычайно в духѣ и, когда я заговорил с ним о своих брактеатах, он

вдруг наклонился ко мнѣ, с хитрым видом, потребовал меня по плечу и сказал:

— А знаете что? между вашими монетами были двѣ уники. Ни в один каталог, ни в один мюнцкабинет их нѣт! Я посыпал их в Мюнхен, в Берлин — и там нѣт! И он с торжеством откинулся назад и посмотрѣл на меня.

Меня точно ошпарило. Я знал, что значит уника в нумизматикѣ: в переводѣ на деньги это тысяча, или двѣ тысячи рублей.

— И вы, зная это, взяли их у меня за 25 рублей? спросил я.

— Сердиться не надо! возразил успокоительно Иверсен: — дѣло коммерческое, вы могли и не продавать их!

— Я думал, что прихожу не в лавку к татарину, а в Императорскій Эрмитаж, в учрежденіе, гдѣ не воспользуются моим незнаніем, сказал я, повернулся и ушел и уже до самой смерти этого господина не заходил больше в нумизматическое отдѣленіе Эрмитажа.

31 іюля. Разбирал сегодня книги в своей библіотекѣ и наткнулся на нѣсколько разрозненных №№ покойного «Наблюдателя» за 1899 и 1900 гг. В этих книжках напечатаны мои юношескія стихотворенія.

Исторія их напечатанія любопытна и потому запишу ее.

Когда я жил в Одессѣ, у меня был небольшой кружок пріятелей, среди которых я читал иногда свои стихотворенія. Писал я их мало, а в то время уже и совсѣм бросил это младенчество. Стишки нравились и сюрпризом мнѣ, большая часть их — что-то семнадцать, кажется, штука, были изданы

пріятелями и, разумѣется, вслѣдствіе сюрпризности, с невѣрностями.

Экземпляров было напечатано очень немногого, и, книжка вскорѣ разошлась по рукам; по положенію, были отправлены экземпляры для отзывов в редакціи журналов и по заслугам были изруганы и раздѣланы под орѣх.

«Лавров» было с меня довольно и потому, несмотря на намѣреніе возмущенных пріятелей переиздать ее я рѣшительно воспротивился, книжка сдѣлалась рѣдкостью; года два тому назад, получив каталог букиниста И. Иванова я к удивленію увидел в нем свою брошюруку, оцѣненную... в 10 рублей!

Перебрался я затѣм в Петербург и забыл, разумѣется, о книжкѣ. Прошло иѣкоторое время — приходит ко мнѣ Вл. Л. Рагозин и говорит — «знаете, — Анна Рудольфовна (моя сестра) стихи помѣстила в Наблюдателъ!»

— Откуда вы взяли?

— Изъ объявленій въ Новомъ Времени!

Спрашиваю сестру — никакихъ стиховъ она не помѣщала и не писала.

Однофамилецъ у меня есть только один — двоюродный братъ Сергѣй Иванович. Я подумалъ, что, вѣроятно, это онъ наглушилъ что-нибудь по своей юности и даже не поинтересовался заглянуть въ «Наблюдатель».

Не помню через сколько времени, натыкаюсь я самъ на газетное объявленіе о выходѣ того же журнала; просматриваю и опять вижу свою фамилію, на этот раз уже с совершенно другими інициалами.

Занинтересовало это меня; редакція Наблюдателя помѣщалась поблизости, на Пушкинской ул., и я отправился туда.

Прихожу и спрашиваю — могу ли видѣть г.
Пятковского?

Конторщик смотрит на меня, как на сумасшедшего.

— Нѣт, говорит — нельзя.

Послѣ я узнал причину такого таращенья на меня глаз конторщиком: Пятковскій был кругом должен, да и по причинѣ разных других «дѣл» прятался от публики и изловить его можно было развѣ при помощи гончих.

— Когда же можно застать его?

— Не могу сказать опредѣленно: они рѣдко бывают здѣсь.

— Да вѣдь приемные дни же у вас есть?

Конторщик тонко улыбнулся.

— Есть, но только они в них не бывают.

— Удивительная редакція, говорю. Впрочем, вы можете дать справку! И рассказал ему в чём дѣло.

Стали мы пересматривать журнал и нашли книжки с моими стихами, перепечатанными из вышеупомянутаго сборника.

— Не можете ли вы мнѣ сказать, — как попали к вам эти стихи?

— Не знаю — это вѣдь дѣло лично редактора!

Вижу — толку не добиться никакого; надежды повидать Пятковского и объясниться с ним нѣт тоже. — Ну-с позовольте, говорю, попросить вас о выдачѣ мнѣ гонорара?

Конторщик извлек откуда-то громаднѣйшую книжищу, покопался в ней и выпрямился.

— Гонорара вам не причитается.

— Это почему?

— Вот изволите видѣть?, он указал пальцем на страницу с мою фамиліей: — г. Пятковскій сам дѣлает помѣтки.

Я нагнулся и увидѣл, что в граffѣ, гдѣ обозначается гонорар, красуется слово «*gratis*».

— Чисто, говорю, у вас работают! Попрошу у вас в таком случаѣ хоть книги, гдѣ помѣщены мои стихи!

— Пожалуйста. Три рубля семьдесят пять коп. позвольте получить с вас.

— За что?

— За книги.

— Да позвольте: авторам вездѣ бесплатно выдают их!

— У нас г.г. авторы покупают.

Так почему-ж тогда вы считаете за книгу по рублю с четверью, когда 12 книг стоят 12 рублей?

— Так установлено для г.г. авторов. Обратитесь к г. Пятковскому — может, он прикажет выдать бесплатно.

— Да вѣдь его видѣть нельзя?..

— Нельзя.

Плюнул я и ушел.

Попытка узрѣть г. Пятковского болѣе не дѣлал; хотѣл учинить ему за такое безцеремонное обращеніе с чужой собственностью скандал в печати, да рукой махнул.

23 сентября. В Черниговѣ, осматривая монастыри, услыхал, что в ста двадцати верстах от него находится Рыхловскій монастырь, владѣющій единственным в Россіи лѣсом из тысяче-лѣтних дубов. Отправился в Рыхлы и прожил в монастырѣ нѣсколько дней. Это настоящее трудовое братство, существующее исключительно трудами своих многочисленных сочленов. Одни из них пашут, другіе возятся с обширным скотным двором, третьи на огородах, в садах, на пасѣкѣ и т. д.

Гостиницами завѣдывал невысокій плотный монах — лѣт 45, отец Федор. Я пригласил его к себѣ попить чайку; потом пообщдали мы вмѣстѣ в его кельѣ, и о. Федор разговорился.

Много любопытнаго услыхал я от него о монастырской жизни; еще болѣе узнал бы поучительнаго из этих бесѣд г. премьер — Столыпин, если бы только мог тайком подслушать наши рѣчи. В первый раз в жизни видѣл я монаха, выросшаго в монастырѣ и мало-по-малу, под исключительным вліяніем дѣйствій поліціи и собственнаго духовнаго начальства, выработавшаго в себѣ революціонные взгляды. Пропаганды никакой он и не слыхивал.

Верстах в двадцати от монастыря ограбили какое-то волостное правленіе.

— А вы, спрашиваю я о. Федора — не боитесь экспропріаторов?

— Нѣт, мы люди привычные.

— Т. е. как это так?

— А так. Экспропріатели придут раз, ну два, — это уж Божье попущеніе, а поліція грабит нас каждую недѣлю! И пустился он в рассказы.

— Что хочет, то и дѣлает, — царь меньшѣ его у нас в юзѣдѣ значит! говорил о. Федор про мѣстнаго исправника, нѣкоего Хоменского.

— Щздит всегда с урядниками, лупит кого и гдѣ попало. На-днях ярмарка у нас была; здѣсь, на монастырском дворѣ стражники ни за что, ни про что нагайками мужиков бить стали. А он в номерѣ сидит, чай пьет. Пошел я к нему, прошу унять безобразіе, а он мнѣ в отвѣт: «мои люди никакого никогда не трогают!» Потом встрѣтил женщину из Новгород-Сѣверска: она взятки ему не дала, когда он еще приставом был, вот он и зол был на нее. Увидал ее — паспорт давай, кричит.

Ну, а какой тут паспорт, на богомолье человѣк в
своих же мѣстах пришел?

— Нѣту паспорта.

Нѣту? Тащи ее!

Ухватили бабу стражники, поволокли в номер
к нему и уж бил же он ее там.

— Да вы бы говорю о. Федору, настоятелю
пожаловались?

— Жаловался. Да что он может подѣлать —
архіерею написать? А тот знай одно пишет —
уладьте дѣло миром, не задирайте их. Боится. Всѣ
их боятся! Чистые опричники! Пріѣдут в монастырь
— сейчас подавай им того, другого, третьяго. Раз,
к вечеру пріѣхал со становым: обѣд подавай ему,
да мясной, вашей де дряни, пустых щей, не ъм.
Ну, а гдѣ здѣсь мяса достать? Сами знаете —
ближайшее село в восьми верстах от нас.

— Нѣту, говорю, мяса!

— Чтоб было! кричит.

— Что тут дѣлать? Взял я и ушел от грѣха,
послушники тоже попрятались. Вот они кричали,
кричали, ругались, потом побили стекла в номерѣ,
да так и уѣхали ни с чѣм. Каждый раз, как пріѣ-
дут — овса наберут, сѣна, яблок. Досада меня
взяла! Выждал я случая — велѣл он наложить
себѣ на подводу овса, я подхожу и спрашиваю у
него деньги. А он скрутил дулю да кулак сжал и
тычет их мнѣ в лицо.

— Вот тебѣ плата, кричит: — любую выбирай!

— Что же архимандрит на это все говорит?

— Да что ему говорить? — Пушай, твердит:
Господь с ними, молчать надо... И молчим!..

А лѣс у них дѣйствительно изумительный!

24 октября. Вчера на углу Невского и Надеждинской разыгралась история, заставляющая

много говорить о себѣ: столкнулся автомобиль с извозчиком, и ѿхавшій на послѣднем корнет Коваленскій с братом — камер-пажем, вошел в такой раж, что начал рубить и стрѣлять направо и налево и ранил тяжело городового, пытавшагося укротить его, студента и еще двух лиц. Братьев арестовали, но папаша этих героев, оказавшійся сенатором, поскакал куда слѣдует и г.г. прокуроры, признав, что корнет дѣйствовал «в запальчивости и раздраженіи» освободили его на поруки.

Смертный, не имѣющій тяtenъki в Сенатѣ и стрѣляющій хотя бы и мимо городового, подлежит на основаніи дѣйствующаго «положенія» смертной казни, и примѣров пощады за это до сих пор не было.

Г.г. же Коваленскіе без суда и слѣдствія мгновенно признаются дѣйствовавшими в раздраженіи и выпускаются на свободу.

26 октября. А. Д. Карышев купил у Василевскаго журнал «Образованіе». Тотоміанц, Носков, Новорусскій, Велихов, Монвиж.-Монтвид, Поварнин, Е. Игнатьев и я приглашены членами редакціи; было нѣсколько собраній, на которых установлено «кредо» журнала: прогрессивность, беспартійность и научно-популярность.

Карышев — круглый, скромный человѣчек, уже пожилой — страдает маніей писательства. Ни одна редакція не брала его вещей.

— Ну что вам стоит взять, вѣдь вы редактор? упрашивал бывало он Монтвида, молитвенно сложив ручки.

Но Монтвид — редактировавшій «Всходы», был непреклонен. В талантливости своей Карышев настолько увѣрен, что у него вырывались даже та-

кія фразы: — «что-ж, подождем; Чехова тоже поздно признали!»

Несколько книг напечатаны им на свой счет под всевдонимом «Милин». Сентиментальность его сказалась даже в псевдонимѣ: имя жены-его — Эмилія, вот он, так сказать по принадлежности ей, и назвал себя так.

В общем он благожелательный и добрый человек. В литературных дѣлах и обхожденіях ничего не знает и дѣлает ряд промахов: то пускается в откровенности с таким типом, с которым дѣлать этого не слѣдует, то чуть было не напринимал в журнал статей разных литературных хулиганов. Литературный мір, как и всякий в наши дни, кишит проходимцами.

8 ноября. Сегодня хоронят Цусимского вел. кн. Алексея Александровича.

Еще шестого, вечером, начали затягивать черными и бѣлыми полотнищами Николаевский вокзал и забор вокруг памятника Александру III. На Невском врыли черные мачты, увитые гирляндами из елок; фонари задернуты флером.

Полиція заботливо осмотрѣла и заперла на собственные замки всѣ чердаки домов не только Невского, но и ближайших к нему улиц, вродѣ Гончарной; с владѣльцев меблированных комнат и гостиниц взята подпись еще за три дня о несдачѣ никому комнат до окончанія похорон; к окнам квартир рекомендовалось не подходить и не очень выглядывать из них во время церемоніи: за каждое открытое окно, или форточку, — штраф в 500 рублей.

Утром пошел взглянуть на церемонію, но видѣл ее лишь издалека. Не только на Невскій, но и

близко к нему не была допущена ни одна посторонняя душа; весь его заполняли солдаты, дворники и благонадежные «туземцы», изображавшие «народ»; я дошел до начала ограды церкви Знаменія и дальше пробраться оказалось невозможным: сплошная линія городовых и пожарных в мѣдных касках преграждала путь.

Картина все же была любопытная; слѣва над домами сквозь туман багровым пятном свѣтилось солнце; блѣдно и неясно мерцали сквозь креп фонари. Публики поглядѣть собралось очень немного.

Не мало стоят обывателям Невскаго проспекта всякия веселыя и печальные торжества в царской семье!

9 яюября. Карышев отличается. Хотѣл ѿхать с визитом к цензору и насилу мог понять, что это неприлично.

В концѣ концов, тайно от нас, он все-таки съѣздил «представиться» градоначальнику и затѣм... к нашему приставу!! Заявил послѣднему, что никаких «безпокойств» ему от журнала не будет, что он человѣк осторожный и благоразумный.

Пристав выпросил себѣ бесплатную высылку журнала, на том основаніи, что жена его любит почитать. Карышев обѣщал «немедленно по выходѣ книжек доставлять их со старшим дворником». Дал приставу еще иѣчто болѣе существенное, «на память» и тот, растрогавшись окончательно, посовѣтовал ему «на всякий случай» завести подставного редактора. Остается еще крестить у старшаго дворника, и дѣло «Образованія» будет окончательно в шляпѣ!

Нянчиться с этим младенцем пятидесяти лѣт приходится во всю: то он пишет длиннѣйшія, не-

лъпя письма Л. Андрееву и др., которые мы не даем ему отправлять, или сокращаем на девять десятых, то пускается в откровенности по поводу дѣл журнала и т. д.

17 но я б р я. Наложили арест на напу первую книжку «Образованія».

Что за причина — теряемся в догадках. Тотоміанц ручается головой, что не по его винѣ — он редактировал экономической статьи.

18 но я б р я. Едва раздобыл № «Образованія». Из типографіи получили их всего десять, остальные захвачены и опечатаны еще в листах у брошюровщиков. Карышев распорядился сдѣлать предварительное объявление о выходѣ книги и послал ее в цензуру, т. е. как раз наоборот установившемуся порядку: обыкновенно выпускают книгу, разсылают ее и только денька через два-три пускают ее в цензуру и дают объявления. Полиція является конфисковать и уходит с десятком другим экземпляров и только.

Думаю, что причина ареста книги, неосторожно пропущенная Карышевым фраза в разсказѣ Подъячева, что-то вродѣ «дарь-батюшка сам теперь водкой торгует. На совѣсть торгует». Эдакая ерунда и пустяковина, а надѣлала столько переполоха!

Жена Карышева винѣ себя и все твердит, что надо поскорѣй продавать журнал. Карышев с 10 ч. утра ускакал хлопотать. То-то, вспомнил, должно быть, совѣт пристава не подписываться в качествѣ редактора?

Был во второй раз в редакціи, видѣл Носкова, Тотоміанца и дождался, наконец, Карышева. Страстей держаться молодцом, хотя, видимо разстроен. Дѣло уже передано Камышанским во 2-е отд.

Палаты. В Подъячевской фразѣ, Камышанскій ус-
мотрѣл, конечно, 128 статью.

25 ноября. Хлопотали всѣ эти дни об аре-
стованной книжкѣ. Обѣщали выпустить ее, истре-
бив преступныя три строчки в разсказѣ Подъячева.
Аллах акбар!

6 декабря. Вчера вынесен военно-окруж-
ным судом приговор по возмутительному дѣлу
братьев Коваленских. Старшій, — ранившій выстрѣ-
лами из револьвера четырех человѣк, в том
числѣ городового — приговорен к трем мѣсяцам
гауптвахты, без ограничевія каких-либо прав;
младшій — посвящавшій кулаком другого городо-
вого в рыцари — оправдан.

8 декабря. С «Образованіем» идет ерунда.
Не везет вообще образованію у нас в Россіи!

Карышев — это милѣйшій обыватель, но от-
нюдь не редактор. Вышли уже двѣ книжки, одна
даже двойная, а физіономіи у журнала все нѣт.

Ведет длиниѣ разговоры со всѣми прихо-
дящими, дает обѣщанія печатать статьи, не про-
читав их и т. д. В результатѣ непріятности.

29 декабря. Новый год ознаменуется
смертью нѣскольких заслуженных журналов: прек-
ращаются «Минувшіе Годы», Юный Читатель»,
умрут вѣроятно «Всходы», «Родник» и др.

Народились и новые; я кромѣ «Образованія»
работаю теперь еще в «Мирѣ», журналѣ, двух
братьев, Богушевских.

1909 год.

3 января. Был вчера в Литературном Обществѣ. К. И. Чуковскій — нескладный, длинный, встрепанного вида молодой человѣк — читал свой нѣсколько устарѣлый доклад о Натѣ Пинкертонѣ и современной литературѣ. Доклад поверхностный, но с остроумными мѣстами и задираніями. Докладчик, на основаніи факта существованія Пинкертонов и плохих кинематографов, вывел заключеніе, что интеллигенція уже у нас нѣт, что она умерла. Попутно зацѣпил слегка Горячельда и Пѣшехонова, не говоря уже о Каменских и Ко.

Ему аплодировали.

Начались возраженія; бѣднягу Чуковскаго раздѣляли под орѣх: напомнили ему, что он сам участвовал и участвует в тѣх органах, которые обругал, сам хулиганствовал, что он не смѣет касаться людей, мизинца которых не стоит и т. д., и т. д. в самой рѣзкой формѣ.

Особенно отличился Столпнер, амплуа которого на всѣх собраніях заключается иногда в остроумных, но всегда язвительных походах против референтов.

Аплодировали и им.

Словом вышла почти форменная ругань; предсѣдательствовал большой человѣк, но очень маленькаго роста, слов котораго в общем шумѣ никто разслышать не мог — скульптор Гинцбург.

Послѣ доклада Носков, М. Морозов и я остались ужинать; присоѣживался к нам и опять убѣгал к другим столам и К. Чуковскій. Я впервые познакомился с ним; очень в нем много еще ре-

бячливаго, но парень он наблюдательный, остромысленный и несомнѣнно с искрой Божьей.

Междуд прочим, он бѣгал между столами и раскладывал на них объявленія о... выходѣ его новой книжки!

4 января. В судейских кругах много толкуют о Леманѣ, знаменитом помощникѣ библіотекаря Зимняго Дворца, попавшем на скамью подсудимых.

Всѣ распроданныя им гравюры и пр. разысканы даже «до послѣдняго корешка» по образному выраженію Александрова, слѣдователя по этому дѣлу. Курьезнѣе всего, что всѣ украденные «сокровища» оказались настолько порнографическими, что вызвали даже конфуз и отрицаніе от них со стороны дворцовых властей, когда их привезли, наконец, во дворец на трех подводах.

Только указанием на императорскіе орлы и штемпеля Александрову удалось убѣдить принять их, что сдѣлано было весьма неохотно.

Такое «безактное» водвореніе во дворец цѣлаго воза сугубой порнографіи, да еще при подробнѣйшей описи,увѣковѣчившей кромѣ того и содержаніе рисунков, Александрову даром не прошло: поліція и сыщики получили награды, а он, усиленно проливавшій пот на этом дѣлѣ, — ничего.

Не лишены интереса повѣствованія Лемана о его бесѣдах с императором.

Приходит Николай II в библіотеку и говорит, что ему хочется «что нибудь» почитать; при этом поглаживает и вытягивает вперед рукою бородку.

— Что прикажете, Ваше Величество? Исторического содержанія, или что-нибудь из беллетристики?

— Да, да... что-нибудь. Из беллетристики...

— Из новейшей или из старой?

— Из старой... Послѣ только, потом... и уходит, не взяв ничего.

5 января. В Петербургском градоначальствѣ готовятся открытия и скандалы совершенно в духѣ знаменитых московских. Устранило уже нѣсколько заправил в канцелярии градоначальника; кн. Урусов рассказывал Дм. М. Бодиско, что он требовал от Столыпина преданія суду самого Драчевскаго, но что премьер огорожил его просьбой, «как монархиста», не подымать исторіи и не дѣлать о Драчевском запросов, так как это единственный человѣк, который может охранить жизнь императора.

6 января. Был сегодня В. М. Вышемирский, исполняющій обязанности слѣдователя 12-го участка. Это молодой, дѣятельный и симпатичный человѣк. Разсказывал о слѣдствіи, производящемся у них по дѣлу о бомбѣ, недавно взорвавшейся, если я не спутал, в Кафе-Централь на Невском проспектѣ.

Оказывается, что бомбу эту принес и положил нѣкоторый сын статского совѣтника; по «семейным обстоятельствам» он очень хотѣл служить в охранном отдѣленіи и предложил свои услуги, но там его не приняли, предложив сначала чѣм-нибудь за рекомендовать себя.

Словом, выясняется, что эта взорвавшаяся рекомендація и другая, невзорвавшаяся и найденная в Кафе de Paris, были подложены по указанію охранного отдѣленія как бы в противовѣс запросам о смертной казни, вносившимся в то время в Думу... Разоблаченъице не новое: нас теперь рѣшительно ничѣм не удивишь!

Прежде, помню, когда должны были казнить убийцу начальника главнаго тюремнаго управлениія;

я чувствовал себя неладно и даже плохо спал в ту ночь, все представляя себе разсвѣт и гнусную процедуру приготовления здорового человѣка к смерти.

Теперь читаешь и слышишь о ежедневных казнях десятков людей и обращаешь на них столько же вниманія, как на брошенный газетный лист.

19 января. Вчера с огромными предосторожностями арестован бывшій директор Департамента Полиції Лопухин. Одних городовых было прислано до сорока человѣк, словом мѣры были приняты такія, как будто предстояло брать штурмом Алексѣевской равелин.

Лопухин, послѣ тщательного обыска квартиры, взят под стражу. Причины пока неизвѣстны, но ходят слухи, что арест его находится в связи с разоблаченіями, сдѣланными в Парижѣ Бурцевым.

Свѣдѣнія об этом, помимо писем, проникли к нам через иностранные газеты.

В виду «свободы» печати, Петербургскія газеты с большой осторожностью напечатали выдержки об этой исторіи из иностранных офиціозов. Тѣм не менѣе градоначальник оштрафовал всѣ газеты за распространеніе «ложных свѣдѣній». Через два дня, к большому конфузу скоропалительного генерала, штраф пришлось сложить...

20 января. Лопухин арестован за то, что способствовал выясненію революціонерам провокационной дѣятельности Азефа.

Газеты сегодня полны статьями об этой исторіи. Интереснѣе всего, что Азеф, выдав по тому или другому случаю своих сотрудников, устраивал партійные суды, на которых выносились смертные приговоры как предателям, тѣм из партійных дѣтелей, которых он хотѣл устранить.

Есть версія, что Лопухин замѣшан и в темную исторію, о которой в свое время глухо поговаривали в городѣ. Говорят, будто готовился дворцовый переворот в пользу Михаила и что Лопухин участвовал в заговорѣ и был сторонником послѣдняго. Ерунда не из послѣдних. Раaskазов теперь не обобраться.

2 февраля. Носков ушел из редакціонного комитета «Образованія». Наканунѣ ухода и я с Тумимом.

5 февраля. Предстоит выступить на судѣ чести между Карышевым и Носковым в качествѣ свидѣтеля. Всѣх дѣл первого перечислять не стану, отмѣчу только нѣкоторыя, особенно возмутившія нас.

Такса за лист научных статей в «Образованіи» установлена в 80 руб. В наслѣдство от Василевскаго к Карышеву перешли двѣ рукописи профессора Локтя, бывшаго члена I-ой Госуд. Думы; человѣк этот в настоящее время бѣдствует, так как лишен мѣста и живет в Москвѣ.

Тотоміанц посовѣтовал Карышеву разсчитать Локтя по 40 р. за лист, утверждая, что он будет доволен и этим.

Карышев, разумѣется, с радостью ухватился за такую «экономическую» идею и послал Локтю гонорар по сорокарублевой расцѣнкѣ.

Возмутились мы страшно.

С «Образованіем» носится до противнаго: хватается буквально каждому, впервые пришедшему, человѣку выпущенными №№ и увѣряет, что никогда и нигдѣ еще не выходило таких замѣчательных, так великолѣпно составленных книг.

— Особенno хороша беллетристика; она в твердых, надежных руках! — добавляет он всегда,

многозначительно подмигивая, и особенно напирая на послѣднюю половину фразы.

Беллетристикой завѣдует он сам. Надо отдать справедливость, и беллетристика в журналѣ из рук воин плюка, да и все остальное под пару, т. к., несмотря на «конституцію», он вмѣшивається во всѣ отдѣлы и уродует их по своему усмотрѣнію. Работать при таких условіях, разумѣется, нельзя.

Но какое количество подлецов на свѣтѣ! Цѣлые толпы их являются по пріемным дням в редакцію и курят єюміам Карышеву за его «дивныя книжки»,увѣряют в любви (?!), просят руководства и т. д.

14 февраля. Получил очень меня удивившее письмо от Д. Карышева с просьбой пожаловать на общее собрание сотрудников в понедѣльник, 16 февраля.

15 февраля. Видѣл Н. Д. Носкова и Е. И. Игнатьева.

Послѣдній в большом фаворѣ у Карышева, часто заходит к нему и рассказал великую новость: Тотоміанц ушел из «Образованія».

Чудо настолько большое, что рѣшил побывать у Карышева.

Встрѣтил он меня чуть не с объятіями, — знак плохой. Оказалось, что за время моего непосѣщенія редакціи накопилось множество событий и всѣ до нѣкоторой степени были предсказаны ему мною и Носковым.

Еще на самом первом редакціонном собраниі я поднял вопрос — на каком основанії, без вѣдома всѣх членов редакціи, в список сотрудников попало нѣсколько новых лиц. Пригласил их, как выяснилось, Тотоміанц; Карышев извинился и сказал, что спѣшный выпуск первой книжки не позв

волил им посовѣтovаться с нами и что впредь это-
го не будет.

По выходѣ второй книжки, список сотрудников
опять увеличился; на ея обложкѣ очутились уже
совсѣм нежелательныя имена. Опять это оказалась
дѣлом рук Тотоміанца и попустительством Кары-
шева. Общих собраній у нас болѣе не было, оди-
ночные мои протесты ни к чemu не вели, а Тото-
міанц все нагонял и нагонял в журнал своих
людей.

— Смотрите! — предупреждал я Карышеву, —
вас заполонят эс-деки и скоро вы очутитесь в
плѣну у них. Тотоміанц их застrelъщик и ведет
свою линію неуклонно!

Одновременно с этим Тотоміанц начал поход и
против всѣх нас, не принадлежавших к его партії,
членов редакцій.

Носков не выдержал этой марки и ушел, я
тоже совершенно отстранился от журнала. Тото-
міанц мог бы торжествовать.

И вдруг к Карышеву является литературный
«нѣкто в сѣром» — Бонч-Бруевич и заявляет ему,
что он не может работать в «Образовані», т. к. в
спискѣ сотрудников его значится Изгоев.

Затѣм приходят Финн-Енотаевскій, тот же
Бонч, Клейнборт и еще кто-то из столь же знаме-
нитых особ и заявляют, что они явились с «тре-
бованіем в качествѣ уполномоченных от партії
эс-деков об удаленіи из состава редакцій... — То-
томіанца, как измѣнника партії, и всѣх остальных
не эс-деков».

Карышев обѣщал им устроить собраніе шест-
надцатаго и вот на это-то собраніе я и получил
приглашеніе. В «измѣнники» Тотоміанц попал по-
тому, что должен был сдѣлать «Образованіе» чи-

сто эс-декским журналом, но до сих пор не выполнил этого.

Не лишена интереса и отдельная сценка с Финном. Е. Тотоміанц, познакомив с сим мужем Карышев, выпросил тут же, аванс для него в 50 р. Финн принес ему потом какую-то статью.

Когда явившаяся депутација в отвѣт на свое требование услыхала отказ, то заявила, что в таком случаѣ всѣ эс-деки уйдут из журнала и, что этот уход будет крахом для него, т. к. их огромное число. Финн потребовал обратно свою рукопись.

— Деньги на стол! — отвѣтил ему Карышев.

— Верните аванс — получите рукопись.

Финн настаивал на немедленном полученіи ея; Карышев твердил свое. Тогда Финн замолчал и через нѣсколько минут сказал: «да, вы правы, конечно. Но, надѣюсь, вы мнѣ не откажете дать рукопись на нѣсколько минут для исправленія конца?»

— На нѣсколько минут?

— Да.

— Пожалуйста!

Карышев вынул рукопись и подал ее Финну. Тот согнул ее пополам и прехладнокровно засунул в боковой карман.

— Больше вы ее от меня не получите! — сказал он — она будет у вас только тогда, когда уйдут всѣ нежелательные для нас лица!

В результатѣ Карышев пришел к слѣдующему рѣшенію. 16-го он «примет» эс-деков и будет говорить с ними единолично, пообѣщает им исполнить постепенно их требованіе, чтобы избѣгнуть скандала, вредного для журнала и затѣм... «выпрут» их самих.

— Зачѣм же нам приходить — спрашивая: —

если собранія не будет? В качествѣ чего же мы будем сидѣть тогда у вас за ширмой?

— В качествѣ моих гостей. Послѣ подобнаго объясненія мнѣ необходимо побывать среди таких людей, как вы... Понимаете меня? *

В концѣ концовъ я согласился прийти к нему въ качествѣ гостя и вот теперь сижу дома, пишу эти строки и недоволен собою: не нужно было давать этого глупаго обѣщанія. В качествѣ чего мы будем сидѣть у него въ столовой? В качествѣ власады дворниковъ для выручки «хозяина», если его бить начнут?

17 февраля. Эс-деки провалились с треском.

Пошел вчера без четверти семь часов вечера в «Образованіе» и почти у подъѣзда встрѣтился с шедшим туда же Кирьяковым.

В редакціи был уже Тумим и еще кое-кто. Тумим не был в редакціи с недѣлю и не знал совершенно ничего; я посвятил его во всѣ тайны.

— Знаете что? — отвѣтил он, глядя на меня круглыми глазами: — у меня совершенно не укладывается в мозгу то, что вы рассказали!

Я засмѣялся. Народа все прибывало. Наконец, между черными пиджаками и сюртуками замелькало розовое лицо Ниночки, дочки хозяина, приглашавшей нас в столовую. Я отправился туда с Тумимом. Там уже сидѣли Н. Русанов (Кудрин), старик Бух, Е. Игнатьев и Кирьяков.

Принялись за чаепитіе и конфекты.

Звонки между тѣм раздавались за звонками; взрывы нашего смѣха, весомнѣнно, доносились в редакціонную залу, гдѣ уже начались рѣчи г.г. экспропріаторов. Голоса там все повышались.

Вдруг вѣгаєт Ниночка и взволнованно заяв-

ляет, что «там на папу кричат!». Эмилія Константиновна поблѣдила. Я поднялся с мѣста и, сдѣлав вид, что поплевал в кулаки, произнес: — «Ну, ребята, вали; хозяина бьют!» Мне отвѣтили дружным смѣхом.

Через нѣкоторое время к нам явился В. Поссе.

— Черт знает что! Я никогда не слыхал и не видал ничего подобного — была его первая фраза при входѣ. — Это же хулиганы какіе-то!

Поссе — не член редакціи и пріѣхал исключительно затѣм, чтобы быть свидѣтелем того, что произойдет.

Оказалось, что их требование «собранія» было в нѣсколько иной формѣ, чѣм мнѣ передал Карышев. Они заявили, что, если К. не желает устроить собраніе, то они вломятся силой и оно все-таки будет. Они распредѣли уже между собой даже отдѣлы и роли в журналѣ.

Поссе заявил, что Карышев ведет себя не так, как надо, идет на уступки и сказал, что он согласен «выкинуть» нѣсколько неугодных им фамилій из списка, но не всѣ...

— Если будет вычеркнута хоть одна фамилія — мы должны уйти рѣшительно всѣ. Это пощечина для всѣх нас, — заявил я. — Здѣсь не гимналисты и «исключать» кого-либо не имѣют права. Прежде всего у нас конституція и Дм. Ал. ничего не может рѣшать самолично: он должен выслушать эту братію и сказать, что «хорошо-с, я передам все это комитету и там увидим, что рѣшил он».

Всѣ, особенно Тумим и Русанов, встали за меня. Вызвали Карышева и когда он прибѣжал, сказали ему, как он должен держаться с господами, забравшимися к нему в дом.

В 11 часов эс-деки разом бросились в переднюю и стали одеваться. Вошел, улыбаясь, Карышев и потирая пухлые руки, произнес: ушли!

— То-есть?

— Совсем ушли. Из состава сотрудников!

Мы принялись апплодировать.

У Русанова как раз оказалась в кармане статья о Жоресе. Он ее передал Карышеву и, таким образом, убыль иностранного обозревателя — Берлина — разом пополнилась. И это мы встретили апплодисментами.

— А не повредит их уход журналу? — их ведь человек сорок было? справился потрухивавший в душу Карышев. — Они собираются написать письмо в редакции газет!

Мы его успокоили. Пусть попробуют написать: в дураках останутся только они одни.

Поздравил я Карышева с очищением атмосферы в редакции и отправился домой. Невероятно, но факт!

На другой день послѣ знаменитаго эс-дековского ультиматума зашел я к Карышеву; не успѣл пропѣть пѣтих послѣ их отречения, а уж... утром Берлин запросился обратно... Забѣгал в редакцію и Тотоміанц.

Эс-деки являлись в «Рѣчь» с письмом в редакцію о своем уходѣ, но получили отказ в напечатаніи его.

12 марта. По Петербургу ходят слухи о близкой гибели города à la Мессина. Как это ни странно — к ним прислушивается не только простонародье, но и многіе из интеллигенцій.

Толкуют о пророчествах какой-то женщины; предсказавшей, якобы, гибель Мессины и еще что-то, наивная вѣра в глупую басню так велика, что нѣ-

которые собираются уѣхать на Пасху из города. Событие, должно произойти на Пасхѣ.

От землетрясения осядет полоса земли между морем и Ладожским озером и волны послѣдняго смоют столицу с лица земли. Отмѣченное сейсмографом, неизвестно гдѣ произошедшее землетрясение, служит как бы первым предостереженіем. Вот вам и XX вѣк!

10 мая. Два мѣсяца не брался за перо, хотя много было, что слѣдовало бы занести в эту книгу. Отмѣчу кое-что вкратцѣ.

В апрѣлѣ конфисковали очередную книжку (№ 4) «Образованія». Конфисковали за мой рассказ «Тайна»; кромѣ того, за рецензію о книгѣ Фирсова — «Пугачевщина» градоначальник оштрафовал Карышева на 500 руб.

В редакціи «Образованія» послѣ исторіи с эс-деками я больше не был — опротивѣл мнѣ Карышев с его вѣчным враньем и никчемными разговорами; написал из приличія сочувствующее письмо ему из Кемере и ограничился этим.

Больше в «Образованіе» не пойду, пока разумѣется, там Карышев. А сидѣть ему там и изображать из себя литературную персону и судью долго не придется; по слухам, он крѣпко струхнул, пріуныл и уже продает журнал.

Привлекают его по 73-ей статьѣ. Что-ж, потѣшился, повеличался, пора и честь знать. Он уже купил себѣ имѣніе гдѣ-то близ Петербурга и это самое лучшее, что мог придумать.

«Образованіе» гибнет; Карышев сдѣлал все что мог, чтобы погубить его, подписка очень невѣлика и вряд ли найдутся чудаки, желающіе ложиться костями для поддержанія его.

У подъѣзда моего на Суворовском просп. были арестован Минин; он эс-дек и по разным эс-дековским дѣлам и за изданіе сборника «Вѣянія Времени» должен был превратиться в нелегального человѣка и жить по чужому виду под фамиліей Шейнина.

Минин *) и раньше говорил мнѣ, что за ним опять начали слѣдить шпики и даже однажды удѣрал от них через мою квартиру, имѣвшую выход и на 8-ю улицу.

Прекратилось продолженіе «Товарища», «Нашей Газеты»; вообще всюду дѣла идут плохо. Публикѣ, видимо, наскучили всѣ «товарищи» и двуногіе и неодушевленные.

Лопухин приговорен к пяти годам каторги... Процесс был любопытный. Власти так устроили, что главнѣйшіе свидѣтели, вродѣ Рачковскаго отсутствовали — были «нерозысканы».

18 мая. Похоронили О. Пергамента. Покойный был видный член Государственной Думы. Умер от разрыва сердца, но черносотенные газеты с «Новым Временем» во главѣ заявляют, что он отправился.

Дѣло в том, что в наш вѣк «привлеченій» к суду, собирались привлечь и его с нѣсколькими другими лицами в качествѣ обвиняемаго в пособничествѣ, в бѣгствѣ заграницу и укрывательствѣ, известной мазуринцы Ольги Штейн.

Тroe друзей Пергамента, тоже члены Гос. Думы, отправились в Александроневскую лавру заказывать ему могилу. В конторѣ им сообщили, что могилы отвести не могут: митрополит Антоній чинит препятствіе.

*) Настоящая фамилія его — Свердлов.

Пошли они к Антонію. Митрополит заявил им, что хоронить Пергамента в чертѣ города и по христианскому обряду, хотя он и православный, нельзя: он самоубийца.

Тогда пріїхавшіе достали из кармана удостовѣреніе прокурора и полиціи, что препятствій с их стороны к погребенію тѣла не имѣется и, что произведенное слѣдствіе установило факт естественной смерти Пергамента.

Митрополит отвѣтил, что это, конечно, мнѣяет дѣло, но что он должен переговорить с обер-прокурором, т. к. наканунѣ по поводу предстоящаго погребенія Пергамента было засѣданіе из пятнадцати владык и один из них, владыка Херсонскій и Николаевскій, сказал, что если бы даже Пергамент умер своей смертью, то его не слѣдует хоронить, в Лаврѣ, т. к. неизвѣстно, был ли он у исповѣди и причастія в текущем году.

Депутація горячо принялась возражать против дикаго мнѣнія, но Антоній сказал, что споры напрасны.

Возмущенные депутаты отправились к предсѣдателю Госуд. Думы, Хомякову. Было девять часов вечера. Хомяков по телефону позвонил к Столыпину и весьма рѣзко пересказал ему содержаніе переговоров с Антоніем, добавив, что он не сомнѣвается, что вся Гос. Дума сочтет исторію с тѣлом выдающагося сочлена ея за личное оскорблѣніе и что, кроме того, все общество Петербурга сумѣет достойно реагировать на нее.

В 11 час. вечера Столыпин позвонил Хомякову и сообщил, что всѣ препятствія устраниены, но только похороны должны произойти на Смоленском кладбищѣ.

Похороны вышли весьма впечатльные; весь Невский был залит народом; часть публики была обманута публикациями, гласившими, что погребение состоится в Лаврѣ и долго напрасно ожидала у ворот ея приближенія процессіи.

19 мая. Карышев бросил журнал и уѣхал в свое имѣніе, под Бологое.

По городу ходят масса разнорѣчивых толков про смерть Пергамента.

Бесѣдовал сегодня по поводу похорон его с нашим дьяконом. Дьякон дал нѣсколько иное освѣщеніе происшедшему. Оказывается, похороны Пергамента совпали с Духовым днем — престольным праздником в Лаврѣ, по престольным же праздникам церкви похорон не производятъ.

14 iюля. Много воды утекло и дѣл совершилось за то время, что я опять не прикасался к этой книгѣ. Причина послѣдняго не лѣнь, а то, что книгу эту приходится хранить въ безопасномъ мѣстѣ, не у себя на квартире.

Отъ «Образованія» и Карышева простыл и слѣдъ: подписчики остались съ носомъ, а Карышев, по слухамъ, уже заграницей.

Кромѣ «Образованія», естественной смертью опочило «Слово» — довольно таки бездарная и пустьпорожняя газета; «Новая Русь» дышетъ на ладанъ и такимъ образомъ к услугамъ Петербуржцевъ остается только одна «Рѣчь».

Былъ, между прочимъ, сегодня въ редакціи журнала «Mip».

Въ ночь на десятое къ нимъ нагрянули гости — жандармы и полиція. Дѣло въ томъ, что «Mip» первый помѣстилъ статейку о провокаторѣ Гартингѣ-Ландейзенѣ и теперь, когда дѣло загремѣло

по всему свѣту, на нее обратили вниманіе. Автор статейки — Семенов, настоящее имя которого Соломон Коган, был арестован, но так как он французскій подданный, то его через сутки выпустили. Дома у него все перевернули вверх дном.

В половинѣ второго ночи компанія нагрянула к Богушевским; был «сам» начальник сыскного отдѣленія с помощником и, кромѣ того, 14 офицеров поліціи и жандармеріи с приличным количеством нижних чинов.

Перерыли контору, редакцію и помѣщеніе самих Богушевских, забрали портфель с бумагами Семенова, кое-какія рукописи, письма и, по пяти экземпляров всѣх изданій «Mira».

Ничего опаснаго не нашли, да и глупо было искать что-либо у таких добродушных младенцев, как Богушевскіе. Единственное же к чему могли придраться — письмо Хрусталева-Носаря лежало в папкѣ с другими письмами, но замѣчено ни одним из 14 офицеров не было.

4 декабря. На днях был в редакціи «Mira» и толстяк, старшій Богушевскій встрѣчает меня и, по обычаю своему, кричит во все горло: — черт знает что! Непріятности у нас, безобразіе!

— Что такое?

— Да с Тенеромо!

Оказывается, этот толстовец и вегетаріанец устроил такую штуку: уговорил Богушевского дать на будущій год в приложениі к журналу свою «необычайно интересную книгу» — «Живыя рѣчи Толстого».

Получил с него 500 р. в видѣ аванса (продал за 1000 р.); «Васенька» на сумасшедшую сумму напечатал объявленій, каталогов и анонсов и вдруг по-

лучил письмо из склада «Посъѣ», гласящее, что книга Тенерома уже издана им, совершенно не идет и почти цѣликом лежит в кладовой, а потому журнал «Мір» права издавать эту книгу не имѣет (издана была в 1908 г.).

Между тѣм, Тенеромо увѣрил Богушевскаго, что изданіе давно «расхватано» и крайне важно для журнала... Васенька развелся и, когда явился Тенеромо, — а явился он за получениемъ остаточной суммы, — сталъ объясняться съ нимъ.

Не вкушающій мяса вегетаріанецъ призналъ происшедшее «недоразумѣніемъ» и предложилъ весьма простую комбинацію для насыщенія овецъ и волковъ: перемѣнить заглавія рассказовъ, вошедшихъ въ книги, или хотя бы нѣсколько измѣнить ихъ.

«Васенька» рассказывалъ это при Н. О. Пружанскомъ.

— Разумѣется, я отказался, воскликнулъ Васенька, оттопыривая нижнюю губу и махая руками: благодарю покорно, я въ такихъ продѣлкахъ неучаствую!

— О-о! протянулъ Пружанскій. — Я хорошо его знаю. Онъ давно живетъ на счетъ Толстого и надуваетъ публику: это не рѣчи Толстого, а переложеніе Талмуда; онъ Талмуд обкрадываетъ!

Богушевскіе — весьма порядочные люди. Васенька — издатель, кромѣ того, чрезвычайно остромыслый и добродушный по природѣ человѣкъ, но совершенно еще въ сыромъ видѣ. Онъ, напримѣръ, серьезно спрашивалъ меня, когда Иванъ Щеглов принесъ ему весьма глупый рассказъ (помѣщенный потомъ въ «Мірѣ») — кто выше и лучше — Щеглов или Чеховъ? Подобныхъ вопросовъ онъ задавалъ десятки.

6 декабря. Авансов набрала у Васеньки литературная братія без конца; вообще, эта злополучная редакція является мѣстом, куда слетается коршу́лье, только затѣм, чтобы урвать кусочек.

Тенеромо, вмѣсто того, чтобы обходить за двѣ версты редакцію «Мира», ходит в нее каждый день и все уговаривает Богушевских «не обращать вниманія на претензію «Посѣва».

— А я не сдаюсь! — восклицал, передавая мнѣ это, Васенька. Настоящій он Живокин, только не сознающій своего комизма! — чѣм драматичнѣе положеніе, в какое попадает он, тѣм большій смѣх вызывают его рассказы.

Удержаться от искушенія говорить Васенька рѣшительно не может и выбалтывает все, что только ни сообщают ему. И такому-то человѣку литературная братія повѣряет «по секрету» один про другого, что он бездарен, глуп и т. п. Васенька помирает со смѣху, передавая всѣ эти гнусности, основанные только на желаніи выпихнуть того или другого из редакціи, чтобы занять больше мѣста под свои статьи.

20 декабря. Для полной обрисовки Богушевских расскажу, как ведут дѣла эти люди.

Левушка — горный инженер по профессії — очень мало свѣдущій в литературѣ человѣк; вдобавок, он глух и упрям, как цѣлая хохлацкая губернія. Задумали эти благодушные обыватели издавать журнал и первым дѣлом устроили контору.

Пригласили за 150 р. бухгалтера, затѣм завѣдывающаго конторой и конторщика. В завѣдывающіе складом добыли откуда-то нѣкоего Гинлейна — лысаго нѣмца; секретарем поступил к ним Ф. Ф. Потѣхин.

Послѣдній «поступил» просто: явился в один прекрасный день без всякого зова и стал «помогать» в конторѣ, явился и на другой день, и на третій... Богушевскіе радовались. Когда стали выдавать конторѣ жалованье — пришел получать его и Федор Федорович.

— Но вѣдь вы не служите?... осмѣлился сконфуженно возразить Васенька.

— Нѣт, служу. Я же работал? Без меня вы не обойдетесь! — твердо возразил Потѣхин. Деньги ему были выданы и, таким образом, он вдоворился у них явочным порядком.

Подписка шла плохо; работы в конторѣ не было в сущности и для одного человѣка. Васенька и Левушка ворчали и жаловались на расходы, но когда им совѣтовали прежде всего сократить контору — они оглядывались на закрытыя двери, понижали голос и переводили разговор на другія темы.

«Контора» дѣлала, что хотѣла; книгопродавцы открыто говорили, что Гинлейн продает книги, и наконец из области толков дѣло перепало на факты: в кладовой Богушевских обнаружилась пропажа на 3.000 р. книг. Ключ от склада находился всегда у Гинлейна.

Тѣм не менѣе и послѣ этого случая у Васеньки не хватило духа раастаться с ним. Чрезвычайно милая и симпатичная старушка — мать Богушевских — Прасковья Александровна, выходила из себя, но рѣшительно ничего не могла подѣлать со своими обожаемыми телятами.

Наконец, контора дошла до того, что стала не только даром получать деньги, но еще и грубить за это. В один прекрасный день Васенька вышел

из себя и закончил почти, как Агафья Тихоновна в «Женитьбѣ» — вон убирайтесь всѣ! Чтоб духу ва-шего здѣсь не было!

Я пришел в «Мир» как раз послѣ этой исторіи и Васенька, разгуливая по кабинету в видѣ индѣй-скаго пѣтуха, сообщил мнѣ с торжеством, что «слава Богу, выгнал, наконец, всѣх к черту».

Я порадовался за него. Прихожу на другой день, — гляжу — контора вся в сборѣ попреж-нему; тишина, всѣ сидят нагнувшись над столами и усиленно что-то пишут. Прохожу к Васенькѣ в кабинет и спрашиваю, что все это значит?

Васенька сконфуженно разводит руками.

— Пришли, — говорит. — Опять работают!

— Да что же вы их не вытурите?

— Пришли! — опять повторяет Васенька. — Что-ж подѣлать? Я им говорю, что они не нужны, а они сидят!

Я чуть не умер от смѣха.

И такая исторія повторялась по сіе время уже трижды: раз выгонял их Васенька, во второй раз, во время отъѣзда его — мать его и в третій раз — Левушка, «а они все сидят»!

1910 год.

4 января. Был сегодня у Н. П. Карбасни-кова; бесѣдовали с ним о всякой всячинѣ. Пирожков, оказывается, подвел его с «затылками» векселей не на 100, а ровно на 180 тысяч рублей.

— Да, говорил Николай Павлович, — не думал я, что придется на старости лѣт попасть в такую кашу! — Ему бѣднаго пришлось для спасенія дѣла преобразоваться в «товарищество».

Рассказал мнѣ слѣдующее.

Был он в судѣ. К предсѣдателю подходит какая-то старуха, кланяется и просит у него билет на каторгу. Тот в недоумѣніи, и отвѣчает ей, что никаких билетов суд не выдает. Та стоит на своем и, в концѣ концов, старуху уводят.

— Екнуло у меня сердце! — говорил Н. П. — Сам только что пережил тяжелую исторію с сыном, жалко мнѣ ее стало. Поманил ее к себѣ пальцем и велѣл прийти сюда, в магазин. Явилась она. Расскажи, говорю, что у тебя за дѣло? Так и так, говорит: сын на каторгу сослан, остались мы вдвоем со стариком; его, как забрали сына, паралич разбил; живем в подвалѣ, а теперь для дров он понадобился, так выселяют нас. А пенсія получаем всего пять рублей в мѣсяц. Мы и рѣшили к сыникуѣхать; помирать вѣдь все равно гдѣ!

— А за что он на каторгу попал?

— Сын то? А за леворверты: леворверты у него нашли!

— Вот что, говорю, старуха.—Иди-ка ты опять сейчас в суд, принеси мнѣ копію с обвинительного акта: посмотрим — может быть, как-нибудь помочь твоему сыну можно будет?

Принесла ему старуха копію. Дѣло оказалось такого рода: сын ея служил при меблированных комнатах гдѣ-то на Фонтанкѣ. В один прекрасный день часто бывавшій субъект — фамилію его забыл и помню только, что она грузинская — обращается к нему и просит его припрятать на нѣсколько дней два револьвера.

Дуралей взял их и даже гордился такого рода довѣренностью к своей особѣ и не только не скрывал этой «тайны», но даже хвастался на кухнѣ этим событием в своей жизни.

Нашлась баба, которая сказала ему «дурака», напугала и убѣдила вернуть револьверы их хозяину. Умная голова рѣшила исполнить это на другой день, а ночью пришли с обыском и парня забрали с поличным. В сосѣднем домѣ тоже был обыск: там найдены были бомбы.

«Дѣло» этого хранителя пристегнули к дѣлу боевой организаціи, и дурак, вмѣсто штрафа за храненіе оружія без дозволенія попал на каторгу.

Карбасников принял самое горячее участіе в старухѣ; хлопоты его увѣнчались успѣхом, и вот на-днях получена телеграмма, что сына ея возвращают с каторги.

29 января. Видѣл Н. Н. Шаврова, только что прїехавшаго из Туркестана, гдѣ он завѣдывает переселеніем. Много рассказывал о безобразіях, творящихся в Туркестанѣ; Кривошеин, министр, встрѣтил его теперь по прїездѣ весьма нелюбезно и рѣзко заявил, что его послали в Туркестан «заниматься дѣлом, а не политикой».

Шавров возразил, что он и не думал заниматься ничѣм подобным. Тогда Кривошеин, глядя на него в упор, сказал: «неужели вы такие наивны, что думаете, что ваши писем не распечатывают и не читают?».

В Ташкентѣ вышла с перлюстраціей исторія такого рода. Ревизовал этот край граф Пален и ревизовал, судя по отзывам Шаврова, очевидца ревизіи, весьма плохо. Чиновники его шатались по

«зведеніям», опрашивали лакеев, выгнанных чиновников, и вообще старались выуживать всяких свѣдѣній у самых подонков.

Одному из чиновников Палена потребовалось какое-то дѣло из канцеляріи генерал-губернатора. Дѣло выдали и — о конфузѣ! в нем оказалась подшитыми письма самого Палена, адресовавшіяся им лично к Столыпину.

Их перехватывали, «пріобщали» к дѣлу и до такой степени просто смотрѣли на такого рода «службу», что даже забыли о них и выдали вмѣстѣ с дѣлом Паленскому же чиновнику.

Скандал вышел грандиозный.

31 января. Заглянул Г. В. Бартенев. Хочет ликвидировать свое участіе в книгоиздательствѣ «Посѣв».

Был у Н. С. Алексѣева — пріятеля, нынѣ покойного уже и мало кому известнаго поэта — сатирика Щиглева.

Бартенев прочел мнѣ на память пару стихотвореній послѣдняго и они так мнѣ понравились, что я задумал написать статью о нем. Бартенев потащил меня к Алексѣеву за материалами, но их у него оказалось мало и 10 числа мы учиним напечтвіе на семью Щиглева.

Кому известно теперь это имя? А вмѣстѣ с тѣм Владимир Романович был весьма одаренный человѣк; складка ума у него была рѣзко сатирическая и по этой причинѣ огромному большинству его стихов увидѣть свѣта в печати не удалось; теперь много их затеряно и утрачено, а, повторяю, жаль.

Видѣл у Николая Семеновича нѣсколько картин работы того же Щиглева — копію с Рѣпин-

скаго портрета Толстого и стѣну с распахнутой желѣзной дверью. По объясненію Н. С. — это вход в покинутую политическую тюрьму; и вход, и дверь все заросло красными цвѣтами... тюрьма пуста...

Розовое «праздное мечтаніе» сіе и портрет Толстого исполнены очень недурно. Кромѣ них Алексѣев показал нѣсколько картонок, — крышек от коробок с гильзами; на одной из них мастерски написан генерал Дитятин в его классической позѣ.

Человѣк Щиглев был нервный, подвижной, ки-
пучій, не терпѣвшій никаких противорѣчій. Умер он мгновенно, ночью, шестидесяти лѣт от роду. И что осталось от всей этой кипучей жизни? Нѣ-
сколько стихов, напечатанных в давно исчезнув-
ших и забытых газетах, да водевиль «Помольвка в Галерной гавани». И только небольшой кружок старичков знакомых оживляется теперь, услыхав имя Щиглева и начинает вспоминать его мѣткія словечки и хлесткіе стихи.

Послѣ Щиглева осталась незаконченная картина — русскіе писатели в раю.

Ближе к Саваою, в облаках сидит Екатерина II, Державин и др. Всѣ они расположены по ран-
гам от земли до неба; за столиком, на землѣ, об-
жирается дѣдушка Крылов.

10 февраля. Сейчас вернулся с Большой Болотной ул. от Щиглевых. Очень милая, тихая семья старого склада; состоит она из двух старушек — жены Щиглева и ея сестры и из дочери первой.

Снабдили меня двумя объемистыми пачками рукописей Владимира Романовича; писал он в переплетенных тетрадках; к сожалѣнію, многое из этих тетрадок вырвано и уничтожено — он одно время

жил в меблированных комнатах и, боясь обыска, поуничтожил особенно рѣзкія вещи.

Бесѣдовали, конечно, больше о нем; предложение мое написать статью о покойном было принято с благодарностью, обѣщали собрать побольше материалов. На стѣнах у них висит нѣсколько картин работы его; очень недурна, между прочим, картина, изображающая Николая I, стоящаго во весь рост в халатѣ и ночном колпакѣ Петра I. Халат длинен и лежит частью на землѣ, туфли велики тоже, но виду Николая прегордый.

— Это он ъздил ума набираться! — говоривал Щиглев. Дѣло в том, что Николай I в послѣдній год своего царствованія, дѣйствительно ъздил в Петергоф и там ночевал в комнатѣ Петра I. Сторож будто бы подглядѣл в щелку и видѣл Николая, надѣвшаго вещи Петра. Рассказ его и вдохновил Щиглева.

Добавлю, что Щиглев был замѣчательный музыкант и композитор-импровизатор.